

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2021

1(47)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

1 (47) 2021
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

1 (47) 2021
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

ОЧУ ВО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Баласникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ардила Альфредо PhD, профессор Международного университета Флориды, Майами (США)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, член-корреспондент Российской академии образования, Санкт-Петербург (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Индексируется РИНЦ, E-library, КиберЛенинка, Google Scholar, ERIN PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Москва 2021

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2021

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2021

© Авторы, 2021

Подписано в печать 29.03.2021. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,37 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Subscription Index 37152

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, *chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, *deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Alfredo Ardila Ph.D., Florida International University, Miami (USA)

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of theory of language and translation, Tver State University, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Director at Communications Studies Centre, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, Doctor of Biological Sciences, Doctor of Philology, Professor, Head of the Laboratory of Cognitive research and the department of problems of convergence of natural and human sciences St. Petersburg State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, St. Petersburg (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovsky, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, Cyberleninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2021

© Institute of Linguistics of Russian Academy Of Sciences, 2021

© Moscow International Academy, 2021

© Authors, 2021

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

- К юбилею Халеевой И.И. 8

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Горохова Д.В.** (*Одинцово, Россия*)
Самопожертвование как культурная ценность в сознании молодых россиян 16
- Маланов С.В., Полякова М.С.** (*Москва, Россия*)
 Зависимость воспроизведения семантического содержания подлежащих, сказуемых и дополнений от использования определений и обстоятельств в составе высказываний 30
- Норман Б.Ю.** (*Минск, Беларусь; Екатеринбург, Россия*)
 Раздвоение личности с позиций психологии и лингвистики 48
- Natalya D. Pavlova, Tina A. Kubrak, Olga M. Kochkina** (*Moscow, Russia*)
 Post-Event Internet Discourse and Its Peculiarities in the Context of COVID-19 Pandemic 62
- Селезнева Е.В.** (*Москва, Россия*)
 Культура в ироническом осмыслении современного городского фольклора 76
- Стернин И.А.** (*Воронеж, Россия*)
 Ложные значения в языковом сознании: реальность или фикция? 98
- Харченко Е.В., Мань Шу** (*Челябинск, Россия*)
 Специфика восприятия и понимания эргонимов в межкультурной коммуникации 110

ГОСТЬ НОМЕРА

- Власкина Т.Ю.** (*Ростов-на-Дону, Россия*)
 Самоидентификация жителей непризнанных Республик Донбасса: по материалам общения в Интернете 126

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- Колесникова Е.И.** (*Воронеж, Россия*)
 Проблема описания гендерной специфики семантики слова 140
- Юе Цюй** (*Москва, Россия*)
 Пространственный образ как носитель геокультурной и лингвокультурной информации (на материале обучающей топонимической базы данных «Московская топонимика») 148
- Цзя Шуюе** (*Москва, Россия*)
 Образ врача в языковом сознании носителей русского и китайского языков 160

РЕЦЕНЗИИ

- Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 336 с. – (Studia philologica.).
(Бубнова И.А.) 170

ИНФОРМАЦИЯ 177

OUR ANNIVERSARIES

- On the Anniversary of Irina I. Khaleeva 8

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

- Daria V. Gorokhova** (*Odintsovo, Russia*)
Self-Devotion as a Cultural Value in the Consciousness of Young Russians 16
- Sergey V. Malanov, Marina S. Polyakova**
 Reproduction of Semantic Content of Subjects, Predicates, and Objects and Its Dependence on the Use Of Attributes and Adverbial Modifiers in Sentence Composition 30
- Boris Ju. Norman** (*Minsk, Republic of Belarus; Ekaterinburg, Russia*)
 Personality Disorder in Terms of Psychology and Linguistics 48
- Natalya D. Pavlova, Tina A. Kubrak, Olga M. Kochkina** (*Moscow, Russia*)
 Post-Event Internet Discourse and Its Peculiarities in the Context of COVID-19 Pandemic 62
- Elena V. Selezneva** (*Moscow, Russia*)
 Culture in the Ironic Interpretation of Modern Urban Folklore 76
- Joseph A. Sternin** (*Voronezh, Russia*)
 False Meanings in Linguistic Consciousness: Reality or Fiction? 98
- Elena V. Kharchenko, Man Shu** (*Chelyabinsk, Russia*)
 Aspects of Ergonyms Perception and Understanding in Cross-Cultural Communication 110

GUEST OF THE ISSUE

- Tatyana Yu. Vlaskina** (*Rostov-on-Don, Russia*)
 Analysis of Self-Identification of Residents of Unrecognized Donbass Republics: a Case Study of Internet Communication 126

YOUNG SCHOLARS' STUDIES

- Ekaterina I. Kolesnikova** (*Voronezh, Russia*)
 The Problem of Describing the Gender Specificity of Word Semantics 140
- Yue Qu** (*Moscow, Russia*)
 Spatial Image as a Carrier of Geocultural and Linguocultural Information (A Case Study of The Training Toponymic Database "Moscow Toponymy") 148
- Jia Shuyue** (*Moscow, Russia*)
 The Image of a Doctor in the Linguistic Consciousness of Native Speakers of Russian and Chinese 160

REVIEWS

- Shaposhnikova I.V. Modes of Identification of the Russian Language Personality in the Epoch of Changes. – M.: Publishing House YaSK, 2020. – 336 p. – (Studia philologica.). (**Bubnova I.A.**) 170

INFORMATION

177

Редакция журнала «Вопросы психолингвистики» поздравляет Ирину Ивановну Халееву с юбилеем и желает здоровья, неиссякаемой энергии, продолжительной творческой и научной жизни!

4 февраля замечательный юбилей отметила легендарная Ирина Ивановна Халеева – человек, которого знает весь лингвистический мир и все, кто связан с системой отечественного лингвистического образования.

Ирина Ивановна родилась 4 февраля 1946 года в г. Пхеньян (КНДР) в семье Героя Советского Союза, участника боев у озера Хасан и Великой Отечественной войны И.А. Бахметьева, впоследствии генерал-лейтенанта.

Как и многим детям военных, часто переезжавшим вместе с родителями к новому месту службы, Ирине пришлось сменить восемь школ, что никак не помешало ей в 1964 году поступить в 1-ый Московский государственный педагогический институт им. Мориса Тореза (ныне – Московский государственный лингвистический университет, МГЛУ).

По окончании вуза в 1969 г. И.И. Халеевой предложили остаться на преподавательской работе в альма матер, где она прошла все должности от преподавателя до ректора. В дальнейшем вся жизнь Ирины Ивановны посвящена родному вузу, его развитию и совершенствованию.

В 1977 году И.И. Халеева защитила кандидатскую диссертацию «Обучение диалогической речи в языковом вузе на основе использования звукозаписи (на материале устных клише немецкого языка)» по специальности 13.00.02 – методика преподавания иностранных языков, а в 1987 году стала доцентом по кафедре немецкого языка.

В 1986 г. И.И. Халеева была назначена на должность ректора, в 1990 г. защитила докторскую диссертацию «Основы теории обучения пониманию иноязычной речи» (по специальностям 13.00.02 – методика преподавания иностранных языков и 10.02.19 – теория языка), а в 1991 году получила ученое звание профессора по кафедре методики обучения иностранным языкам в языковых вузах.

С 17 марта 1993 г. И.И. Халеева – член-корреспондент Российской Академии Образования; с 15 апреля 1999 года – Действительный член Российской Академии Образования (отделение профессионального образования).

И.И. Халеева возглавляла МГПИИЯ им. М. Тореза (ныне Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный лингвистический университет») с 1986 по февраль 2016 года; переизбиралась в должности ректора в 1989, 1994, 1999 и 2003, 2008, 2013 гг.

В 1991 г. И.И. Халеева добилась для вуза статуса университета, а затем под ее руководством вуз совершил мощный рывок вперед: стратегическое мышление Ирины Ивановны позволило ей увидеть и реализовать перспективные направления развития вуза в постсоветскую эпоху – начать преподавание языков стран СНГ, открыть новые специальности, предусматривающие получение профессии и языковой подготовки высокого класса. На новый уровень И.И. Халеева вывела и переводческое образование, сделав МГЛУ кузницей высококвалифицированных переводческих кадров для МИД, ООН и других важных общественных институтов. Новаторская концепция «вторичной» («двуединой») языковой личности, разработанная И.И. Халеевой, легла в основу принципиально новой стратегии подготовки кадров, призванных осуществлять межъязыковую и межкультурную коммуникацию между народами и странами. Данная стратегия была одобрена Российской академией образования и Министерством образования Российской Федерации и, благодаря усилиям Ирины Ивановны, была в

полной мере реализована в вузе при подготовке переводчиков и преподавателей. Под руководством И.И. Халеевой МГЛУ долгие годы входил в число лучших вузов страны, разрабатывал новые актуальные направления образования.

Инновативное и смелое мышление ректора позволило также открывать и развивать в МГЛУ новейшие научные направления: здесь впервые в России были созданы кафедра психолингвистики, лаборатория гендерной лингвистики; разработаны проекты «Европейский языковой портфель», «Лингвапарк», возникли многие другие новаторские начинания.

И.И. Халеева – выдающийся организатор науки и видный деятель высшей школы, создатель системы лингвистического образования в России; Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования 2007 г., а также крупный ученый, признанный лидер отечественной школы подготовки профессионалов межкультурной коммуникации (переводчиков, дипломатов, журналистов-международников, преподавателей иностранных языков и др.), автор более 100 научных трудов в области теории обучения иностранным языкам и переводу, теории языка и германистики.

Под руководством И.И. Халеевой подготовлены и защищены многочисленные кандидатские и докторские диссертации.

И.И. Халеева являлась председателем двух диссертационных советов при ГОУ ВПО МГЛУ по защите докторских и кандидатских диссертаций, а также: членом Научного совета по образованию при Президиуме Российской Академии Наук (РАН); Коллегии по аттестации научно-педагогических кадров Министерства образования и науки РФ; Коллегии по лицензированию, аттестации и аккредитации вузов Министерства образования и науки РФ; Межведомственной комиссии по русскому языку при Правительстве Российской Федерации; Совета по русскому языку при Президенте РФ; Федерального экспертного совета Министерства образования и науки Российской Федерации; Межведомственного совета по присуждению премий Правительства Российской Федерации в области образования; Президиума Высшей Аттестационной Коллегии (ВАК РФ); Стратегического комитета Национального фонда подготовки кадров (НФПК); руководителем Пилотного проекта Совета Европы «Общеввропейский языковой портфель», Международного Аккредитационного комитета в Совете Европы по проекту «Языковой портфель»; членом Всемирного Совета Международной федерации современных языков; РСМД (Российского совета по международным делам при МИД РФ; правления ELC; научного совета при Совете безопасности РФ; Комиссии по работе с вузами и научным сообществом при Епархиальном совете г. Москвы; членом бюро отделения профессионального образования РАО; Председателем Российского валидационного комитета по проекту «Языковой портфель»; председателем Учебно-методического объединения по образованию в области лингвистики вузов России; Общественного совета Базовой организации по языкам и культуре государств-участников СНГ, реализующих образовательные программы «Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Лингвистика и новые информационные технологии», «Лингвистика»; Координационного совета по образованию в области лингвистики; Национальным Координатором от Российской Федерации в Совете Европы по языковой политике; членом в Международной группы экспертов Совета Европы в Проекте «Языковая политика для многоязычной и поликультурной Европы»; членом рабочей группы

Министерства образования и науки по осуществлению Болонских принципов развития высшего профессионального образования в России и рабочей группы по изучению аспектов Болонского процесса; членом Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО; президентом международного проекта ЮНЕСКО «ЛИНГВАУНИ»; президентом Российской ассоциации современных языков; Ассоциации германистов и преподавателей немецкого языка России.

Став ректором, уже в 1987 г. И.И. Халеева начала создание системы российского лингвистического образования, объединив двенадцать имевшихся на тот момент языковых вузов. В дальнейшем постсоветское Учебно-методическое объединение в области лингвистического образования охватило около двухсот вузов и факультетов иностранных языков СНГ, что позволило сохранить высокий уровень преподавания, преемственность традиции и единые дидактико-методические принципы. Усилиями Ирины Ивановны в систему лингвистического образования объединились постсоветские лингвистические вузы Москвы, Нижнего Новгорода, Пятигорска и Иркутска.

В МГЛУ под руководством Ирины Ивановны созданы также центры языка и культуры Германии, Нидерландов, Канады, Италии, Испании, Ирана, Центр франкофонных исследований, Центры практически всех языков и культур СНГ и другие уникальные структурные подразделения; успешно работали факультет повышения квалификации вузовских преподавателей, обширная аспирантура и докторантура, студенческое научное общество; ежегодно проводились яркие научные конференции, издавались журнал, научные сборники, монографии и учебники.

Ирине Ивановне пришлось руководить вузом и в нелегкие 90-е годы, преодолевая неплатежи, отток кадров, попытки рейдерского захвата и другие негативные явления, связанные с переходом страны к иному общественному строю. Все эти испытания вуз под руководством Ирины Ивановны успешно преодолел.

На посту ректора И.И. Халеева уделяла большое внимание условиям работы преподавателей: молодежь получала доплаты; из средств хозрасчета финансировались дополнительные ставки; удалось сохранить количественно небольшие языковые группы, помогать ветеранам и даже выплачивать всем преподавателям материальную помощь в начале учебного года.

И.И. Халеева помогла многим сотрудникам вуза в тяжелых жизненных ситуациях.

Деятельность И.И. Халеевой отмечена многими государственными и общественными наградами и премиями:

Награды и премии Российской Федерации:

- Орден Почета, 1995 г.
- Орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени, 2000 г.
- Орден «За заслуги перед Отечеством» III степени, 2006 г.
- Медаль «В память 850-летия Москвы», 1997 г.
- Медаль «За укрепление боевого содружества», 2002 г.
- Премия Правительства Российской Федерации в области образования, 2007 г.
- Золотая медаль Российской академии образования «За достижения в науке», 2011 г.

Нагрудные знаки:

- «Почетный работник высшего образования России», 1996 г.
- «200 лет Министерству Иностранных дел Российской Федерации», 2002 г.

Награды Русской Православной церкви:

- орден святого благоверного князя Даниила Московского III степени, 2008 г.

Награды зарубежных государств:

- Орден «Золотой крест» (Высшая награда Общероссийской общественной организации «Союз Армян России»), 2002 г.
- Орден Княгини Ольги III степени (Украина), 2003 г.
- Почетная Грамота Киргизской Республики, 2003 г.
- Офицерский крест Ордена «За заслуги» I-ой степени (Федеративная Республика Германия), 2005 г.
- Орден «Данакер» (Киргизская Республика), 2008 г.
- Грамота Совета глав государств СНГ за активную работу по укреплению и развитию Содружества Независимых Государств, 2008 г.
- Крест Ордена за Гражданские заслуги – награда короля Испании Хуана Карлоса I, 2011 г.
- Правительственные награды КНР за распространение китайского языка в РФ «Individual Performance Excellence Award» (от штаб-квартиры Институтов Конфуция, 2014 и 2015 гг.).

Среди блестящих успехов Ирины Ивановны Халеевой особо отметим тот факт, что ей удалось сохранить советские достижения и развить дальше систему лингвистического образования в стране. Тем самым сохранились и приумножились уникальные достижения отечественной лингводидактики.

Сегодня Ирина Ивановна продолжает свою деятельность в качестве ученого, научного руководителя Московской международной академии, а с 2016 г. получила еще и статус бабушки замечательного внука Кирюши.

От лица многих сотен благодарных выпускников МГЛУ, коллектива Московской международной академии и всего лингвистического сообщества журнал «Вопросы психолингвистики» сердечно поздравляет Ирину Ивановну с замечательным юбилеем и желает здоровья, счастья, радости, достижения новых творческих вершин.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
АКАДЕМИКУ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ
И.И.ХАЛЕЕВОЙ

Уважаемая Ирина Ивановна,
Сердечно поздравляю Вас с днем рождения.

Талантливый педагог и заслуженный ученый, Вы посвятили свою жизнь преподаванию и науке. Трудно переоценить Ваш многолетний личный вклад в развитие легендарного ИнЯза – кузницы отечественных переводческих и филологических кадров. В МИД России всегда ценили высокий уровень подготовки выпускников МГЛУ, нашедших свое призвание на внешнеполитической стезе. Ваши заслуги снискали авторитет коллег и учеников и по праву отмечены государственными наградами.

Радует, что и сегодня Вы продолжаете вести активную общественную и педагогическую работу, щедро делитесь накопленными знаниями и навыками с молодыми специалистами. От души желаю Вам доброго здоровья, благополучия, новых творческих успехов и всего наилучшего.

С.ЛЯВРОВ

«4» февраля 2021 года

Глубокоуважаемая Ирина Ивановна!

Позвольте поздравить Вас с днем замечательного юбилея!

Вы пришли к нему с выдающимися результатами, пройдя путь от студентки до ректора главного лингвистического вуза страны, председателя Учебно-методического объединения по образованию в области лингвистики вузов России, председателя Общественного совета Базовой организации по языкам и культуре государств-участников СНГ, председателя Координационного совета по образованию в области лингвистики, национальный Координатор от Российской Федерации в Совете Европы по языковой политике, члена Международной группы экспертов Совета Европы в Проекте «Лингвистическая политика для многоязычной и поликультурной Европы»; члена рабочей группы Министерства образования и науки по осуществлению Болонских принципов развития высшего профессионального образования в России и рабочей группы по изучению аспектов Болонского процесса, члена Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, президента Российской ассоциации современных языков, президента Ассоциации германистов и преподавателей немецкого языка России, члена Всемирного Совета Международной федерации современных языков и многих других важных государственных, международных и общественных организаций.

Вы разработали теорию вторичной языковой личности, на основе которой подготовлено не одно поколение высококвалифицированных переводчиков. Будучи крупным ученым и видным деятелем отечественного образования, Вы не ограничились лишь этой работой и создали ряд значимых трудов и проектов в области лингводидактики, в том числе «Европейский языковой портфель», «Лингвауни» и другие.

В очень молодом возрасте Вы возглавили ведущий лингвистический вуз страны и в течение тридцати лет вели его от успеха к успеху, проявив себя как талантливый администратор и организатор науки и образования. Ваша глубокая преданность делу и любовь к профессии, талант ученого и руководителя помогли Вам не только сохранить – а по сути спасти – вуз в «лихие девяностые», но и придать ему мощный импульс поступательного развития. Стратегическое мышление позволило Вам предугадать актуальные направления развития МГЛУ и создать в нем отвечающие требованиям современности структуры. В числе первых Вы организовали очень востребованное ныне обучение языкам народов СНГ, открыли совместные с зарубежными вузами программы магистратуры, поддержали научные направления, высокая актуальность которых не была тогда так очевидна, как сегодня.

Главная Ваша заслуга в этой области профессиональной деятельности – создание и развитие системы лингвистического образования в России. Вы уверенно шли к новым горизонтам, открывали новые направления в лингвистическом образовании и научной деятельности вуза, сделав его главной лингвистической площадкой страны. Многие сотни преподавателей вузов прошли обучение на факультете повышения квалификации, успешно закончили аспирантуру и докторантуру в МГЛУ. Выпускники МГЛУ востребованы во многих важных сферах жизни общества – от школ и вузов до Министерства иностранных дел и Государственной Думы.

Ваш вклад в отечественное образование высоко оценен государством: Вы – кавалер многих государственных и международных наград, в том числе двух орденов «За заслуги пред Отечеством».

Многие преподаватели благодарны Вам за создание и сохранение рабочих мест, поддержку молодых кадров и пенсионеров, атмосферу творчества и высокого профессионализма, созданную Вами в вузе.

Сегодня Вы передаете свой богатый опыт коллегам в качестве научного руководителя Московской международной академии.

В этот знаменательный день коллектив Московской международной академии желает Вам крепкого здоровья, новых творческих взлетов, радости и успехов.

Ректор ММА

Ливну Михайлович Терентий

Глубокоуважаемая Ирина Ивановна!

Позвольте от своего имени и имени коллег по отделу психолингвистики Института языкознания РАН сердечно поздравить Вас с Юбилеем! Более 20 лет мы работали по Вашему приглашению во МГЛУ, совмещая основную научную работу с преподаванием.

Это было прекрасное время, которое много дало для развития и популяризации нашего научного направления. Низкий Вам поклон за это!

Желаем Вам доброго здоровья, бодрости духа и многая и добрая лета!

**Заведующий отделом психолингвистики
Института языкознания РАН**

Е.Ф. Тарасов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23
ББК 81.003

Научная статья

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-16-29

САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ КАК КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ В СОЗНАНИИ МОЛОДЫХ РОССИЯН

Горохова Дарья Вадимовна

Одинцовский филиал МГИМО МИД России, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблеме динамики ключевых ценностей русского лингвокультурного сообщества, входящих в ядро его когнитивной базы. Представлен комплексный анализ данных психолингвистического эксперимента, направленного на экспликацию реального содержания ценности *самопожертвования* и маркирующих ее прецедентных имен. Моделирование актуального содержания ценности *самопожертвование* проводилось при помощи метода семантического гештальта, который затем сравнивался с семантическим гештальтом, построенным по данным словарей.

Проведенное исследование показало, что в настоящее время в сознании поколения молодых людей смысл ценности *самопожертвование* кардинально расходится с традиционным, сохранявшимся в культуре до начала XXI века. В настоящий момент для большинства респондентов *самопожертвование* не рассматривается как нравственный закон, более того, значительная часть участников эксперимента (25%) относится к моральной проблеме выбора между личным интересом и интересами других резко отрицательно, определяя такое действие как глупость. Часть респондентов связывает самопожертвование только со своим ближайшим окружением. В целом из смыслового содержания слова уходят типичные для данного понятия признаки, соотносимые с морально-нравственными качествами, которые заменяются эмоцией.

Не менее важным итогом стало доказанное экспериментально изменение списка прецедентных имен, олицетворяющих данную ценность в языковом сознании современной личности. Было выявлено, что одним из основных факторов, обуславливающих изменения культурного кода, наряду со средствами массовой информации и виртуальной реальностью, активно создаваемой для различных групп молодежи, являются школьные учебники истории, использующиеся сегодня в образовательном процессе. В ходе психолингвистического анализа текстов данных учебников было доказано, что они не соответствуют основным критериям, позволяющим направленно транслировать культурные смыслы. В результате совокупного воздействия всех этих причин происходит постепенное исчезновение традиционных для культуры прецедентных имен, а в содержание когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества начинают входить ценности западной культуры.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, семантический гештальт, самопожертвование, прецедентное имя, код культуры, современный учебник истории России

Введение

Вся жизнь человека подвластна двум могущественным силам: языку, представляющему собой особый «принцип, направленный на сообщение духовных содержаний в соответствующих предметах» [Беньямин [http](#)], что и позволяет человеку выражать «свою собственную духовную сущность в своем языке» [Беньямин [http](#)], и истории с ее великими событиями, неизменно связанными с кровью и страхом, которые традиционная историография как «предмет конструкции, место которой не пустое и гомогенное время, а время, наполненное «актуальным настоящим [Jetztzeit]» [там же], часто замалчивает.

Однако язык обладает и еще одной функцией, не менее важной, чем хранение культурного кода, лежащего в основе мировосприятия и миропонимания народа, проявляющихся, прежде всего, в смысловом содержании таких базовых понятий, как *жизнь* и *смерть*, *правда* и *истина*, *добро* и *зло*, *красота* и *безобразия*, *любовь* и многих других [Вендина 2007; Гачев 2007; Воас 1995]. Именно он, являясь «культурным оружием» [Everett 2012], конструирует *я* личности, создавая такой взгляд на окружающий мир, который востребован социумом [Corballis 2011; Kelly, Zetzsche 2012] и, таким образом, получает невидимый контроль над поведением человека.

Эта особенность языка воздействовать на индивидуальное сознание, многократно описанная и в научных работах, и в многочисленных романах-антиутопиях, всегда использовалась в образовательном дискурсе, т.к. именно уровень зрелости высших психических функций, развитие которых является центральным для школьного возраста [Выготский 2005; Bruner 1996], обуславливает особенности личности и, соответственно, содержание ее *образа мира*.

Ключевым результатом школьного образования психологи считают сложившуюся индивидуальность, что предполагает одновременно и зрелое мировоззрение, и развитую систему морально-нравственных ценностей [Леонтьев А.Н. 2012; Божович 2001], причем специфика последней заключается в том, что ее формирование происходит опосредованно, прежде всего, в ходе изучения предметов гуманитарного цикла, в том числе и через тексты учебников истории, где описываются различные события, закладывающие в сознание школьника понимание таких феноменов, как *героизм*, *патриотизм*, *любовь* (в том числе и к Отечеству), *самопожертвование*, *подвиг*, *милосердие*, *трагедия* и т.д.

Все эти сущности, как отмечал В.И. Даль, относятся к уму и нраву, в совокупности образующими дух [Даль 1981: 558], причем, несмотря на его реальность, а также невозможность, как утверждают практически все русские философы, самого существования человека без духовного начала, дух нельзя соотнести с каким-либо объектом, он проявляет себя только через признаки, каковыми являются *свобода*, *смысл*, *творческая активность*, *целостность*, *любовь* [Бердяев [http](#)]. Однако постижение духа, точнее, первооснов, его составляющих, во все времена затрудняется тем, что, кроме материальной формы слова, у них нет осязаемой и видимой физической опоры в реальности. Они отражают некий идеализированный мир, идею должного, которая, как правило, вступает в противоречие с окружающей действительностью. Поэтому познание их внутренней сути каждым членом любого лингвокультурного сообщества становится возможным только благодаря деятельности отдельного человека, т.е. реальной материальности ценностного «сырья», которым являются «поступки

людей, возведенные в ранг добродетели или злодеяния. <...> ... действия людей осмысляются как поступки со знаком плюс или минус, когда есть для этого мера – имена, вмещающие эти понятия» [Чернейко 2018: 101]. Обретая статус прецедентных, т.е. характеризующихся, с одной стороны, сверхличностным характером, а, с другой, – высокой значимостью для человека в познавательном и эмоциональном отношении [Караулов 2010: 216], эти имена становятся кумулятивными знаками, содержащими важную для носителей лингвокультуры информацию, входящую в их общую когнитивную базу – определённым образом структурированную совокупность «знаний и представлений, необходимо обязательных для всех членов того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных 2002: 113]. Отсюда вполне очевидно, что постоянная трансляция (прежде всего, в процессе образования) прецедентных имен в сознание подрастающего поколения всегда рассматривалась в качестве одного из главных условий сохранения культурных ценностей народа, существующих в обществе форм внешней и внутренней регуляции поведения и чувства национальной идентичности.

Однако сегодня ситуация кардинально изменилась: уже несколько десятилетий человечество существует в эпоху глобализации, сопровождающейся процессом трансформации ценностей, норм и различных социокультурных практик. Значительная часть ученых, работающих в самых разных сферах научного знания, убеждены, что основной целью этого процесса является постепенный перевод духовной сферы в сферу торговли, что достигается путем создания неких общих, но ориентированных, прежде всего, на отдельного индивида, «идеалов», стандартизацией моральных и нравственных норм, а в итоге ведет к уничтожению этнических культур и конструированию человека нового типа – некой глобальной личности, полностью отбросившей «логоцентричные метанарративы традиционной этничности» [Maher 2010: 584] и нацеленной «лишь на “индивидуальный жизненный проект” с гедонистическим уклоном» [Кирилина 2012].

Эта точка зрения подкрепляется и экспериментальными данными, свидетельствующими, что в системе ценностей русской культуры под воздействием факторов, связанных с глобализацией, непосредственно коснувшейся, в том числе, и основ традиционной российской системы образования, происходят постепенные сдвиги [Бубнова 2015]. Однако вопрос, насколько глубоко изменения затронули культурное ядро, до сих пор остается открытым, поэтому изучение динамики смыслового содержания прецедентных имен, хранящих культурный код, а также трансформации самого их списка в когнитивной базе русского лингвокультурного сообщества приобретает в настоящее время особую значимость.

Экспериментальное исследование ценности *самопожертвование* в сознании молодых россиян

Методология и методики

Все, сказанное выше, определило **главную цель** нашего экспериментального исследования, состоящую в установлении степени сохранности когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества.

Одной из основных задач являлась оценка текстов учебников истории, используемых в образовательном процессе, с точки зрения эффективности их психологического

воздействия, направленного на формирование системы ценностей, традиционных для русской культуры. В аспекте психолингвистики такая задача подразумевала выявление структуры поля значений реципиентов, стоящих за определенным абстрактным словом, обозначающим доминантную для культуры ценность, которая маркирована прецедентным именем, хранящимся в когнитивной базе.

Исходя из того, что выводы о доминирующих тенденциях обладают наиболее высокой степенью валидности при исследовании ядерных ценностей, для изучения смыслового содержания слова в индивидуальном сознании и соответствующего этому слову прецедентного имени была выбрана ценность *самопожертвования*, которая, как отмечал Н.Я. Данилевский [Данилевский 2011], для русского сознания является наиболее широким понятием, идентичным нравственному образу жизни.

Методологическую базу исследования составили положения:

- о сознании как форме отражения объективной действительности в психике человека, где в качестве опосредствующего фактора выступают элементы общественно-исторической практики, позволяющие строить объективные (общепринятые) картины мира. Исходный источник общественно-исторической практики – это совместно осуществляемый труд. В индивидуальном развитии отдельные составляющие труда последовательно присваиваются ребенком в совместной со взрослыми деятельности, в частности в образовательном процессе [Выготский 2005];

- о специфике содержания индивидуального сознания, которое на современном этапе развития глобального общества в значительной степени определяется деятельностью различных социальных институтов, целенаправленно воздействующих на познавательную активность человека и направляющих ее в определенное русло с целью формирования требуемых отдельным социальным группам идей об окружающей личность реальности, развитой в современной постнеклассической философии [Степин 2006];

- о двойственности существования значений в индивидуальном сознании [Леонтьев А.Н. 2012; Леонтьев А.А. 2001], обусловленной, с одной стороны, их коллективным происхождением и идеологическими представлениями общества, а, с другой, их субъективностью как следствием пристрастности индивидуального сознания.

В соответствии с избранной методологией использовались следующие методы:

- метод свободного ассоциативного эксперимента, в ходе которого респондентам было предложено, во-первых, написать то слово, которое первым возникнет в их сознании на стимул *самопожертвование*, и, во-вторых, записать имена людей, воплощающих это качество;

- метод компонентного и концептуального анализа для построения семантического гештальта, отражающего смысл ценности *самопожертвование* в сознании респондентов – представителей современной студенческой молодежи;

- метод контекстуального анализа для оценки текстового материала учебников истории.

Участниками эксперимента были студенты вуза, изучавшие историю России по учебникам, используемым сегодня в современном образовании. Общее количество респондентов – 64 человека, средний возраст – 19 лет. Выборка была гомогенной,

что полностью соответствовало цели исследования и позволяло описать специфику понимания изучаемой ценности с максимальной полнотой.

Результаты и их обсуждение

Полученное в ходе эксперимента ассоциативное поле, отражающее актуальный смысл ценности самопожертвование в индивидуальном сознании, представляет интерес в нескольких аспектах.

Прежде всего, значительное количество реакций (16 из 64, т.е. 25%): *жертва* (8), *жертвенность* (4), *пожертвование* (3) *самоотдача* – являются синонимами слова *самопожертвование*, либо его толкованием – *жертвовать во благо других* (1), и, следовательно, отражают только нормальное (формальное) знание словарного состава языка (семантический уровень в структуре языковой личности по Ю.Н.Караулову). Иными словами, в данном случае речь идет о синдроме семантического опустошения – состоянии, когда при утрате личностного смысла в индивидуальном сознании присутствует лишь словарная «оболочка».

Не менее любопытен тот факт, что *самопожертвование* для многих респондентов – это ярлык с явным негативным оттенком (19 реакций, т.е. 29,6%): *слабоумие* (7), *отвращение* (6), *слабость* (6).

Позитивные реакции (важно подчеркнуть, что все ответы, кроме реакции уверенность, встречаются по одному разу, общее количество – 11, т.е. 17%, что значительно ниже, чем «пустых» смыслов либо отрицания ценности для себя): реакции *уверенность* (4), *самоотверженность*, *преданность*, *сила*, *героизм*, *стойкость*, *смелость*, *человечность* связаны с личными представлениями и, как можно предполагать, отражают стремление к постижению смысла слова как к способу внутренней организации своего я.

С другой стороны, самопожертвование связывается с профессиональной деятельностью, т.е. отделяется в сознании от личностных ценностей (всего 6 реакций, т.е. 9,3%): *солдат*, *риск*; *война*; *поступок*; *волонтер*; *пожарный*.

Часть реакций относится к семейным взаимоотношениям, причем качество приписывается старшему поколению: *мама* (6), *родители* (2).

Таким образом, семантический гештальт, т.е. единица знания о мире, структура которой отображает специфику восприятия и понимания фрагмента реальности носителем языка, построенного на основе полученных ассоциативных реакций, имеет следующие доминирующие сферы: 1) эмоция, отражающая негативное отношение к ценности, на протяжении многих веков считавшейся основным для русской культуры качеством, к выработке которого человеку следовало стремиться; 2) отношения в диаде *родители – дети*, с тенденцией ожидания жертвования своими интересами от родителей; 3) качество, присущее людям, занимающимся определенным родом деятельности; 4) морально-нравственные характеристики, позволяющие личности совершать акты самопожертвования.

Если судить по характеру ассоциаций, то можно выделить несколько разных установок, определяющих личностный смысл исследуемой ценности.

Для части респондентов нравственные законы относятся к чему-то чисто внешнему, сводимому к клише, не переживаемому лично, а просто воспроизводимому стереотипу. Сюда же можно отнести единичные реакции, в которых исполнение

нравственного закона ожидается только от людей, связанных с определенными видами деятельности.

Из числа участников эксперимента 25% относятся к моральной проблеме выбора между личным интересом и интересами других резко отрицательно, рассматривая это как глупость.

Часть респондентов связывает *самопожертвование* только со своим ближайшим окружением.

Позитивные реакции единичны и находятся на периферии поля, однако внимание привлекает тот факт, что в них отсутствуют клише, просматривается разветвленная система связей между самопожертвованием и иными морально-нравственными качествами личности, что свидетельствует о личной рефлексии и, следовательно, сохранении важности понятия для индивида.

Необходимо особо подчеркнуть, что смоделированную по экспериментальным данным структуру семантического гештальта нельзя признать стандартной, т.к. в норме такой гештальт «складывается обычно из нескольких зон (их число колеблется в пределах 7 ± 2), которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (= стимулу)» [Караулов 2000: 193–194]. Однако в нашем случае доминирует эмоция, а выделяемые признаки, отнесенные к сфере морально-нравственных качеств, позволяющих ставить интересы других выше собственных, единичны.

На следующем этапе исследования мы обратились к словарям, что дало возможность установить зоны расхождения между культурным и актуальным смыслом ценности *самопожертвование*.

Анализ всех словарных толкований позволяет представить семантический гештальт, т.е. доминантные сферы смыслового содержания данного слова, которое зафиксировано в культуре, следующим образом: 1) нравственный принцип, которому следует личность ради блага других людей; 2) добровольность, связанная с высоким уровнем развития самосознания и верой в бога; 3) служение высшим, по сравнению с личными, интересам и идеям, которое требует от личности определенных морально-нравственных качеств – самоотречения, героизма, жертвования; 4) основа роста и развития человечества, качество, препятствующее его полному уничтожению; 5) материнское (родительское) самопожертвование.

Таким образом, сравнение двух смоделированных семантических гештальтов – на основе экспериментальных данных и данных словарных статей – показывает, что единственной общей зоной для них оказывается зона *материнское (родительское) самопожертвование*. Что касается зоны, относящейся к служению высшим идеям, то она стремительно сокращается, заменяясь негативными эмоциями и клише, свидетельствующими об отчуждении самой идеи *самопожертвования*, вытеснении ее из индивидуальной системы смысложизненных ориентаций.

Отмеченные тенденции выглядят весьма интересно, особенно если рассматривать их в неразрывной связи с экспериментальным списком имен, которые отражают идею самопожертвования для современных студентов.

Во-первых, совершенно очевидно, что доминирующее в экспериментальных реакциях имя *матери Терезы* (49%), не имеет никакого отношения к истории России, богатой примерами героических подвигов и жертвования свой жизнью ради других

людей. Однако его появление (как и появление имени национальной героини Франции *Жанны д'Арк*, 33%) совершенно логично, если рассматривать этот факт в рамках общей тенденции к глобализации и учитывать ее основную цель, которая активно реализуется в дискурсе массмедиа, пропагандирующем некие всеобщие ценности и создающим всеобщих героев, что уже отмечалось выше.

Во-вторых, как представляется, не меньший, чем средства массовой коммуникации, вклад в формирование списка прецедентных имен вносит виртуальная реальность, которая замещает действительность, но сохраняет какие-то ее черты. И в этом случае создаваемый искусственный мир конструирует, навязывает и подменяет смыслы, стоящие за какими-то именами и событиями, что в эксперименте отражается в реакциях *Фил Хит*, *камикадзе*, *Оби Ван Кеноби*, *Мейс Винду*.

Третье замечание тесно связано с предыдущим и касается названия города *Сталинград*, всегда бывшего, прежде всего, символом мужества, т.е. храбрости, спокойствия духа в опасности и смелости, а также героизма как беспримерной стойкости, решительности, отваги, способности совершить подвиг, хотя следует отметить, что сама способность к самопожертвованию в критической ситуации, безусловно, присутствует на периферии смыслового поля данных слов. И в этом отношении появление данного имени в качестве маркера ценности *самопожертвование* весьма неоднозначно: данное имя может быть либо свидетельством семантической пустоты исследуемого абстрактного понятия в сознании молодых людей, либо указывать на сдвиг в иерархии сем в значении слова.

И еще один факт, несомненно заслуживающий самого пристального внимания, – это негативная оценка самой ценности в сочетании с именами *молодогвардейцы* и *Сталинград*, что требует, как представляется, отдельного и всестороннего изучения.

В целом полученные экспериментально данные не могут не вызывать вопросов, адресованных, прежде всего, системе современного образования, в частности, школьному курсу истории и, конкретно, текстам учебников, к которым мы обратились на завершающем этапе исследования.

Проведенный анализ показал следующее.

1. Определенная часть имен (*А. Маресьев*, *А. Матросов*, *Н. Островский*, *Т. Савичева*, *«Дом Павлова»*, *Хатынь*, *Бабий Яр* и др.), которые символизировали такие морально-нравственные качества, как *самопожертвование*, *мужество*, *героизм*, *трагедию* и были прецедентными для предыдущих поколений, в учебниках либо вообще не упоминаются [Журавлёв 2017], либо просто перечисляются в общем списке как иллюстрация к общему выводу о доминирующей тенденции в поведении советского народа [История России 2016].

2. Даже те имена, которые присутствуют в текстах, помещены в контекст, не удовлетворяющий требованию направленного транслирования смыслов [Леонтьев Д.А. 2019] и вызывающего совершенно конкретные ассоциации, несущие «один и тот же образ, одну и ту же субъективную семантику» [там же: 411]. В текстах учебников этот закон игнорируется полностью, все наиболее значимые события (начало войны, оборона Брестской крепости, оборона Москвы и др.) и битвы (Сталинград, Курская дуга и т.д.) описываются в одном или двух абзацах клишированным, отстранённым языком, который совершенно не способен продуцировать личностный смысл.

3. Психологическое воздействие, направленное на формирование определенных качеств личности и ее системы смысложизненных ориентаций, обеспечивается при соблюдении трех условий:

- 1) адресант располагает настолько это возможно полной информацией о реципиенте, его мотивах, интересах и знаниях;
- 2) адресанту понятна конечная цель;
- 3) адресант знает, какими оптимальными средствами он может достичь поставленной цели [Леонтьев А.А. 1972: 28–41].

В рассматриваемых нами учебниках имеется лишь формально декларируемая цель, однако практически каждый текст является ярчайшей иллюстрацией противоречия, возникающего между одним из основных законов теории речевого воздействия, гласящим: «наибольшей воздейственностью должны обладать тексты, авторы которых стремятся к предельно открытому самовыражению, к посвящению читателя или слушателя в проблемы, имеющие для них высокий личностный смысл» [Хараш 1999: 94], и заявленным авторами намерением дать «объективное, последовательное и систематическое изложение истории России и её народов в соответствии с Историко-культурным стандартом» [Журавлёв 2017].

Выводы

Таким образом, можно полностью согласиться с исследователями, отмечающими, что историю невозможно изучать без учета личностного фактора – биографий героев, иначе никакое эмоциональное воздействие на адресата просто невозможно. Более того, пристрастное отношение авторов к своему прошлому, которое передается через текст, должно сочетаться с единой периодизацией и обязательностью перечня описываемых военных событий, битв и героев, оставшихся навсегда в летописи народной памяти, непротиворечивостью и четкостью изложения [Ожиганова [http](http://)]. И только такое сочетание позволяет обеспечить не просто передачу знания, но и трансляцию одновременно с ними культурного кода.

Сегодня, что и подтверждается результатами проведенного нами исследования, изучение истории (по крайней мере по тем учебникам, которые были проанализированы) не обеспечивает ни познание смысла высших ценностей русской культуры, ни сохранение списка национальных прецедентных имен, а это, в свою очередь, в совокупности с другими факторами, в частности, с тенденциями изменения в обществе, связанными с глобализационными процессами, совсем в недалеком будущем не может не сказаться на состоянии общей когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества, размывание которой чревато полной утратой исторической памяти, маргинализацией населения и, как следствие, исчезновением самой страны.

© Горохова Д.В., 2021

Литература

Беньямин В. О понятии истории. Новое литературное обозрение. [Электронный ресурс]. URL: <https://shraibman.livejournal.com/516588.html> (дата обращения: 15.11.2020).

Беньямин В. О языке вообще и о языке человека. Медиаэстетические произведения. [Электронный ресурс]. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/benjamin1.htm> (дата обращения 15.11.2020).

Бердяев Н.А. Философия свободного духа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/177078/60107706/&art=177078&user=855239131&uilang=ru&catalit2&track_reading (дата обращения: 15.11.2020).

Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избр. психол. тр. М.: Воронеж. Московский психолого-социальный институт, МОДЭК, 2001. 352 с.

Бубнова И.А. Эволюция русской языковой личности. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование, 2015. № 3 (19). С. 34–41.

Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. 336 с.

Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Академический Проект, 2007. 512 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 2. М.: Русский язык, 1981. 2720 с.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Составление и комментарии А.В. Белова / Отв. ред. О.А. Платонов. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.

Журавлёв С.В., Соколов А.К. История России. XX – начало XXI в.: учебное издание для 10 класса общеобразовательных организаций. Базовый и углублённый уровни: в 2 частях. Часть 1. 1914–1945. М.: Русское слово – учебник, 2017. 288 с.

История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 2.; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 176 с.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети. Языковое сознание и образ мира. М.: Ин-т языкознания РАН. 2000. С. 191–206.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. 264 с.

Кирилина А.В. Глобализация и судьбы языков. [Электронный ресурс]. URL: <http://lgz.ru/article/N5--6356---2012-02-08-/Globalizatsiya-i-sudy> (дата обращения: 21.11.2020).

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 282 с.

Леонтьев А.А. Деятельностный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 380 с.

Леонтьев А.А. К психологии речевого воздействия. Материалы Всесоюзного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации. М.: ИЯ РАН. 1972. С. 28–41.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / Леонтьев А. М.: Книга по Требованию, 2012. 130 с.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., исправ. М.: Смысл, 2019. 584 с.

Ожиганова А., Кузнецовский В., Филянова В. История войны в учебниках Советского Союза. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.world-war.ru/istoriya-vojny-v-uchebnikakh-sovetskogo-soyuza/> (дата обращения: 12.12.2020).

- Степин В.С.* Философия науки. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
- Хараши А.У.* Смысловая структура публичного выступления / Вопросы психологии. № 4. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 71–83.
- Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. Серия: История лингвофилософской мысли. М.: Либроком, 2018. 272 с.
- Boas F.* Race, Language, and Culture. Chicago: University of Chicago Press. 1995. 668 p.
- Bruner J.* The Culture of Education. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1996. 240 p.
- Corballis M.C.* The Recursive Mind: The Origins of Human Language, Thought, and Civilization Princeton: Princeton University Press. 2011. 304 p.
- Everett D.* Language. The Cultural Tool. Vintage Books. A Division of Random House, Inc. N.Y. 2012. 368 p.
- Kelly N., Zetzsche J.* Found in Translation. How Language Shapes Our Lives and Transforms the World. Penguin Group (USA) Inc. New York. 2012. 270 p.
- Maher J.C.* Metroethnicities and Metrolanguages. The Handbook of Language and Globalization. Blackwell Publishing Ltd. 2010. P. 575–591.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01.03.2021

Дата принятия к печати: 05.03.2021

Сведения об авторе:

Горохова Дарья Владимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Одинцовский филиал МГИМО МИД России

Контактная информация:

143007, Россия, Московская обл., г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3

e-mail: podrezova.dascha@yandex.ru

Для цитирования:

Горохова Д.В. Самопожертвование как культурная ценность в сознании молодых россиян // Вопросы психолингвистики №1(47) 2021, С.16–29. DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-16-29

UDC 81'23
LBC 81.003
DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-16-29

Research article

SELF-DEVOTION AS A CULTURAL VALUE IN THE CONSCIOUSNESS OF YOUNG RUSSIANS

Daria V. Gorokhova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch

Abstract

The article reflects the dynamics of key values of the Russian linguocultural community. The research presents a comprehensive analysis of the data of a psycholinguistic experiment aimed at explicating the real content of the value of self-devotion marked by precedent names. Actual content modeling of the value of self-devotion was carried out with the help of semantic gestalt method and then compared with the semantic gestalt constructed in compliance with dictionary data.

The research suggested that the minds of young people possess that meaning of self-devotion stands that contrasts the traditional one. According to the majority of respondents, self-devotion is not considered a moral law, moreover, a significant part of participants (25%) defines such an action as stupidity.

The change in the list of precedent names that personify this value in the linguistic consciousness of a modern person was experimentally proven. It was revealed that one of the main factors determined by changes in the cultural code are history textbooks used today in the educational process. In the course of psycholinguistic text analysis of these textbooks, it was proved that they do not meet the main criteria that enable a directed transmission of cultural meanings. As a result, there is a gradual disappearance of precedent names traditional for culture, and there is also a tendency of including the values of Western culture into the content of the cognitive base of the Russian linguocultural community.

Keywords: psycholinguistic experiment, semantic gestalt, self-devotion, precedent name, culture code, modern Russian history textbook

References

Ben'yamin V. O ponyatii istorii. [About the concept of history] *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New literary review] <https://shraibman.livejournal.com/516588.html> (retrieval date: 15.11.2020). (In Russian).

Ben'yamin V. O yazyke voobshche i o yazyke cheloveka. *Mediaesteticheskie proizvedeniya*. [About language in general and about human language. Media aesthetic works] <http://abuss.narod.ru/Biblio/benjamin1.htm> (retrieval date: 15.11.2020). (In Russian).

Berdyayev N.A. *Filosofiya svobodnogo duha*. [Free Spirit Philosophy] https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/177078/60107706/&art=177078&user=855239131&uilang=ru&catalit2&track_reading (retrieval date: 15.11.2020). (In Russian).

Bozhovich L.I. Problemy formirovaniya lichnosti [Personality formation problems]: Izbr. psihol. tr. [Selected Works in Psychology] M.: Voronezh. Moskovskij psihologo-social'nyj institut, MODEK, 2001. 352 s. (In Russian).

Bubnova I.A. Evolyuciya russkoj yazykovoj lichnosti. [Evolution of the Russian language personality] Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University] Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie [Series: Philology. Language theory. Language education], 2015.no. 3 (19). S. 34–41. (In Russian).

Vendina T.I. Iz kirillo-mefodievskogo naslediya v yazyke russkoj kul'tury. [From the Cyril and Methodius heritage in the language of Russian culture] M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2007. 336 s. (In Russian).

Vygotskij L.S. Psihologiya razvitiya cheloveka. [Human developmental psychology] M.: Smysl; Eksmo., 2005. 1136 s. (In Russian).

Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira. [National Images of the World] Kosmo-Psihologos. M.: Akademicheskij Proekt, 2007. 512 s. (In Russian).

Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Colloquial Great Russian Language]: V 4-h t. T. 2. M.: Russkij yazyk, 1981. 2720 s. (In Russian).

Danilevskij N.YA. Rossiya i Evropa [Russia and Europe] / Sostavlenie i kommentarii A.V. Belova / Otv. red. O.A. Platonov. Izd. 2-e. M.: Institut russkoj civilizacii, Blagoslovenie, 2011. 816 s. (In Russian).

Zhuravlyov S.V., Sokolov A.K. Istoriya Rossii. XX — nachalo XXI v.: uchebnoe izdanie dlya 10 klassa obshcheobrazovatel'nyh organizacij. Bazovyj i uglublyonnyj urovni [educational publication for the 10th grade of general education organizations. Basic and advanced levels] : v 2 chastyah. CHast' 1. 1914-1945. M.: Russkoe slovo — uchebnik, 2017. 288 s. (In Russian).

Istoriya Rossii. [Russian History] 10 klass. Ucheb. dlya obshcheobrazovat. organizacij. [Textbook for educational organizations] V 3 ch. CH. 2.; pod red. A.V. Torkunova. M.: Prosveshchenie, 2016. 176 s. (In Russian).

Karaulov YU.N. Pokazateli nacional'nogo mentaliteta v associativno-verbal'noj seti. Yazykovoe soznanie i obraz mira. [Indicators of national mentality in the associative-verbal network. Linguistic consciousness and the image of the world] M.: In-t yazykoznaniya RAN. 2000. S. 191–206. (In Russian).

Karaulov YU.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. [Russian language and linguistic personality.] M.: LKI, URSS Editorial, 2010. 264 s. (In Russian).

Kirilina A.V. Globalizaciya i sud'by yazykov [Globalization and the fate of languages] <http://lgz.ru/article/N5--6356---2012-02-08-/Globalizatsiya-i-sudy> (retrieval date: 21.11.2020). (In Russian).

Krasnyh V.V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya. [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics] M.: Gnozis, 2002. 282 s. (In Russian).

Leont'ev A.A. Deyatel'nostnyj um (Deyatel'nost', Znak, Lichnost'). [Activity mind (Activity, Sign, Personality)] M.: Smysl, 2001. 380 s. (In Russian).

Leont'ev A.A. K psihologii rechevogo vozdejstviya. Materialy Vsesoyuznogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii. [To the Psychology of Speech Influence. Materials

of the All-Union Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory.] M.: IYA RAN. 1972. S. 28–41. (In Russian).

Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality.] / Leont'ev A. M.: Kniga po Trebovaniyu, 2012. 130 s. (In Russian).

Leont'ev D.A. Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. [The Psychology of Meaning: the nature, structure and dynamics of meaningful reality] 2-e izd., isprav. M.: Smysl, 2019. 584 s. (In Russian).

Ozhiganova A., Kuznechevskij V., Filyanova V. Istoriya vojny v uchebnikah Sovetskogo Soyuza. [History of the war in the textbooks of the Soviet Union] <http://www.world-war.ru/istoriya-vojny-v-uchebnikax-sovetskogo-soyuza/> (retrieval date: 12.12.2020). (In Russian).

Stepin V.S. Filosofiya nauki. [Philosophy of Science] M.: Gardariki, 2006. 384 s. (In Russian).

Harash A.U. Smyslovaya struktura publichnogo vystupleniya [The semantic structure of public speaking] / Voprosy psichologii. [Psychology Issues] no.4. M.: Aspekt Press, 1999. S. 71–83. (In Russian).

Chernejko L.O. Lingvofilosofskij analiz abstraktnogo imeni. [Linguo-philosophical Analysis of an Abstract Name] Seriya: Istoriya lingvofilosofskoj mysli. M.: Librokom, 2018. 272 s. (In Russian).

Boas F. Race, Language, and Culture. Chicago: University of Chicago Press. 1995. 668 p.

Bruner J. The Culture of Education. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1996. 240 p.

Corballis M.C. The Recursive Mind: The Origins of Human Language, Thought, and Civilization Princeton: Princeton University Press. 2011. 304 p.

Everett D. Language. The Cultural Tool. Vintage Books. A Division of Random House, Inc. N.Y. 2012. 368 p.

Kelly N., Zetsche J. Found in Translation. How Language Shapes Our Lives and Transforms the World. Penguin Group (USA) Inc. New York. 2012. 270 p.

Maher J.C. Metroethnicities and Metrolanguages. The Handbook of Language and Globalization. Blackwell Publishing Ltd. 2010. P. 575–591.

© Gorokhova D.V., 2021

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 05.03.2021

Bionotes:

Daria V. Gorokhova – Ph. D. in Philology, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch

Contact information:

3 Novo-Sportivnaya st., Odintsovo, Moscow region, Russia, 143007

e-mail: podrezova.dascha@yandex.ru

For citation:

Gorokhova D.V. *Self-Devotion* as a Cultural Value in the Consciousness of Young Russians // Journal of Psycholinguistics №1(47) 2021, P. 16–29. (In Russian). DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-16-29

УДК 159.95

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-30-47

Научная статья

**ЗАВИСИМОСТЬ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО
СОДЕРЖАНИЯ ПОДЛЕЖАЩИХ, СКАЗУЕМЫХ И ДОПОЛНЕНИЙ
ОТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
В СОСТАВЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ**

Маланов Сергей Владимирович

Полякова Марина Сергеевна

НОЧУ ВО МИП (Москва, Россия)

Аннотация

В статье исследуется влияние синтаксической организации речевых высказываний на особенности актуализации и воспроизведения их предметно-семантического содержания (значений). Проверялись гипотезы о том, что семантическое содержание подлежащих, сказуемых и дополнений воспроизводится более эффективно: 1) когда в составе высказываний при именах существительных (подлежащих и дополнениях) используются определения, а при глаголах (сказуемых) – обстоятельства; 2) при преднамеренной сосредоточенности на выделении в составе высказываний семантического содержания существительных или глаголов. В качестве независимых переменных использовались способы варьирования лексических и синтаксических средств в составе предъявляемого испытуемым текста. В качестве зависимых переменных анализировались языковые средства, с помощью которых испытуемые воспроизводили фрагменты семантического содержания. В исследовании принимали участие 90 испытуемых (72 мужчины, 18 женщин). Возраст – 25–40 лет. Если первая гипотеза нашла убедительное подтверждение, то вторая требует дополнительных исследований. Полученные результаты свидетельствуют о том, что при актуализации и воспроизведении предметно-семантического содержания речевых высказываний большое значение имеет приписывание объектам и процессам признаков и свойств.

Использованная в исследовании схема организации экспериментов потенциально позволяет выявить широкий круг закономерностей, которые могут служить подтверждению / опровержению различных гипотез и теоретических моделей в психолингвистике.

Ключевые слова: речевое действие, языковые (вербальные) значения, языковые средства, предметно-семантическое содержание высказываний

Введение

Влияние синтаксической организации речевых высказываний на особенности актуализации и последующего воспроизведения их предметно-семантического содержания (значений) остается не вполне исследованной областью психолингвистики. Кроме того, в обсуждениях отношений между языковыми средствами и предметно-семантическим содержанием используется множество частично синонимичных слов и терминов из различных теоретических построений: образы, представления и понятия;

вербальные обобщения, вербальные (языковые, лингвистические) значения; референты и денотаты; номинативы и сигнификативы; и т.д. [Кобозева 2004; Кронгауз 2001; Маланов 2020].

Прямые методы исследования предметно-семантического содержания языковых (вербальных) значений возможны только при использовании языковых средств в качестве номинативов в конкретных предметных ситуациях [Шахнарович 1983; Шахнарович, Юрьева 1990], а анализ сигнификативного содержания значений (представлений и понятий) опирается на широкий диапазон теоретических гипотез и моделей. Как правило, в таких моделях значения анализируются как отношения между языковыми средствами и разнообразными семантическими единицами, спроецированными внутрь организма – на гипотетические структуры и функции долговременной и оперативной памяти, которые, в свою очередь, проецируются на нейрофизиологические структуры и функции. Строящиеся структурно-функциональные модели соотносятся с результатами феноменологического и логического анализа представлений и понятий [Солсо 1996; Андерсон 2002; Величковский 2006]. На такие локализуемые в мозге структуры и функции накладываются также и результаты анализа эмоционально-оценочных отношений к различным составляющим предметно-семантического содержания – коннотативные и эмотивные составляющие значений [Петренко 1997; Шаховский 2008, 2019]. В результате предметно-семантическое содержание значений оказывается замкнутым внутри организма и неизбежно начинает рассматриваться в качестве гипотетических внутримозговых функциональных структур.

Альтернативой таким способам анализа значений выступает психологическая теория речевой деятельности, содержание которой в наиболее развернутой форме представлено в работах А.А. Леонтьева. **В качестве единиц психолингвистического анализа выделяются речевые действия. Речь анализируется как целенаправленная система действий** (совместных и индивидуальных, практических и умственных), **которые реализуются с помощью языковых средств.**

Речевые действия могут быть направлены на решение коммуникативных и / или познавательных задач. Общей особенностью коммуникативных задач выступает построение и трансляция партнеру по общению ориентировочной основы возможных для организации и выполнения перцептивных, практических или умственных действий, а общей особенностью познавательных задач – построение новых способов ориентировки и организации возможных действий, которые строятся и фиксируются субъектом с помощью языковых средств. Процессы построения ориентировочной основы разнообразных действий, процессы обмена способами ориентировки с помощью языковых и других знаково-символических средств лежат в основе выделения языковых (вербальных) значений. Поэтому **при анализе языка как системы средств, функционирующих в общественных видах человеческой деятельности, выделяются:** а) **языковые единицы и уровни их организации**, позволяющие фиксировать и транслировать значения; б) **психологические и физиологические механизмы производства и понимания речи** – лингвистические способности людей; в) **общественно фиксированные значения** [Леонтьев 1997].

Каковы основные формы существования значений? Исходными формами значений выступают **предметные и ролевые значения**, которые формируются у ребенка с момента рождения по мере включения во взаимодействия с людьми и овладения

способами использования предметов человеческой культуры. **Предметные значения** транслируются на перцептивно-ориентировочной и исполнительно-двигательной основе практических действий, а вторично актуализируются в качестве представлений, ориентирующих и регулирующих практические действия в конкретных предметных ситуациях. **Ролевые значения** строятся в качестве ориентировочной основы межличностных взаимодействий и совместно организуемых действий. Использование языковых средств в межличностных взаимодействиях и совместных практических действиях ведет к формированию и овладению языковыми значениями. **Языковые** (вербальные, категориальные, символические) **значения** обеспечивают возможность: а) «фиксировать» и воспроизводить ориентировочную основу действий независимо от наличия актуальной ситуации и отдельно от исполнительной части действий; б) возможность совершать умственные операции и действия, преобразуя ориентировочную основу исходных действий – совершать умственные операции и действия над предметно-семантическим содержанием значений [Леонтьев 1983].

Значение как предмет психологического анализа представляет собой не статичное образование, которое сохраняется где-то внутри организма (например, в мозге), а динамическую иерархию процессов, которые лежат в основе построения ориентировочно-исследовательских операций, обеспечивающих организацию определенного диапазона действий [Леонтьев 2000; Леонтьев 2003]. Это результат и единство процессов общения и обобщения [Выготский 1982, 1983]. Языковое (вербальное, лингвистическое) значение опирается на потенциальную возможность отнесения слов, высказываний, текстов, актуализирующих определенные способы ориентировки, к соответствующим предметам и предметным ситуациям. [Леонтьев 2003: 153–166]. Таким образом, в основе предметно-семантического содержания языковых значений лежат актуализируемые с помощью языковых средств обобщенные способы возможной ориентировки или организации возможных предметных действий или взаимодействий с людьми в возможных предметных условиях [Гальперин 1998; Маланов 2020].

Такой анализ языковых значений позволяет наметить один из способов экспериментального исследования их функциональной структуры. О том, как и какие функциональные составляющие предметно-семантического содержания актуализируются при использовании разных языковых средств, а также их синтаксической организации, можно косвенно судить по особенностям их воспроизведения испытуемыми после избирательно организуемых речевых воздействий. В таких экспериментах в качестве независимых переменных могут выступать разные способы использования языковых средств (варьирование лексических и синтаксических средств, актуализирующих определенное семантическое содержание), а в качестве зависимых переменных – языковые средства, с помощью которых испытуемые воспроизводят соответствующие фрагменты предметно-семантического содержания. В соответствии с такой схемой организации экспериментов в ранее проведенных исследованиях был подтвержден ряд гипотез:

1. Существуют различия в эффективности актуализации и последующего воспроизведения фрагментов семантического содержания, которые соответствуют разным членам предложения в составе простого распространенного высказывания (предложения). При этом эффективность актуализации умственных операций и действий и последующего воспроизведения их семантического содержания зависит от позиции,

которую занимают члены предложения (подлежащие, сказуемые, дополнения) в составе высказываний, а высказывания – в составе текста [Маланов 2017а; Франчек 2011; Маланов, Хабибрахманова 2016].

2. Существуют различия в эффективности организуемых с помощью речевых указаний умственных действий, обеспечивающих установление разных типов пространственно-временных и предметно-семантических отношений [Маланов 2017б].

3. Эффективность актуализации и последующего воспроизведения семантического содержания высказываний зависит: а) от предварительных речевых установок на запоминание или забывание; б) от наличия или отсутствия отрицательных частиц в составе высказываний [Маланов 2014; Окольников 2015; Щербаков 2015].

Ранее полученные результаты послужили основанием для выдвижения новых гипотез: *семантическое содержание подлежащих, сказуемых и дополнений воспроизводится более эффективно, во-первых, когда в составе высказываний при именах существительных (подлежащих и дополнениях) используются определения, а при глаголах (сказуемых) – обстоятельства; во-вторых, при сосредоточенности на избирательном выделении в составе высказываний семантического содержания существительных или глаголов.*

Методика

Для проведения исследования были использованы 6 простых распространенных предложений, образующих текст, который уже использовался в ранее проведенных исследованиях [Маланов 2017а; Франчек 2011; Маланов, Хабибрахманова 2016]. На основе исходного текста путем избирательного изъятия определений при подлежащих и дополнениях, а также обстоятельств при глаголах, были построены два производных текста, взаимно дополнительные по наличию / отсутствию: а) определений при подлежащих и дополнениях; б) обстоятельств при глаголах. Это было сделано для устранения влияния таких побочных переменных, как различия в эффективности актуализации семантического содержания разных лексических единиц и синтаксических конструкций.

Вариант текста №1:

*Утренний туман укрывает **одинокого** путника.*

*Лес **медленно** расступается в сумраке.*

*Лесная поляна зарастает **высокими** травами.*

*Кустарник **упрямо** охраняет тишину.*

***Ветхая** избушка смотрит на **поникшие** берёзы.*

*Дорога **настойчиво** уводит в чащу.*

Вариант текста №2:

*Туман **плотно** укрывает путника.*

***Тёмный** лес расступается в **мутном** сумраке.*

*Поляна **густо** зарастает травами.*

***Жёсткий** кустарник охраняет **застывшую** тишину.*

*Избушка **уныло** смотрит на берёзы.*

***Старая** дорога уводит в **глухую** чащу.*

С целью проверки гипотез использовалось три группы испытуемых. Испытуемым в первой группе предлагалось внимательно прослушать и постараться представить содержание текста. Во второй группе предварительно давались указания сосредоточиться на семантическом содержании глаголов (сказуемых) в составе высказываний, а в третьей группе – на семантическом содержании существительных (подлежащих и дополнений). Таким образом, во второй группе испытуемые избирательно выделяли те фрагменты в содержании текста, которые соответствовали сказуемым, а в третьей группе – подлежащим и дополнениям. После прочтения участники исследования отвлекались от его содержания на время около 15–20 секунд. Вслед за этим им предлагалось письменно воспроизвести содержание текста и его фрагменты, которые удавалось припомнить.

Подсчитывалось общее количество воспроизведённых «семантических единиц», соответствующих подлежащим, сказуемым и дополнениям в зависимости от наличия / отсутствия определений и обстоятельств в синтаксической организации соответствующих высказываний / предложений.

Выборка: В исследовании принимали участие представители русскоязычного IT-сообщества (инженеры-программисты, системные аналитики и др.), работающие в Рязани и Рязанской области. Возраст – 25-40 лет. Всего 90 респондентов (72 мужчины, 18 женщин), распределённых в 3 группы по 30 человек. Исследование проводилось дистанционно в форме аудио-конференции с использованием платформы Zoom. При этом каждая группа разделялась на две подгруппы по 15 испытуемых (Таблица 1). С каждой подгруппой проводилась отдельная встреча, на которой предъявлялся один из двух текстов. Полученные в подгруппах результаты суммировались.

Таблица №1

Распределение испытуемых и предъявляемые варианты текстов

№ группы	Выборки	№ текста
1.1	Группа участвует в проверке гипотезы № 1.	1
1.2	Группа участвует в проверке гипотезы № 1.	2
2.1	Группа участвует в проверке гипотезы № 1, № 2. Внимание направлено на выделение содержания глаголов.	1
2.2	Группа участвует в проверке гипотезы № 1, № 2. Внимание направлено на выделение содержания глаголов.	2
3.1	Группа участвует в проверке гипотезы № 1, № 2. Внимание направлено на выделение содержания существительных.	1
3.2	Группа участвует в проверке гипотезы № 1, № 2. Внимание направлено на выделение содержания существительных.	2

Результаты

Полученные результаты представлены в таблице 2. Для установления статистической значимости различий использовался t-критерий Стьюдента.

Таблица №2

Суммарные результаты воспроизведения фрагментов семантического содержания подлежащих, дополнений и сказуемых

1 группа	Подлежащие	Дополнения	Сказуемые	Σ
с определениями / обстоятельствами	77 (85,6 %)	76 (84,4 %)	67 (74,4 %)	220 (81,5 %)
без определений / обстоятельств	63 (70,0%)	61 (67,8 %)	54 (60,0 %)	178 (65,9 %)
t-критерий Стьюдента	$t_{эмп} = 2,8;$ $p \leq 0,01$	$t_{эмп} = 3,1;$ $p \leq 0,01$	$t_{эмп} = 2,4;$ $p \leq 0,05$	$t_{эмп} = 4,6;$ $p \leq 0,01$
2 группа	Подлежащие	Дополнения	Сказуемые	Σ
с определениями / обстоятельствами	73 (81,1 %)	74 (82,2 %)	76 (84,4 %)	223 (82,6 %)
без определений / обстоятельств	62 (68,9 %)	66 (73,3 %)	53 (58,9 %)	181 (67,0 %)
t-критерий Стьюдента	$t_{эмп} = 1,8;$ $p \geq 0,05$	$t_{эмп} = 1,5;$ $p \geq 0,05$	$t_{эмп} = 4,2;$ $p \leq 0,01$	$t_{эмп} = 4,3;$ $p \leq 0,01$
3 группа	Подлежащие	Дополнения	Сказуемые	Σ
с определениями / обстоятельствами	81 (90,0 %)	79 (87,8 %)	62 (68,9 %)	222 (82,2 %)
без определений / обстоятельств	65 (72,2 %)	63 (70,0 %)	56 (62,2 %)	184 (68,1 %)
t-критерий Стьюдента	$t_{эмп} = 3,8;$ $p \leq 0,01$	$t_{эмп} = 3,3;$ $p \leq 0,01$	$t_{эмп} = 1,2;$ $p \geq 0,05$	$t_{эмп} = 4,8;$ $p \leq 0,01$

Общее распределение полученных результатов в разных группах оказалось весьма сходным (Рис. 1). В первой группе из предъявленных 270 существительных (подлежащих, дополнений) и глаголов (сказуемых), которые использовались в сочетании с определениями и обстоятельствами, испытуемыми было воспроизведено семантическое содержание 220 лексем (81,5%). А из 270 предъявленных существительных и глаголов, при которых отсутствовали определения и обстоятельства, было воспроизведено семантическое содержание только 178 лексем (65,9%). Аналогичные относительные различия были получены и в двух других группах: соответственно 82,6% и 67,0% – во второй группе и 82,2% и 68,1 % – в третьей (Рис. 1).

Во всех группах были получены статистически значимые различия, показывающие, что актуализация и воспроизведение семантического содержания подлежащих, сказуемых и дополнений более эффективны, когда в составе высказываний при подлежащих и дополнениях используются определения, а при глаголах – обстоятельства. При этом суммарные межгрупповые различия оказались незначительными (Рис. 1). Таким образом, первая из выдвинутых гипотез полностью подтвердилась.

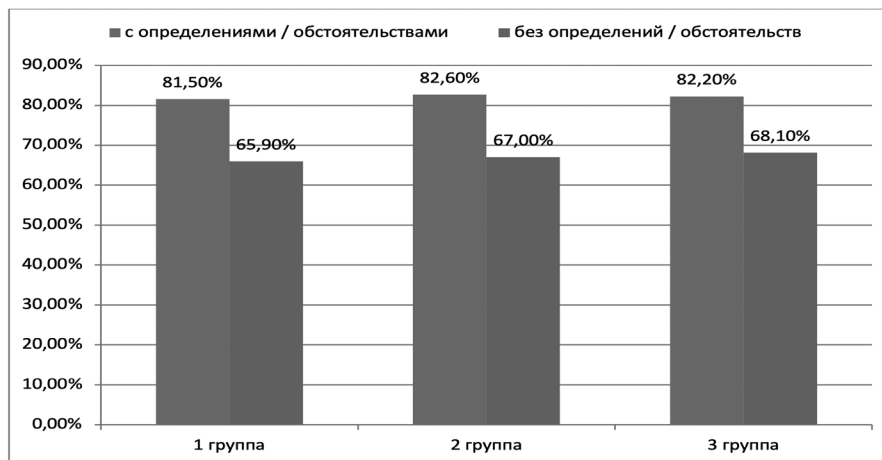

Рис. 1. Суммарное распределение воспроизведенных фрагментов семантического содержания подлежащих, сказуемых и дополнений в зависимости от наличия / отсутствия определений при именах существительных и обстоятельств при глаголах (в % к общему количеству предъявленных существительных и глаголов).

Отдельный интерес представляет анализ межгрупповых различий по количеству воспроизведенных подлежащих, дополнений и сказуемых в группах с разными условиями предъявления текстов в зависимости от наличия / отсутствия определений и обстоятельств. Если в первой группе внимание испытуемых не направлялось на какие-либо фрагменты семантического содержания, то во второй группе внимание испытуемых смещалось на семантическое содержание глаголов, и, таким образом, было отвлечено от семантического содержания существительных. В третьей группе внимание испытуемых направлялось на семантическое содержание существительных (подлежащих и дополнений) и, соответственно, отвлекалось от глаголов.

Рассмотрим *результаты воспроизведения подлежащих* в группах с разными условиями предъявления текстов.

Испытуемыми 1 группы было воспроизведено 77 из 90 подлежащих при наличии при них определений, что составило 85,6%, и 63 из 90 подлежащих при отсутствии определений, что составило 70,0% ($t_{эмп} = 2,8; p \leq 0,01$). Разность составила 15,6%.

Испытуемыми 2 группы было воспроизведено 73 из 90 подлежащих при наличии при них определений, что составило 81,1%, и 62 из 90 подлежащих при отсутствии определений, что составило 68,9% ($t_{эмп} = 1,8; p \geq 0,05$). Разность составила 12,2%.

Испытуемыми 3 группы было воспроизведено 81 из 90 подлежащих при наличии при них определений, что составило 90,0%, и 65 из 90 подлежащих при отсутствии определений, что составило 72,2% ($t_{эмп} = 3,8; p \leq 0,01$). Разность составила 17,8% (Рис. 2).

Таким образом, при устном восприятии текста наблюдается снижение эффективности воспроизведения семантического содержания подлежащих при смещении внимания на семантическое содержание глаголов / сказуемых (группа 2) и повышение эффективности воспроизведения семантического содержания подлежащих при сосредоточении внимания на существительных в составе текста (группа 3). Об этом свиде-

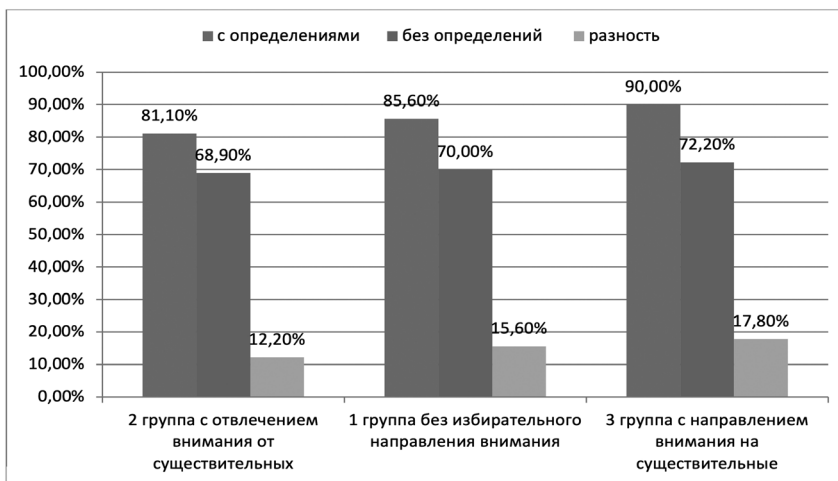

Рис. 2. Суммарное распределение воспроизведенных фрагментов семантического содержания подлежащих в зависимости от наличия / отсутствия определений и направленности внимания (в % к общему количеству предъявленных подлежащих).

тельствует как рост абсолютных показателей для подлежащих, при которых использовались определения, так и для подлежащих, при которых определения отсутствовали.

Интерес также представляет то, что в зависимости от наличия / отсутствия сосредоточенности испытуемых в разных группах на семантическом содержании существительных наблюдается рост разности между количественными показателями воспроизведения семантического содержания подлежащих, при которых использовались и не использовались определения (Рис. 2).

Рассмотрим *результаты воспроизведения дополнений* в группах с разными условиями предъявления текстов (Рис. 3).

Испытуемыми 1 группы (внимание не направлялось на какие-либо фрагменты семантического содержания) было воспроизведено 76 из 90 дополнений, при которых использовались определения, что составило 84,4%, и 61 из 90 дополнений, при которых определения отсутствовали, что составило 67,8% ($t_{эмп} = 3,1$; $p \leq 0,01$). Разность составила 16,7%.

Испытуемыми 2 группы (внимание смещалось на семантическое содержание глаголов) было воспроизведено 74 из 90 дополнений, при которых использовались определения, что составило 82,2%, и 66 из 90 дополнений, при которых определения отсутствовали, что составило 73,3% ($t_{эмп} = 1,5$; $p \geq 0,05$). Разность составила 8,9%.

Испытуемыми 3 группы (внимание направлялось на семантическое содержание подлежащих и дополнений) было воспроизведено 79 из 90 дополнений при наличии при них определений, что составило 87,8%, и 63 из 90 дополнений при отсутствии определений, что составило 70,0% ($t_{эмп} = 3,3$; $p \leq 0,01$). Разность составила 17,8%.

Во всех группах при наличии определений семантическое содержание дополнений воспроизводилось испытуемыми более эффективно. Вместе с тем, при сосредоточении внимания на существительных (группа 3) эффективность воспроизведения семанти-

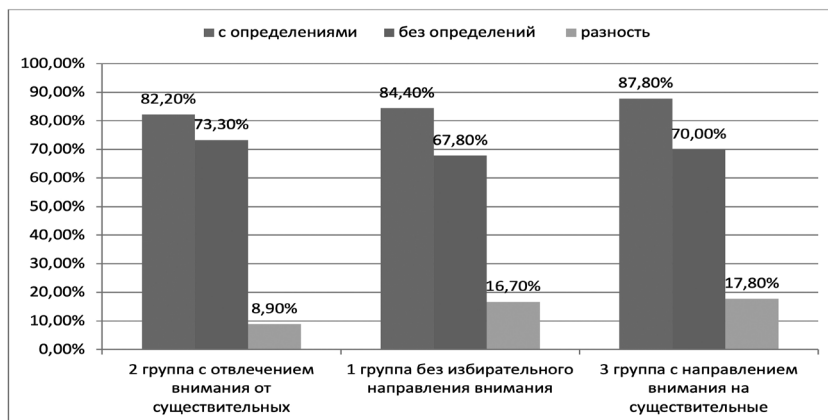

Рис. 3. Суммарное распределение воспроизведенных фрагментов семантического содержания дополнений в зависимости от наличия / отсутствия определений и направленности внимания (в % к общему количеству предъявленных дополнений).

ческого содержания дополнений оказалась заметно выше, чем при отсутствии избирательной сосредоточенности (группа 1).

При этом, когда внимание смещалось на содержание глаголов (группа 2), наблюдалось заметное повышение эффективности воспроизведения семантического содержания дополнений, при которых отсутствовали определения, по сравнению с результата-

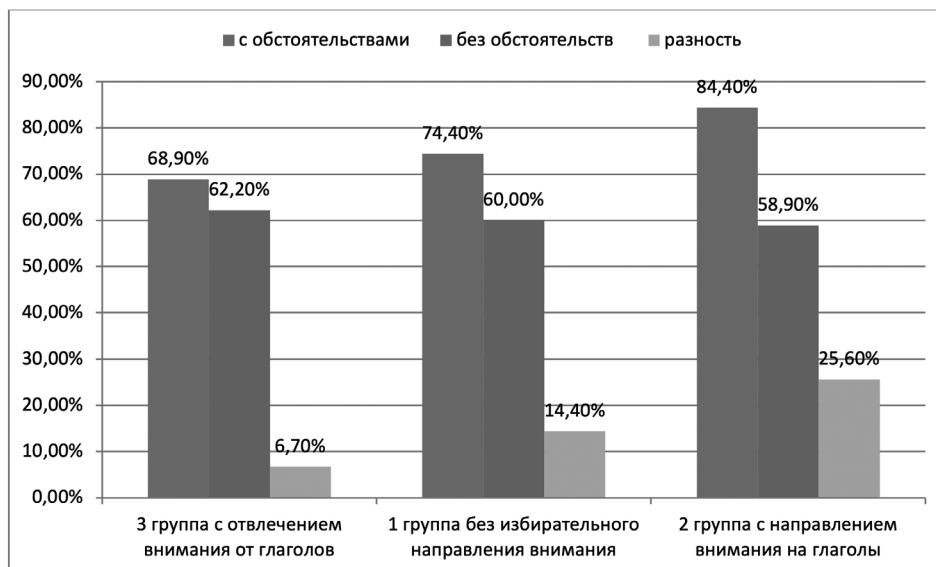

Рис. 4. Суммарное распределение воспроизведенных фрагментов семантического содержания сказуемых в зависимости от наличия / отсутствия обстоятельств и направленности внимания (в % к общему количеству предъявленных сказуемых).

ми в группе 1, где при восприятии текста отсутствовала избирательность сосредоточения. И напротив, по сравнению с результатами в группе 1, когда внимание смещалось на содержание глаголов (группа 2) наблюдалось снижение эффективности воспроизведения семантического содержания дополнений, при которых использовались определения. Такие результаты требуют дополнительной экспериментальной проверки и, в случае подтверждения, теоретической интерпретации.

Вместе с тем, в зависимости от наличия / отсутствия сосредоточенности испытуемых в разных группах на семантическом содержании существительных наблюдается рост разности между количественными показателями воспроизведения дополнений, при которых использовались и не использовались определения (Рис. 3).

Рассмотрим *результаты воспроизведения сказуемых* в группах с разными условиями предъявления текстов (Рис. 4).

Испытуемыми 1 группы, внимание которых специально не направлялось на фрагменты семантического содержания предъявляемого текста, было воспроизведено 67 из 90 сказуемых, семантическое содержание которых уточнялось обстоятельствами, что составило 74,4%, и 54 из 90 сказуемых при отсутствии обстоятельств, что составило 60,0% ($t_{\text{эм}} = 2,4$; $p \leq 0,05$). Разность составила 14,4%.

Суммарно испытуемыми 2 группы (внимание направлялось на семантическое содержание глаголов) было воспроизведено 76 из 90 сказуемых, семантическое содержание которых уточнялось обстоятельствами, что составило 84,4%, и 53 из 90 сказуемых, при которых обстоятельства отсутствовали, что составило 58,9% ($t_{\text{эм}} = 4,2$; $p \leq 0,01$). Разность составила 25,6%.

Испытуемыми 3 группы (внимание направлялось на семантическое содержание подлежащих и дополнений) было воспроизведено 62 из 90 сказуемых, семантическое содержание которых уточнялось обстоятельствами, что составило 68,9%, и 56 из 90 сказуемых, при которых обстоятельства отсутствовали, что составило 62,2% ($t_{\text{эм}} = 1,2$; $p \geq 0,05$). Разность составила 6,7%.

Во всех группах семантическое содержание сказуемых воспроизводилось более эффективно при наличии обстоятельств. При сосредоточении испытуемых на глаголах (группа 2) эффективность воспроизведения семантического содержания сказуемых, при которых используются обстоятельства, заметно повышается, а при сосредоточении на существительных (группа 3) – снижается. Но при этом выявилась противоположная тенденция по отношению к воспроизведению семантического содержания сказуемых, при которых обстоятельства отсутствуют! Воспроизведение семантического содержания сказуемых, при которых отсутствовали обстоятельства, оказалось заметно ниже, когда испытуемым предлагалось сосредоточить внимание на глаголах (группа 2), а при сосредоточении на существительных – выше (группа 3). Эта тенденция противоречит теоретическим ожиданиям и требует дополнительной эмпирической проверки. Возможно, это результат побочного влияния межгрупповых различий.

Вместе с тем, наблюдается рост разности между суммарным воспроизведением семантического содержания сказуемых, при которых использовались обстоятельства, и суммарным воспроизведением семантического содержания сказуемых, при которых обстоятельства отсутствовали, – от минимальной разности при отвлечении внимания от семантического содержания глаголов до максимальной разности при направлении внимания на семантическое содержание глаголов. Отметим, что по отношению

к воспроизведению семантического содержания глаголов / сказуемых указанная зависимость выражена более заметно, чем по отношению к семантическому содержанию подлежащих и дополнений.

Для проверки второй гипотезы проводился анализ межгрупповых различий по количеству суммарно воспроизведенных подлежащих, дополнений и сказуемых в группах с разными условиями предъявления текстов (Таблица 3).

Испытуемыми в 1 группе, где избирательная направленность внимания отсутствовала, было воспроизведено 140 из 180 предъявленных подлежащих (77,8%). Во 2 группе, где внимание смещалось на глаголы, было воспроизведено 135 из 180 подлежащих (75,0%). В 3 группе, где внимание смещалось на существительные, было воспроизведено 146 из 180 подлежащих (81,1%) (Рис. 5).

Таблица №3

Суммарное распределение воспроизведенных фрагментов семантического содержания подлежащих, сказуемых и дополнений в группах с разными условиями предъявления текстов

	Подлежащие		Сказуемые		Дополнения	
	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент
1 группа без избирательного направления внимания	140	77,8%	121	67,2%	137	76,1%
2 группа с направлением внимания на глаголы	135	75,0%	129	71,7%	140	77,8%
3 группа с направлением внимания на существительные	146	81,1%	118	65,6%	142	78,9%

Несмотря на то что при восприятии текста наблюдается ожидаемая тенденция к воспроизведению большего количества фрагментов семантического содержания подлежащих при сосредоточенности испытуемых на существительных и меньшего количества фрагментов семантического содержания подлежащих при смещении внимания на глаголы, различия в успешности их воспроизведения в разных группах не достигают статистической значимости (Рис. 5).

Смещение внимания на существительные или глаголы в составе текста не оказало заметного влияния на воспроизведение семантического содержания дополнений.

Эффект смещения внимания при прослушивании текста оказался наиболее выраженным при воспроизведении семантического содержания сказуемых. Однако различия в успешности их воспроизведения во 2 группе, где внимание испытуемых направлялось на семантическое содержание глаголов, и в 3 группе, где внимание направлялось на семантическое содержание существительных, также имеют низкий уровень статистической значимости ($t_{эм} = 1,4$; $p \geq 0,05$). Таким образом, вторая гипотеза не нашла убедительного подтверждения, хотя нельзя ее признать полностью опровергнутой. Полезна ее проверка в более строгих экспериментальных условиях.

Полученные результаты также свидетельствуют, что фрагменты семантического содержания высказываний, соответствующие подлежащим и дополнениям, воспроизводятся более эффективно, чем фрагменты семантического содержания высказываний, соответствующие сказуемым, что совпадает с результатами ранее проведенных исследований [Маланов 2017а; Францек 2011; Маланов, Хабибрахманова 2016].

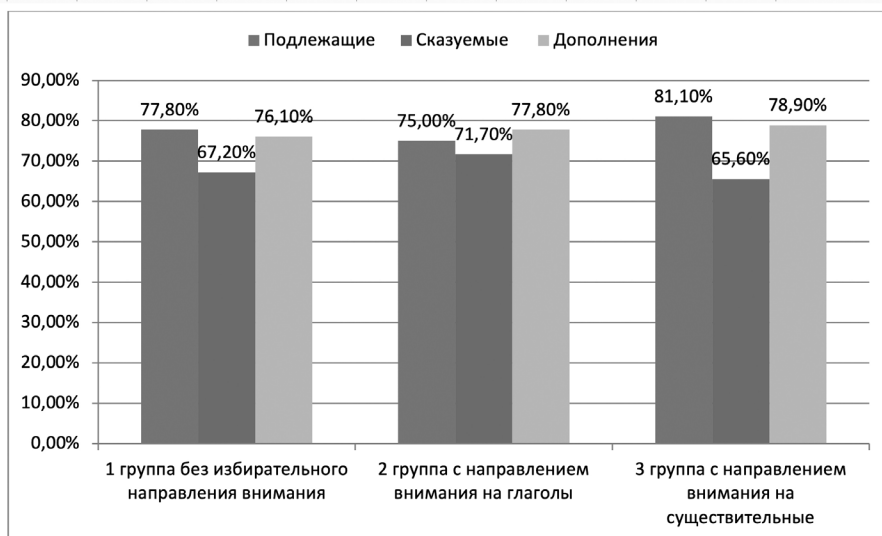

Рис. 5. Суммарное распределение воспроизведенных фрагментов семантического содержания подлежащих, сказуемых и дополнений в группах с разными условиями предъявления текстов (в % к общему количеству предъявленных лексем).

Выводы

1. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что семантическое содержание возможных способов ориентировки (языковых значений), выражаемое с помощью подлежащих, сказуемых и дополнений, актуализируется и воспроизводится более эффективно, когда в составе высказываний (построенных с помощью простых распространенных предложений) при именах существительных (при подлежащих и дополнениях) используются определения, а при глаголах (сказуемых) – обстоятельства. Это косвенно свидетельствует о том, что эффективность актуализации и последующего воспроизведения предметно-семантического содержания речевых высказываний (возможных способов ориентировки) повышается, когда объектам и процессам приписываются признаки и свойства.

2. Смещение внимания с помощью предварительных речевых указаний перед прослушиванием текста на семантическое содержание существительных или глаголов незначительно повышает эффективность их последующего воспроизведения. При этом в большей степени растет эффективность воспроизведения семантического содержания подлежащих, при которых используются определения, и глаголов, при которых используются обстоятельства. По отношению к дополнениям подобные тенденции не выявились.

3. Между способами использования языковых средств и актуализируемым с их помощью предметно-семантическим содержанием (содержанием возможных способов ориентировки в возможных предметных ситуациях и условиях) существуют сложные отношения и связи. Использованная экспериментальная схема потенциально позволяет выявить широкий круг подобных закономерностей, которые могут служить под-

тверждению / опровержению различных психолингвистических гипотез и теоретических моделей. Выявление таких закономерностей может иметь широкое прикладное использование в тех видах общественной деятельности, которые опираются на организацию речевых взаимодействий. Например, в педагогической деятельности и в деятельности практического психолога.

4. Если опираться на «теорию значений», представленную в работах А.А. Леонтьева и сторонников «психологической теории речевой деятельности», то строгое определение предметно-семантического содержания актуализируемых с помощью языковых средств способов ориентировки (языковых значений) невозможно. С помощью одних и тех же языковых средств у разных людей будут актуализироваться сходные по предметной отнесенности, но различающиеся по особенностям реализации способы ориентировки. Вместе с тем, возможно исследование разных способов использования языковых средств, актуализирующих разные составляющие возможных способов ориентировки в возможных предметных ситуациях.

При этом определение значений (семантического содержания) языковых средств (например, лексических единиц) с помощью рефлексивного использования других языковых средств, ведет вовсе не к объективному выделению значений, а к объективизации тех способов ориентировки (конвенциональных представлений), которые наиболее часто строятся и предметно соотносятся разными носителями языка при использовании языковых средств, значение которых определяется.

Вместе с тем, такая объективизация с преднамеренно строгой предметной отнесенностью лежит и в основе введения терминов при определении научных понятий. В этом случае оперирование терминами обеспечивает обобщенно-понятийные формы умственных действий, которые приобретают намного более строгое, конвенционально определенное предметно-семантическое содержание.

©Маланов С.В., Полякова М.С., 2021

Литература

- Андерсон Дж.* Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002. 496 с.
- Величковский Б.В.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 1 М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. 448 с.
- Величковский Б.В.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2 М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. 432 с.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
- Гальперин, П.Я.* Психология как объективная наука. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 480 с.
- Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.
- Кронгауз М.А.* Семантика. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 399 с.
- Леонтьев А.А.* Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С 5-20.

Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1997. 365 с.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. 536 с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 511 с.

Маланов С.В. Влияние отрицательных частей в синтаксической структуре условных высказываний на эффективность актуализации семантического содержания // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 71–81.

Маланов С.В. Влияние последовательности слов и предложений на эффективность воспроизведения семантического содержания текста // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2017а. №3. С. 61–71.

Маланов С.В. Влияние логико-синтаксической организации сравнительных суждений на эффективность установления разных видов семантических отношений в составе умственных действий. // Вестник Марийского государственного университета. 2017б. № 4 (28). С. 59–74.

Маланов С.В. Психолингвистика: психологическая теория речевых действий: учебное пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального университета, 2020. 330 с.

Маланов С.В., Хабибрахманова Л.Х. Эффективность актуализации умственных действий и воспроизведения их семантического содержания в зависимости от позиций членов предложения в синтаксической организации высказываний // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 4 (24). С. 64–72.

Окольников А.М. Зависимость эффективности актуализации семантического содержания от синтаксической организации речевых высказываний // Бакалавр. № 5–6 (6–7), 2015. С. 19–21.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск, 1997. 400 с.

Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996. 600 с.

Францек А.С. Влияние позиции простого предложения в составе текста, а также синтаксической позиции лексем в составе предложения на организацию умственных действий // Актуальные психолого-педагогические проблемы образования: сборник статей / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. С. 122–127.

Шахнарович А.М. Семантический компонент языковой способности. Семантические аспекты психолингвистического анализа онтогенеза правил словообразования // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 181–196.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Шаховский В.И. Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39) С. 21–37 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37

Щербаков В.Н. Влияние синтаксической организации речевых указаний на успешность умственного решения задач с условными суждениями // Студенческая наука и XXI век. 2015. С. 123–126.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.12.2020

Дата принятия к печати: 25.03.2021

Сведения об авторах:

Маланов Сергей Владимирович – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования НОЧУ ВО МИП

Контактная информация:

121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр.14

e-mail: MalanovSV@mail.ru

Полякова Марина Сергеевна – ведущий IT-инженер, магистр НОЧУ ВО МИП

Контактная информация:

121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр.14

e-mail: liir@list.ru

Для цитирования:

Маланов С.В., Полякова М.С. Зависимость воспроизведения семантического содержания подлежащих, сказуемых и дополнений от использования определений и обстоятельств в составе высказываний // Вопросы психолингвистики №1(47) 2021, С.30–47. DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-30-47

UDC 159.95

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-30-47

Research article

**REPRODUCTION OF SEMANTIC CONTENT OF SUBJECTS, PREDICATES,
AND OBJECTS AND ITS DEPENDENCE ON THE USE OF ATTRIBUTES AND
ADVERBIAL MODIFIERS IN SENTENCE COMPOSITION**

Sergey V. Malanov

Polyakova Marina Sergeevna

Moscow Institute of Psychoanalysis

Moscow, Russia

Abstract

In the article describes the influence of syntactic organization of speech utterances on peculiarities of actualization and reproduction of their subject-semantic content (meanings). There has been tested the hypotheses that the semantic content of subjects, predicates, and objects is reproduced more efficiently: 1) when attributes are used in the composition of statements with nouns (subjects and objects), and with verbs (predicates) – adverbial

modifiers; 2) when there is a deliberate focus on highlighting the semantic content of nouns or verbs in the composition of statements. The methods of varying lexical and syntactic means in the text composition presented to respondents were used as independent variables. The language means respondents used to manifest fragments of semantic content were analyzed as dependent variables. The study involved 90 respondents (72 men, 18 women) aged 25-40. While the first hypothesis has been confirmed, the second still requires additional research. The results obtained indicate that in updating and reproducing the subject-semantic content of speech utterances it is the attribution of signs and properties to objects and processes that is of great importance.

The experimental organization scheme used in the study reveals a wide range of patterns that can serve to confirm / refute various hypotheses and theoretical models in psycholinguistics.

Keywords: speech action, language (verbal) meanings, language means, subject-semantic content of utterances

References

Anderson Dzh. Kognitivnaja psihologija [Cognitive psychology]. SPb.: Piter, 2002. 496 s. (In Russian).

Velichkovskij B.V. Kognitivnaja nauka: Osnovy psihologii poznanija: v 2 t. T. 1 [Cognitive Science: Fundamentals of the Psychology of Cognition: in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow: Smysl: Izdatel'skij centr «Akademija», 2006. 448 s. (In Russian).

Velichkovskij B.V. Kognitivnaja nauka: Osnovy psihologii poznanija: v 2 t. T. 2 [Cognitive Science: Fundamentals of the Psychology of Cognition: in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow: Smysl: Izdatel'skij centr «Akademija», 2006. 432 s. (In Russian).

Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij. T 2. Problemy obshhej psihologii [Collected works. Volume 2. Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika, 1982. 504 s. (In Russian).

Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij. T 3. Problemy razvitija psihiki [Collected works. Volume 3. Problems of the development of the psyche]. Moscow: Pedagogika, 1983. 368 s. (In Russian).

Gal'perin, P.Ja. Psihologija kak ob'ektivnaja nauka [Psychology as an objective science]. Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, Voronezh: NPO «MODJeK», 1998. 480 s. (In Russian).

Kobozeva I.M. Lingvisticheskaja semantika [Linguistic semantics]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 352 s. (In Russian).

Krongauz M.A. Semantika [Semantics]. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2001. 399s. (In Russian).

Leont'ev A.A. Formy sushhestvovanija znachenija [Forms of existence of meaning]. // Psiholingvisticheskie problemy semantiki [Psycholinguistic problems of semantics]. Moscow: Nauka, 1983. S. 5–20. (In Russian).

Leont'ev A.A. Psihologija obshhenija [Psychology of communication]. Moscow: «Smysl», 1997. 365 s. (In Russian).

Leont'ev A.A. Jazyk i rechevaja dejatel'nost' v obshhej i pedagogicheskoj psihologii [Language and speech activity in general and educational psychology]. Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, Voronezh: NPO «MODJeK», 2003. 536 s. (In Russian).

Leont'ev A.N. Lekcii po obshhej psihologii [General Psychology Lectures]. Moscow: Smysl, 2000. 511 s. (In Russian).

Malanov S.V. Vlijanie otricatel'nyh chastic v sintaksicheskoj strukture uslovnnyh vyskazyvanij na jeffektivnost' aktualizacii semanticheskogo sodержanija [Influence of negative particles in the syntactic structure of conditional statements on the efficiency of actualization of semantic content]. *Jeksperimental'naja psihologija* [Experimental psychology]. 2014, no 1. S. 71–81. (In Russian).

Malanov S.V. Vlijanie posledovatel'nosti slov i predlozhenij na jeffektivnost' vosproizvedenija semanticheskogo sodержanija teksta [Influence of the sequence of words and sentences on the efficiency of reproducing the semantic content of the text]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta «Dubna». Serija «Nauki o cheloveke i obshhestve»* [Bulletin of the State University "Dubna". Series "Sciences about man and society"]. 2017a, no. 3. S. 61–71. (In Russian).

Malanov S.V. Vlijanie logiko-sintaksicheskoj organizacii sravnitel'nyh suzhdenij na jeffektivnost' ustanovlenija raznyh vidov semanticheskikh otnoshenij v sostave umstvennyh dejstvij [The influence of the logical-syntactic organization of comparative judgments on the effectiveness of establishing different types of semantic relations in the composition of mental actions]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Mari State University]. 2017b, no. 4 (28). S. 59–74. (In Russian).

Malanov S.V. Psiholingvistika: psihologicheskaja teorija rechevyh dejstvij: uchebnoe posobie [Psycholinguistics: psychological theory of speech actions: a tutorial]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo universiteta, 2020. 330 s. (In Russian).

Malanov S.V., Habibrahmanova L.H. Jeffektivnost' aktualizacii umstvennyh dejstvij i vosproizvedenija ih semanticheskogo sodержanija v zavisimosti ot pozicij chlenov predlozhenija v sintaksicheskoj organizacii vyskazyvanij [The effectiveness of actualizing mental actions and reproducing their semantic content, depending on the positions of the sentence members in the syntactic organization of statements]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Mari State University]. 2016, no. 4 (24). S. 64–72. (In Russian).

Okol'nikov A.M. Zavisimost' jeffektivnosti aktualizacii semanticheskogo sodержanija ot sintaksicheskoj organizacii rechevyh vyskazyvanij [Dependence of the effectiveness of the actualization of semantic content on the syntactic organization of speech utterances]. *Bakalavr* [Bachelor]. 2015, no. 5–6 (6–7). S. 19–21. (In Russian).

Petrenko V.F. Osnovy psihosemantiki [Basics of psychosemantics]. Smolensk, 1997. 400 s. (In Russian).

Solso R.L. Kognitivnaja psihologija [Cognitive psychology]. Moscow: Trivola, 1996. 600 s. (In Russian).

Francek A.S. Vlijanie pozicii prostogo predlozhenija v sostave teksta, a takzhe sintaksicheskoj pozicii leksem v sostave predlozhenija na organizaciju umstvennyh dejstvij [The influence of the position of a simple sentence in the text, as well as the syntactic position of lexemes in the sentence on the organization of mental actions]. *Aktual'nye psihologo-pedagogicheskie problemy obrazovanija: sbornik statej* [Actual psychological and pedagogical problems of education: collection of articles]. Mar. gos. un-t. Joshkar-Ola, 2011. S. 122–127. (In Russian).

Shahnarovich A.M. Semanticheskij komponent jazykovej sposobnosti. Semanticheskie aspekty psiholingvisticheskogo analiza ontogeneza pravil slovoobrazovanija [The semantic component of the language ability. Semantic aspects of the psycholinguistic analysis of the ontogenesis of the rules of word formation]. // *Psiholingvisticheskie problemy semantiki* [Psycholinguistic problems of semantics]. Moscow: Nauka, 1983. S. 181–196. (In Russian).

Shahnarovich A.M., Jur'eva N.M. Psiholingvističeskij analiz semantiki i grammatiki: Na materiale ontogeneza reči [Psycholinguistic analysis of semantics and grammar: On the material of speech ontogenesis]. Moscow.: Nauka, 1990. 165 s. (In Russian).

Shahovskij V.I. Lingvističeskaja teorija jemocij [Linguistic theory of emotions]. Moscow: Gnozis, 2008. 416 s. (In Russian).

Shahovskij V.I. Obosnovanie lingvističeskoj teorii jemocij [Rationale for the linguistic theory of emotion]. Voprosy psiholingvistiki [Psycholinguistic issues]. 2019, no. 1 (39) S. 21–37. (In Russian).

Shherbakov V.N. Vlijanie sintaksicheskoj organizacii rečevykh ukazanij na uspeshnost' umstvennogo rešenija zadach s uslovnymi suzhdenijami [The influence of the syntactic organization of speech instructions on the success of the mental solution of problems with conditional judgments]. Studenčeskaja nauka i XXI vek [Student Science and the XXI Century]. 2015. S. 123–126. (In Russian).

© **Malanov S.V., Polyakova M.S., 2021**

Article history:

Received: 27.12.2020

Accepted: 25.03.2021

Bionotes:

Sergey V. Malanov – Doctor of Psychology, Professor, Department of Educational Psychology Moscow Institute of Psychoanalysis

Contact information:

14 Kutuzovsky prospect, 34, Moscow, 121170, Russia

e-mail: MalanovSV@mail.ru

Marina S. Polyakova – Leading IT-engineer, Moscow Institute of Psychoanalysis

Contact information:

14 Kutuzovsky prospect, 34, Moscow, 121170, Russia

e-mail: liir@list.ru

For citation:

Malanov S.V., Polyakova M.S. Reproduction Of Semantic Content Of Subjects, Predicates, And Objects And Its Dependence On The Use Of Attributes And Adverbial Modifiers In Sentence Composition // Journal of Psycholinguistics №1(47) 2021, P. 30–47. (In Russian). DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-30-47

УДК 159.96+801,7+81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-48-61

Научная статья

РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ ПСИХОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ¹

Норман Борис Юстинович

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Аннотация

Статья анализирует случаи раздвоения личности (диссоциативного расстройства идентичности) и их отражение в художественной литературе. Цель статьи – классификация различных ситуаций и выявление причин и предпосылок данного явления. Процесс расщепления сознания сопровождается определенными изменениями в речи индивида. Это касается выбора слов и грамматических форм (особенно форм категории лица). Собранный материал (тексты повестей, рассказов, стихотворений и киносценариев) дает основания для некоторых выводов. Основные предпосылки диссоциативного расстройства идентичности – это многогранность личности, возможность взгляда на нее «изнутри» и «извне», а также склонность индивида к постоянной оценке своих мыслей и поступков. В качестве причины («запускающего механизма») исследуемого явления может выступать перенесенное насилие, сильный стресс, внутренний дискомфорт и т.п. Автор показывает на литературных фактах случаи эндоскопического и экзоскопического распада идентичности. В последнем случае прослеживается связь с фрейдовским понятием «Идеала Я», включающим в себя наблюдателя. Затрагивается также тема двойников, очень популярная в искусстве, и соотношение автора литературного произведения с его псевдонимом.

Ключевые слова: раздвоение личности, художественная литература, персонаж, категория лица, психическое расстройство, эндоскопия, экзоскопия

*Я, говорит, не воин, я, говорит, раздвоен,
Я, говорит, расстроен, расчленен, распят!*

Н. Матвеева

Введение

Человек – сложное целостное образование, включающее в себя комплекс физических, интеллектуальных, моральных, эмоциональных свойств. Биологический пол человека не всегда соответствует его психологическим гендерным ощущениям, телесные возможности сплошь и рядом расходятся с духовными запросами, чувства могут быть в разладе с мыслями, а те – с поступками и т.д. Такая сложная природа человека

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.А03.21.0006.

порождает противоречия в его сознании, поведении, этике. Эта проблема особенно волновала русских философов начала XX века: «Человек – <...> двойственное и противоречивое существо, существо в высшей степени поляризованное, богоподобное и звероподобное, высокое и низкое, свободное и рабье, способное к подъему и падению, к великой любви и жертве и к великой жестокости и беспредельному эгоизму» [Бердяев 1939: 18].

Естественно, любая из этих антагонистических сторон может усиливаться или даже абсолютизироваться, заглушая и подавляя вторую. Речь идет об объективной психической сложности личности, формирующей ее характер: «...Личность состоит как бы из осколков различных характеров (частей, или радикалов). То есть человек может быть одновременно замкнуто-углубленным шизоидом и добродушным сангвиником, или одновременно педантичным ананкастом и капризным истериком. В общем, в какой-то степени каждый человек имеет в себе черты всех характеров...» [Руднев 2010: 174].

В глубине синдрома диссоциативного расстройства идентичности (или, проще, раздвоения личности) может лежать конфликт между прошлым и настоящим, между личным и общественным, между светским и религиозным и т.д.

В английском кинофильме «Отходная молитва» (режиссер М. Ходжис, сценарист Д. Хиггинс) интрига завязана на двойственном отношении католического священника к конкретному факту убийства. С одной стороны, пастор оказался невольным свидетелем преступления и хотел бы помочь правосудию. С другой стороны, убийца сразу после преступления успел исповедаться перед пастором и признаться в убийстве, и тот теперь связан обетом молчания (обязательством хранить тайну исповеди). Конфликт между чувством гражданского долга и соблюдением нерушимого христианского канона мучает священника и ищет своего разрешения.

Механизмом, который «запускает» такое состояние, может быть физическое или сексуальное насилие, сильный стресс, муки совести и т.п.: «диссоциативное расстройство идентичности возникает из-за комбинации факторов, которые могут включать травму, пережитую человеком с этим расстройством. Считается, что диссоциативный аспект – это механизм преодоления – человек буквально отключается или отделяется от ситуации или опыта, который слишком жесток, травматичен или болезнен для того, чтобы ассимилироваться с его сознательным я» [Goldberg 2014].

Раздвоение личности литературного героя

Синдром диссоциативного расстройства идентичности, при котором в сознании говорящего противоборствуют разные образы и точки зрения, многократно был объектом художественного описания. Самый, пожалуй, известный пример – это повесть Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886), основанная на реальных фактах. Герои этого произведения – это, по сути, один человек, «расщепленный» на добрую и злую половины. Конкретной причиной для появления «множественной личности» может быть испытанное литературным героем нервное переживание, дискомфорт, стресс. Приведем три примера из русской литературы.

В первом случае чеховский герой, узнав о предстоящей свадьбе дочери, приходит в сильное волнение:

В нем уже сидело как будто бы два человека: один был настоящий Егор Семеныч, который, слушая садовника Ивана Карлыча, докладывавшего ему о беспорядках, возмущался и хватал себя за голову, и другой, не настоящий, точно полупьяный, который вдруг на полуслове прерывал деловой разговор, трогал садовника за плечо и начинал бормотать:

– Что ни говори, а кровь много значит... (А.П. Чехов. Черный монах).

А в следующей цитате персонаж М. Булгакова, поэт Иван Бездомный, потрясенный гибелью своего спутника, раздваивается в оценке произошедшего. Он «беседует сам с собой»:

– Но-но-но! – вдруг сурово сказал где-то, не то внутри, не то над ухом, прежний Иван Ивану новому. – Про то, что голову Берлиозу-то отрежет, ведь он все-таки знал заранее? Как же не взволноваться?

– О чем, товарищи, разговор? – возражал новый Иван ветхому, прежнему Ивану. – Что здесь дело нечисто, это понятно даже ребенку (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Третий пример. Герой повести Е. Водолазкина «Авиатор» просыпается после того, как провел в анабиозе (в замороженном состоянии) лет 80. И его потрясенное сознание раздваивается между началом XX века и самым его концом. Ощущения при этом удивительные, например:

Машины ездят забавные. Совсем не похожи на те, что были в мое время... Только теперь ведь и это время – мое...

Подобных примеров – множество, и не только в художественной литературе, но и в жизни, причем среди самих писателей. Свою роль играет здесь и психотип человека. Драматург Евгений Шварц так вспоминает о своем коллеге, одном из «обэриутов» Николае Олейникове:

Николай Макарович Олейников, человек демонический, был умен, силен, а главное – страстен. Со страстью любил он дело, друзей, женщин и по роковой сущности страсти – трезвел в положенный срок. И в ледяной и неподкупной трезвости своей ненавидел с той же силой, как только что любил. И в том, что овладевала им неизбежная трезвость, винил он тех, кого только что любил. Мало сказать – винил. Он их поносил, холодно и непристойно глумился над ними. По тем же роковым законам в состоянии трезвости находился он дольше, чем в состоянии любви или восторга» (Е. Шварц «Превратности характера»).

Строго говоря, диссоциативное расстройство может не ограничиваться дихотомическим расщеплением: в человеке может уместиться и большее количество разнородных или даже противоречивых «субличностей». Однако важно, что эти ипостаси во внутреннем мире индивида сосуществуют симультанно, а реализуются в поведении сукцессивно – чередуясь одна с другой. При этом после «переключения» человек оказывается неспособным вспомнить свои поступки в предыдущем состоянии. Исключением является описание поведения в ирреальной модальности: в таком случае говорящий одновременно находит у себя разные свойства. Два литературных примера:

Если бы я был женщиной, я бы вел себя совершенно иначе. Я был бы умный, обаятельный, юный, веселый и счастливый. У меня была бы куча поклонников, но при встрече со мной я бы растерялся и умолк. С этим не шутят. Я бы влюбился в меня и стал моей женой (М. Жванецкий. Если бы я был женщиной).

Надя (обижаясь). Ерунда! Представьте себя в его положении.

Лукашин. Я бы пригласил его, то есть в данном случае меня, за стол. Отлично посидели бы втроем...

Надя. Всё вы врётё!

Лукашин (улыбнулся). Конечно, вру! Я бы набил морду ему, то есть в данном случае мне (Э. Брагинский, Э. Рязанов. Ирония судьбы, или С легким паром!).

Каждому человеку знакома ситуация «внутреннего диалога». Это разговор с воображаемым собеседником, служащий целям поиска оптимального решения, установления истины и выработки стратегии поведения. По словам Л.С. Выготского, «мы всегда знаем, о чем мы думаем. Подлежащее нашего внутреннего суждения всегда наличествует в наших мыслях» [Выготский 1982: 342], а потому внутренняя речь с психологической точки зрения состоит из одних сказуемых. Но ни о какой деструкции личности здесь речь не идет; наоборот, разговор «с самим собой» позволяет человеку сохранить свою идентичность. Способность к анализу и синтезу разных мнений («с одной стороны...», «с другой стороны...»), допустимость разных оценок, внутренняя борьба эмоций – всё это, пока не выходит «наружу» и не становится «застревающим» фактором, – суть свойства гармонической личности.

Речевые признаки диссоциативного расстройства идентичности

Патологические же состояния психики находят, как известно, свое выражение и в особенностях речепроизводства. Некоторые из этих черт могут служить диагностирующими признаками психического нездоровья: излишняя болтливость, несвязность речи, неотвязное влияние звуковых ассоциаций, отклонения в использовании тех или иных лексико-грамматических классов слов и т.д., см.: [Лурия 1979: 271–290; Леонтьев 2003: 232–236; Dietrich 2007: 279–297 и др.]. Впрочем, некоторые авторы уточняют: «Если принимать в расчет только задаваемые нормативной грамматикой литературного языка классные характеристики лексем, не учитывая ни знаковых, ни контекстуальных закономерностей построения языка, то в речи даже безусловно психически больных людей не удастся выявить никаких особенных структурных изменений» [Спивак 1986: 16].

Не все исследователи признают диссоциативное расстройство идентичности патологией, но среди признаков этого состояния встречаются характерные странности самоназывания.

«Русский писатель Глеб Иванович Успенский (1840–1902) в последние годы жизни страдал душевной болезнью, сопровождавшейся расстройством речи. Свои собственные имя и отчество *Глеб Иванович* он расчленил на два независимых имени, обозначавших для него два отдельных существа: Глеб был наделен всеми добродетелями, а Иванович стал воплощением всех пороков Успенского. Лингвистический аспект этого раздвоения личности состоит в неспособности больного использовать два символа для обозначения одного и того же объекта; тем самым здесь мы имеем расстройство подобия» [Якобсон 1990: 129].

И далее исследователь говорит о проявляющейся в творчестве Успенского склонности к метонимии и к расчленению целостного литературного образа – к разбиению его на детали.

Сознательное расщепление личности на «хорошую» и «плохую» составляющую характерно и для маленьких детей. К. Чуковский рассказывает о многочисленных случаях, когда 2-3-летний малыш придумывал себе двойника (с другим именем), на которого списывал все свои ошибки и промахи [Чуковский 1965: 402–404].

Тема литературных двойников непосредственно соотносится с темой раздвоения личности. Появился даже специальный термин «двойничество» – как художественный прием, элемент поэтики, свойственный, в частности, творчеству М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А. Погорельского и других русских писателей. Двойник, или «тень» человека, концентрирует в себе качества, отсутствующие у оригинала, – это его семиотический антагонист, хотя внешне он может быть его копией.

Для литературоведения привычна и тема расщепления автора произведения на несколько «субличностей» или противопоставления «автор – рассказчик». Существует целая наука – нарратология – и типология нарраторов (рассказчиков) [Шмид 2003: 44–61]. В то же время известны примеры, когда писатель идентифицирует себя со своим литературным героем, расширяя пределы собственного опыта за счет элементов творческой фантазии (напомним признание Гюстава Флобера по поводу его героини: «Мадам Бовари – это я!»). И результатом такого системного взаимопроникновения оказываются произведения гибридного жанра, вроде «Дневника» Юрия Нагибина или «Ягодных мест» Е. Евтушенко.

У одного из «обэриутов», Константина Вагинова, есть произведение «Труды и дни Свистонова», герой которого воспринимает обстоятельства своей довольно праздной жизни как роман – и так их и описывает. Жизнь ли при этом становится романом или роман становится жизнью? Прочитруем:

Роман был окончен. Автору не хотелось больше притрагиваться к нему. Но произведение его преследовало. Свистонову начинало казаться, что он находится в своем романе.

И финал романа:

Где бы Свистонов ни появлялся, всюду он видел своих героев. У них были другие фамилии, другие тела, другие волосы, другие манеры, но он сейчас же узнавал их. Таким образом, Свистонов целиком перешел в свое произведение.

Очень показателен случай с немецким писателем Карлом Маем (1842–1912). Фантазер и авантюрист, автор многочисленных приключенческих романов (в том числе про вождя индейских племен Винету), пользовавшихся в свое время бешеной популярностью, Май утрачивал чувство реальности в своем творчестве. Вот как писал об этом известный немецкий психиатр К. Леонгард: «Вероятно, он вживался в свои образы вплоть до полного слияния с ними, а поэтому вряд ли лгал, когда представлялся нам под личиной славного Old Chatterhand. Можно сказать также, что в романах, написанных от первого лица, т.е. от лица Old Chatterhand, эта форма повествования перестает уже быть только литературным приемом. Он действительно сам становится своим героем. И вот на этой-то истерической почве и вырастала его поразительная фантазия» [Леонгард 1981: 61].

Раздвоение личности как компонент фольклорных текстов

Представляет интерес отражение темы «раздвоение личности» и в фольклоре: это значит, что народное сознание обращает внимание на соответствующие факты. Но здесь мы имеем дело, как правило, или с волшебным превращением личности: лягушки в царевну, Золушки в красавицу на балу, чудища в прекрасного принца и т.д., или же – с «переодеванием», имитацией другой особы: волк притворяется козой (мамой козлят), а в другом случае – бабушкой Красной Шапочки, кот прикидывается слугой маркиза Карабаса, блудный сын под видом странника возвращается к отцу, а тот его не узнает («неузнанное прибытие», по типологии В.Я. Проппа) и т.п. Все эти сюжеты имеют глубокий семиотический аспект: смена функции, обман, испытание и т.п.

Не минует данная тематика и юмористических текстов. Существует целая серия анекдотов про внутренний голос, в которых данная ипостась «отчуждается» от тела, но лишается прогнозирующей способности, приписываемой ей молвой. Приведем примеры с сайта: <https://millionstatusov.ru/umor/vnutrennij-golos.html>:

Бывает, прислушаешься к своему внутреннему голосу. Ну такую чушь несет!

Иногда кажется, что человек сам с собой разговаривает. А у него просто внутренний голос случайно включился на громкую связь!

Внутренний голос чаще всего молчит, но весьма многозначительно, а потом тоже молчит, но уже злорадно.

Не стоит особо прислушиваться к внутреннему голосу, он ведь снаружи никогда не был.

Приведем еще анекдот или, скорее, шутку, в которой, наоборот, тело «отбивается от рук», выходя из-под контроля:

За фигурой надо следить. Стоит отвернуться, а фигура уже что-то лопаает!

Таким образом, раздвоение личности – чрезвычайно плодотворный инструмент в развитии литературного сюжета или фольклорного образа.

Дискуссия: Расщепленный взгляд на личность «изнутри» и «извне»

До сих пор шла речь в основном о случаях расщепления внутреннего мира изнутри, с точки зрения самого индивида: в его душе образуется дистанция между «Я₁» и «Я₂». Но наряду с такой «эндоскопической» ситуацией, диссоциативное расстройство идентичности может носить экзоскопический характер: это когда объективный, общественный образ человека не совпадает с его представлением о самом себе. Это – столкновение взгляда на личность изнутри («Я») и взгляда извне («Он»). И категория грамматического лица – самое наглядное в данном плане средство.

Столкновение применительно к одному индивиду этих двух позиций, нарушающее общепринятые коммуникативные стандарты, вполне допускается постмодернистскими текстами. Конечно, стереоскопическая иллюзия здесь создается искусственно, но средства при этом используются самые простые: местоименные и глагольные формы лица:

*Я был веселая фигура
А стал молчальник и бедняк
Работы я давно лишился
живу на свете кое-как ...
Зато я никому не должен
никто поутру не кричит*

*и в два часа и в полдругого
зайдет ли кто – а я лежит*

(Э. Лимонов. Я был веселая фигура...).

*Чем я, больной, так неприятен мне,
Так это тем, что он такой неряха:
На морде пятна супа, пятна страха
И пятна черт чего на простыне*

(Лев Лосев. Местоимения).

В лекции «Разделение психической личности» (1917) З. Фрейд высказал допущение, что «отделение наблюдающей инстанции от остального Я может быть в структуре Я закономерной чертой» [Фрейд 1999: 336]. Сопоставление взглядов на себя «изнутри» и «извне» легко приобретает оценочную окраску. Либо самооценка индивида оказывается выше общественной (это проявление естественного эгоцентризма), либо взгляд «извне», в силу его сравнительной объективности, кажется справедливее, чем внутренняя самооценка. Вот персонаж рассказа В. Набокова думает о себе в 3-м лице и не может удержаться от похвалы:

Он зажег свет, лег на кушетку и накрылся пальто. Почему-то было неудобно кисти левой руки. Ах, конечно, часы. Он снял их, завел, да еще при этом подумал: «Удивительная вещь, этот человек сохраняет полное хладнокровие. Он даже не забывает завести часы. Это хорошо» («Подлец»).

Ах, конечно, часы – это, хоть и не взятая в кавычки, прямая речь героя (точнее, его внутренняя речь). А рядом, уже в кавычках, – «Этот человек сохраняет полное хладнокровие» – оценка внутреннего антагониста, поднявшегося над реальной ситуацией.

У того же писателя есть и другие примеры подобной коллизии.

Марта Драйер, героиня повести В. Набокова «Король, дама, валет», заболевает (воспалением легких). В горячке ее сознание раздваивается, но со стороны она воспринимает свои действия спокойнее и позитивнее, чем «изнутри»:

Она слышала, как Марта Драйер что-то спрашивает, на что-то отвечает...

Она незаметно взяла Марту Драйер за левую кисть, нащупывая пульс...

Она заметила, что Марта тоже танцует, тоже держит шар...

Еще примеры перехода от одной позиции в оценке ситуации к другой – от «Я» к «Он», уже из новейшей литературы:

И я был не я, а худой отрок в периоде возмужания, с нервными движениями и блестящими глазами (Л. Зорин. Старая рукопись).

У меня началось раздвоение личности. Жизнь превратилась в сюжет. Я хорошо помню, как это случилось. Мое сознание вышло из привычной оболочки. Я начал думать о себе в третьем лице (С. Довлатов. Зона).

Он казался себе очень спокойным и взрослым. Поджимал губы, делал твердое лицо, рассматривал себя в оконном стекле, думал о себе разные вещи, смотрел, как он пускает дым и стряхивает пепел (А. Битов. Дверь).

Экзоскопическое представление о личности может получать в мировой литературе неожиданное предметное воплощение – такое, как изображение героя на холсте

(«Портрет Дориана Грея» О. Уайльда) или кусочек волшебной кожи («Шагреновая кожа» О. Бальзака). По сути, это инкарнация души индивида, его желаний и устремлений, но в силу своей материальности она доступна наблюдению и играет роль диагностирующего символа.

Итак, взгляд на себя «извне» может удовлетворять или не удовлетворять субъекта наблюдения. С одной стороны, в этом образе могут проявляться какие-то недостатки, а, с другой стороны, он может быть лучше, «приглаженной», чем хорошо известное субъекту «Я» внутреннее. Это порождает «конфликт хорошего с лучшим»:

«...В нашем “Я” развивается инстанция, которая может отделиться от другого “Я” и вступить с ним в конфликт. Мы назвали ее “Идеалом Я” и приписали ей функции самонаблюдения, моральной совести, цензуры сновидений и основное влияние при вытеснении. <...> Из влияний окружающего эта инстанция постепенно воспринимает требования, которые предъявляются к “Я” и которые оно не всегда может удовлетворить; но когда человек не может быть доволен своим “Я” он все же находит удовлетворение в “Идеале Я”, которое дифференцировалось из “Я”» [Фрейд 1991: 107].

Роль “Идеала Я” может играть литературный или исторический персонаж. Так Копенкин, герой романа Андрея Платонова, посвящает свою жизнь Розе Люксембург и соответствующим образом ведет себя:

– Роза! – уговаривал свою душу Копенкин и подозрительно оглядывал какой-нибудь голый куст: так же ли он тоскует по Розе. Если не так, Копенкин подправлял к нему коня и ссекал куст саблей: если Роза тебе не нужна, то для иного не существуй – нужнее Розы ничего нет (А.Платонов. Чевенгур).

В каком-то смысле воплощением “Идеала Я” является и внутренний голос, о котором шла речь в упомянутых выше анекдотах. Но анекдоты, в соответствии с традициями жанра, иронически снижают, дезавуируют эту функцию идеала.

Различая эндоскопическое и экзоскопическое раздвоение личности, необходимо признать, что эти две ситуации могут порождать друг друга, перетекать одна в другую: или какая-то из «субличностей» индивида закрепляется в общественном мнении, или же, наоборот, человек свыкается со своей внешней «личиною» и присваивает ее в качестве одной из составляющих своей личности.

Очень яркое проявление этой связи – литературные псевдонимы. Нередко писатель срастается со своей литературной маской настолько, что его истинное имя (и суть) забывается читающей публикой, да и сам он ощущает себя Максимом Горьким, а не Алексеем Пешковым, или Даниилом Хармсом, а не каким-то безвестным Ювачевым, см.: [Дмитриев 1977: 248–250 и др.].

Имя – не менее важный (и, во всяком случае, более распространенный) идентификатор человека, чем отпечатки пальцев или рисунок радужной оболочки глаза, см. подробнее: [Норман 2017: 17–32]. И вопрос о соотношении личности и имени, имеющий много аспектов, укладывается в более общую проблему «знак и предмет» (или «слово и денотат»), издревле волновавшую философов, теологов, герменевтиков, см.: [Рассел 1957: 91–127; Лосев 1990: 93–101; Фреге 1997: 354–357 и др.].

В центре этой тематики (которой предшествовала античная теория фюсей и тесей) находится дилемма: считать ли имя лишь этикеткой, внешним, относительно случайным признаком личности или же это реализация сущности человека, его неотъемлемая

часть? В таком случае каждая «субличность», как в вышеописанном случае с Глебом Успенским или с доктором Джекилом и Хайдом, требует своего названия! Напоминает об этом и классический диалог Винни-Пуха с Кроликом:

- *Будьте так добры, скажите мне, пожалуйста, куда девался Кролик?*
- *Он пошел в гости к своему другу Винни-Пуху. Они знаешь какие с ним друзья!*

Тут Винни-Пух прямо охнул от удивления.

– *Так ведь это же я! – сказал он.*

– *Что значит «я»? «Я» бывают разные!*

– *Это «я» значит: это я, Винни-Пух!* (А.А. Милн. Винни-Пух и все-все-все. Пересказал Б. Заходер).

Самообозначение «Я» оказывается пустым шифтером, а имя *Винни-Пух* сразу все расставляет по своим местам.

Если имя – важный признак личности, то смена его должна свидетельствовать о внутренних, глубинных метаморфозах:

Быть может, с фамилией новой

Судьба моя станет иной.

И жизнь потечет по-иному,

Когда я вернусь домой

(Н. Олейников. Перемена фамилии)

Тожественность или нетождественность имени своему «хозяину» многократно обыгрывалась в художественной литературе. Очень показателен следующий пример. В рассказе Александра Грина «Загадка предвиденной смерти» тюремщик приходит к заключенному, приговоренному к смертной казни:

– *... Я изменяю долгу, но, жалея вас, пришел предостеречь от ненужных волнений. Вы казнены не будете, Эбергаиль.*

– *Я или Эбергаиль? – спросил тот, хитро прищуриваясь.*

– *Вы, Эбергаиль.*

– *Я, Эбергаиль. Очень хорошо. Дайте пить.*

Он поднес кружку к губам и расхохотался в воду, так что расплескал все.

(А. Грин. Загадка предвиденной смерти)

Личность здесь утратила связь со своим именем, и осужденному нужны определенные усилия, чтобы совместить эти две точки зрения.

Если человек отождествляет себя с историческим лицом или литературным героем, то это, конечно, свидетельство распада его психики, иными словами, сфера медицины. Но и в художественную литературу данная ситуация попадает – иногда, правда, в карикатурном виде, как в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Там пациенты сумасшедшего дома встречают новоприбывшего возгласами типа: «Я вице-король Индии! Отдайте мне любимого слона!» или «И ты, Брут, проданся большевикам!».

Перевоплощение в Наполеона или в Ивана Грозного требует от индивида соответствующих изменений речевого поведения. Так, заурядный управдом, обратившись в пьесе М. Булгакова «Иван Васильевич» в царя Иоанна Грозного,

прибегает к новым для себя оборотам речи: «*Не человеческим хотением, но божьим соизволением царь есмь!*» «*Отведай ты из моего кубка*», «*Пошто ты боярину обидел, смерд?*» «*Дьявол научиши ты долгому спанию, по сне зиянию, главоболию с похмелья и другим злостям неизмерным и исповедимым!*» и т.п. В этих репликах представлены лексические и грамматические старославянизмы, а первая из них – буквальное воспроизведение фрагмента Послания польскому королю Стефану Баторию (1581). Наряду с прекрасной физиогномикой актера (Ю. Яковлева), эти речевые метаморфозы были по достоинству оценены и многомиллионными зрителями фильма, снятого по пьесе Булгакова.

Многогранность личности составляет первую и важнейшую предпосылку для ее расщепления на несколько «субличностей». Вторая предпосылка – это нахождение человека в обществе, сопоставление внутренней самооценки с взглядом «извне». И, наконец, третья – это оценочный компонент, постоянно присутствующий в интеллектуальной и эмоциональной деятельности человека.

Заключение

Синдром диссоциативного расстройства идентичности представляет собой, в первую очередь, объект изучения психологии и психиатрии. Но, поскольку он имеет речевые проявления, то интересует также лингвистов. В том числе ценнейший материал дают нам художественные произведения, фиксирующие две стороны данного явления: эндоскопическую (расщепление личности на «Я₁» и «Я₂») и экзоскопическую (расщепление личности в собственных глазах и в глазах общества – как «Я» и «Он»). Дистанция между этими «осколочными» вариантами личности может проявляться в особенностях мировоззрения, темперамента, эмоциональной сферы и т.д., но при этом очень часто сопровождается различием в оценке. При взгляде «извне» индивид склонен формировать в сознании некий недостижимый «Идеал Я», в роли которого может выступать историческая или литературная персона. Художественные и фольклорные образы помогают составить общественное представление о данном феномене.

© Норман Б.Ю., 2021

Литература

- Бердяев Н.* О рабстве и свободе человека. Paris: YMCA-PRESS, 1939. 222 с.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. В кн.: Выготский Л.С. Собрание сочинений. Том 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.
- Дмитриев В.Г.* Скрывшие свое имя (из истории анонимов и псевдонимов). Изд. 2-е. М.: Наука, 1977. 313 с.
- Леонгард К.* Акцентуированные личности. Киев: Вища школа, 1981. 392 с.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл. – СПб.: Лань, 2003. 287 с.
- Лосев А.Ф.* Философия имени. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 269 с.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
- Норман Б.Ю.* Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. Екатеринбург–Москва: Кабинетный ученый, 2017. 464 с.
- Рассел Б.* Человеческое познание, его сфера и границы. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 555 с.

- Руднев В.* Введение в шизореальность. М.: Аграф, 2011. 224 с.
- Спивак Д.Л.* Лингвистика измененных состояний сознания. Л.: Наука, 1986. 92 с.
- Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Opera selecta. № 35. М., 1997. С. 352–379.
- Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я». В кн.: Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 71–138.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции 16–35. СПб.: Алетейя, 1999. 500 с.
- Чуковский К.* От двух до пяти. В кн.: Чуковский К. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М.: Худ. лит., 1965. С. 333–725.
- Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
- Юмор, анекдоты, приколы про внутренний голос [Электронный ресурс] URL: <https://millionstatusov.ru/umor/vnutrennij-golos.html> (дата обращения: 03.02.2001).
- Яacobson P.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры / Арутюнова Н.Д. (сост.). М.: Прогресс, 1990. С. 100–132.
- Dietrich R.* Psycholinguistik. 2. Auflage. Weimar: J.B. Metzler, 2007. 330 p.
- Goldberg J.* Dissociative Identity Disorder (Multiple Personality Disorder). WebMD Medical Reference. WebMD (May 31, 2014). [Электронный ресурс] URL: <https://www.webmd.com/mental-health/dissociative-identity-disorder-multiple-personality-disorder#1> (дата обращения: 08.02.2021).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 11.02.2021

Дата принятия к печати: 12.03.2021

Сведения об авторе:

Норман Борис Юстинович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета; ведущий научный сотрудник проблемной лаборатории компьютерной лексикографии Уральского федерального университета.

Контактная информация:

220030, Беларусь, Минск, пр. Независимости, 4

6200083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

e-mail: boris.norman@gmail.com

Для цитирования:

Норман Б.Ю. Раздвоение личности с позиций психологии и лингвистики // Вопросы психолингвистики №1(47) 2021, С.48-61. DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-48-61

UDC 159.96+801,7+81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-48-61

Research article

PERSONALITY DISORDER IN TERMS OF PSYCHOLOGY AND LINGUISTICS

Boris Ju. Norman

Belarussian State University, Minsk, Republic of Belarus

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Abstract

The article analyzes cases of multiple personality disorder (dissociative identity disorder) and their reflection in fiction. The purpose of the article is to classify various situations and identify the causes and prerequisites for this phenomenon. The process of splitting consciousness is accompanied by certain changes in the individual's speech. This concerns the choice of words and grammatical forms (especially forms of the person's category). The collected material (texts of novellas, short stories, poems, and screenplays) gives grounds for some conclusions. The main prerequisites for dissociative identity disorder are the versatility of the personality, the ability to look at it "from the inside" and "from the outside," as well as the individual's tendency to constantly evaluate his thoughts and actions. Past violence, severe stress, internal discomfort, etc. can act as a cause ("triggering mechanism") of the phenomenon under study. The author shows cases of endoscopic and exoscopic disintegration of identity using literary facts. In the latter case, there is a connection with the Freudian concept of the "Ideal I", which includes an observer. The topic of doubles, which is immensely popular in art, and the relationship between the author of a literary work and his pseudonym are also touched upon.

Keywords: multiple personality disorder, fiction, character, category of the person, mental disorder, endoscopy, exoscopy

References

Berdyayev N. O rabstve i svobode cheloveka [On Slavery and Human Freedom]. Paris: YMCA-PRESS, 1939. 222 s. (In Russian).

Vygotskiy L.S. Myshleniye i rech' [Thinking and Speaking]. In: Vygotskiy L.S. Sobraniye sochineniy. Tom 2. Problemy obshchey psikhologii [Collected Works. Volume 2. Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika Publ., 1982. S. 5–361. (In Russian).

Dmitriyev V.G. Skryvshiye svoje imya (iz istorii anonimov i psevdonimov) [Hidden their Names (from the history of anonymous and pseudonyms)]. 2nd ed. Moscow: Nauka Publ., 1977. 313 s. (In Russian).

Leongard K. Akcentuirovannye lichnosti [Accentuated Personalities]. Kiev: Vishha shkola Publ., 1981. 392 s. (In Russian).

Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow: Smysl Publ.–Sankt-Petersburg: Lan' Publ., 2003. 287 s. (In Russian).

Losev A.F. Filosofija imeni [Philosophy of the Name]. Moscow: Moscow University Publ., 1990. 269 s. (In Russian).

Lurija A.R. Jazyk i soznanie [Language and Consciousness]. Moscow: Moscow University Publ., 1979. 320 s. (In Russian).

Norman B.Ju. Pragmaticheskij potencial russkoj leksiki i grammatiki [The Pragmatic Potential of Russian Vocabulary and Grammar]. Ekaterinburg– Moscow: Kabinetnyj uchenyj Publ., 2017. 464 s. (In Russian).

Rassel B. Chelovecheskoe poznanie, ego sfera i granicy [Human Cognition, its Scope and Boundaries]. Moscow: Publishing house for foreign literature, 1957. 555 s. (In Russian).

Rudnev V. Vvedenie v shizoreal'nost' [Introduction to Schizoreality]. Moscow: Agraf Publ., 2011. 224 s. (In Russian).

Spivak D.L. Lingvistika izmenennyh sostojanij soznanija [Linguistics of Changed States of Consciousness]. Leningrad: Nauka Publ., 1986. 92 s. (In Russian).

Frege G. Smysl i denotat [Sense and denotation] // Semiotika i informatika [Semiotics and Informatics]. Opera selecta. No. 35. Moscow, 1997. S. 352–379. (In Russian).

Freud Z. Massovaja psihologija i analiz chelovecheskogo «Ja» [Mass psychology and analysis of the human «I»]. In: Freud Z. «Ja» i «Ono». Trudy raznyh let [«I» and «It». Works of different years]. Vol. 1. Tbilisi: Merani Publ., 1991. S. 71–138. (In Russian).

Freud Z. Vvedenie v psihoanaliz [An Introduction to Psychoanalysis]. Lekcii 16–35. Sankt-Petersburg: Aleteja Publ., 1999. 500 s. (In Russian).

Chukovskij K. Ot dvuh do pjati [From two to five]. In: Chukovskij K. Sobranie sochinenij v shesti tomah [Collected works in six volumes]. Vol. 1. Moscow: Hudozhestvennaja Literatura Publ., 1965. S. 333–725. (In Russian).

Shmid V. Narratologija [Narratology]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2003. 312 s.

Jumor, anekdoty, prikoly pro vnutrennij golos [Humor, anecdotes, jokes about the inner voice] [Electronic source] URL: <https://millionstatusov.ru/umor/vnutrennij-golos.html> (retrieval date: 03.02.2001) (In Russian).

Jakobson R. Dva aspekta jazyka i dva tipa afaticheskikh narushenij [Two aspects of language and two types of aphatic violations] // Teorija metafory [Theory of Metaphor] / Ed. by N.D. Arutjunova. Moscow: Progress Publ., 1990. S. 100–132. (In Russian).

Dietrich, R. (2007) Psycholinguistik. 2. Auflage. Weimar: J.B. Metzler. 330 p. (In German).

Goldberg, J. (2014) Dissociative Identity Disorder (Multiple Personality Disorder). WebMD Medical Reference. WebMD (May 31, 2014) [Electronic source]. URL: <https://www.webmd.com/mental-health/dissociative-identity-disorder-multiple-personality-disorder#1> (retrieval date: 08.02.2021).

© Norman B.Ju., 2021

Article history:

Received: 11.02.2021

Accepted: 12.03.2021

Bionotes:

Norman Boris Ju. – Doctor of Philology, Professor, Department of Slavonic and Theoretical Linguistics, Belarussian State University; Leading Researcher at Special Laboratory of Computer Lexicography, Ural Federal University

Contact information:

4 Nezavisimosti Ave., Minsk, Republic of Belarus, 220030

51 Lenin ave., Ekaterinburg, Russia, 620083

e-mail: boris.norman@gmail.com

For citation:

Norman B.Ju. Personality Disorder in Terms of Psychology and Linguistics // Journal of Psycholinguistics №1(47) 2021, P. 48–61. (In Russian). DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-48-61

UDC 159'99

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-62-75

Research article

POST-EVENT INTERNET DISCOURSE AND ITS PECULIARITIES IN THE CONTEXT OF COVID-19 PANDEMIC

Natalya D. Pavlova, Tina A. Kubrak

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga M. Kochkina

MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to post-event discourse which plays a major part in comprehending experience and forming the image of reality in one's mind. The aim of the research is to define the peculiarities of post-event internet discourse in the context of the COVID-19 pandemic, that has affected all the aspects of human and social activity in an unprecedented way. The approach applied was approbated earlier and comprises the description of the main referential objects of discourse and their qualitative changes in the process of discussion, as well as the characteristic of intentional content and discourse structure.

Diversity of message sources and internet platforms has determined the variability of intentional characteristics of post-event discourse during the pandemic. In translating opinion and seeking support of the audience, prime significance is attached to dialogical intentions, e.g., asking for information, clarifying, finding out an opinion. Negative intentions, linked with the expression of emotional states and criticism of the discussed objects, are also relevant. At the same time, positive directionality of communicants is revealed, with the focus on the intention to support the interlocutor and express gratitude to those who distinguished themselves throughout the pandemic. Considerable modification of referential objects in the course of the discussion, their generalization and replacement and increase in number as compared to the initial message have also been uncovered.

Keywords: internet discourse, post-event discourse, COVID-19 pandemic, intent-analysis, speech intentions, referential objects of discourse

Introduction

Vigorous development of information technologies in the last decades has led to the fact that people now function in a qualitatively new information environment. A huge role in its formation is played not only by instant expansion of information, but also by involvement of millions of people into communication and information transferring. Participants of communication provide information and respond to the most significant events in public life. Taking part in the discussion of events, a communicant attempts to become noticeable in social activity, he/ she sets the view on what is going on and contributes to the transformation of the image of reality in people's minds. Communication in the Internet shapes views of the world, values, relationships, attitudes, personal and group identity (Y. Kim, S. J. Ball-Rokeach, D. Chau, C. Lee et al.). The impact of assessments and opinions from the Internet

on political and social life is growing thanks to instant propagation all over the world (M.T. Bastos, H.G. Zuñiga, D. Halpern et al.). Thus, post-event Internet discourse draws attention of those researchers who study users' posts and comments.

Post-event discourse represents an inalienable part of every person's life comprising reactions to a certain event or information about it. In daily communication people constantly participate in discussions about current developments, comment on the events covered in radio and TV programs, printed media, films. However, it is web resources and social networks that are acquiring the dominating part in post-event functioning, corresponding to the "anytime, anywhere" principle of getting information (Y. Zasurski) and open for readers' interactive commentaries on multiple thematic forums. The most active part of society is impacted by the Internet while evaluating socially important events, and their evaluation is not only the result of the influence of opinions of parties with high social status (bloggers, media-persons, government officials, etc.), but also the result of following discussions in social networks, on Internet forums, information portals etc. Post-event discourse, in which people are involved throughout their life, plays a most important role in comprehension of experience and generation of the image of reality in individual minds. It reflects and interprets current events, and at the same time it creates the view of the world, which is transferred within and beyond Internet and, moreover, serves as a source of collective action [Theocharis et al. 2017]. Study of post-event discussions as discourse practices, happening in modern conditions and adjusting to solving topical tasks, is relevant in order to comprehend the current social processes and determine psycho-emotional state, relationship and values of social groups.

The COVID-19 pandemic has become the major event of 2020 that has affected and continues to exert unprecedented influence on all aspects of the activity of both society and individuals worldwide. Knowledge, opinions and views concerning COVID-19, both versions about its origin and long-term forecasts of the pandemic's consequences, are reflected in Internet discourse, which makes a considerable contribution to their development. At the same time, the content of Internet discussions does not always allow generating an adequate view of the actual uncertain and unpredictable situation of the pandemic. This fact makes it vital to carry out comprehensive analysis of post-event discourse. There arise the tasks of determining the role of discussions, taking place in social networks and Internet communities, in people's realization of the new experience and the shaping of views on COVID-19, as well as the task of studying their impact on people's emotions and behavior during the pandemic. Positive and negative aspects of free and instant exchange of information during the crisis need to be carefully analyzed since the Internet discussions referring to COVID-19 affect people's psychological well-being as well as efficacy of the struggle against the pandemic.

The aim of this research is to reveal the peculiarities of post-event Internet discourse triggered by the COVID-19 pandemic: do there exist specific peculiarities of discussion during a pandemic or does post-event discourse occur only in a more intense and chaotic crisis mode?

Related works

The problems stated presuppose comparing the results with those of the other studies, and the latter are to be discussed further on.

It is revealed that post-event discourse in the Internet is quite varied. It embraces a wide range of phenomena pertaining to people's public and private life. The discussion may be initiated by the events referring to any public and private sphere of life discussed on Internet forums. At one extreme, post-event Internet discourse merges with personal (personality-oriented) discourse, at the opposite extreme – with institutional discourse, when the subjects of communication reflect the position of a certain social institution [Karasik 2000].

The variety of specific forms in post-event discourse presupposes correlation of two components: (1) the event itself and/or its description (informational cause) and (2) the corresponding post-event discussion. In the course of the discussion referential objects are transformed and increase in number – this is the process that proves that the events are not only comprehended during the discussion, but also constructed (T. van Dyke, A.A. Tarnavsky, O.G. Filatova, T.A. Grebenshikova, etc.). Many researchers point out the predominance of evaluation and effect over balance and strive for an objective analysis in this discourse, prevailing emotional assessments over rational judgments (N.K. Radina, G.V. Gradoselskaya, M.A. Pilgun). While discussing events and news, the communicant expresses his/ her attitude and often chooses an expressive form (so-called 'new sincerity'). Evaluative interpretation is inherent in post-event discourse [Kirilina 2015; Gradoselskaya, Pilgun 2015, etc.] and refers both to the discussion subject and the interaction process. This determines preference towards such discourse strategies as the self-presentation strategy and more particular strategies of antagonism with regard to the opponent's position, domination, etc. (I.G. Sidorova, A.V. Romantovsky, D.A. Popova). Although the network activity under certain conditions may transform into collective action [Theocharis et al. 2017; Bastos et al. 2015; Sutherland 2016], intention to promote one's own world view and suppression of other users' activity become domineering. The intention to self-promotion brings in aggressive online behavior: trolling, flaming, cyber-bullying [Kuryanovich 2018; Heirman et al. 2015, etc]. At the same time, interaction in the social media is regulated by certain norms [Stroud et al. 2015; Benamar et al. 2017], and is characterized by a specific communicative script on different forums [Santana 2014; etc.].

Methods and material

The study of post-event discourse implies the use of various research methods exploring different aspects of the phenomenon. The peculiarity of discourse is revealed not only through its thematic content and basic concepts; a most relevant determinant of discourse organization is intentionality. What contributes to promoting research in this direction is the method of intent-analysis, which allows bringing out the subject's intentions, linked with their inner world, wishes, needs and attitudes [Ushakova et al. 2000; Pavlova, Grebenshikova 2017a]. When such an approach is applied, communication subjects' feelings, initiated by the initial message, become the centre of attention in the course of post-event discourse analysis. The communicant's transmission of their own opinion and search for the support of the internet audience, which shares similar values and norms, can be considered as the global intention of such discourse.

The application of intent-analysis as an expert method for assessing the psychological content of speech allowed identifying a qualitative shift of intentional composition of post-event discourse in relation to the initial presentation of the event and modification of its referential objects: substitution, generalization, blurring of the boundaries [Pavlova,

Grebenschikova 2017b]. The data have been obtained that display differences in the types of post-event discourse ranging in conflictness, composition of intentions, referential objects' characteristics, etc. [Grebenschikova, Pavlova 2019; Kubrak 2019]. For instance, post-event discourse linked with the discussion of current political issues is characterized by considerable transformation of initial referential objects and asymmetry in its intentional composition towards negative intentions with high degree of an emotional-evaluative component (expressing indignation, malevolence, accusing, deriding etc.), as well as intentions of distancing and demonstrating superiority. At the same time, post-event discourse in the Internet does not show a mandatory shift of intentional composition towards negative intentions. Positive potential of Internet communication is demonstrated by many types of post-event discourse (cinema discourse, urban and family discourse), where neutral analytical intentions prevail. The latter are linked with the problem situation and the exchange of a great variety of opinions [Pavlova et al. 2018; 2020].

A special research was devoted to the peculiarities of post-event discourse while discussing in Runet popular information messages about "Megzit", which were published in January, 2020. Study of 37 posts with comments on various Internet forums has revealed blurring of the initial referential objects of the messages and appearance of additional objects, connected both with the process of interaction and the topic of the discussion ("Russian power", "Interlocutor", "I"); besides, the number of the categories of the intentions has grown multifold, adding emotionally charged ones. It has been shown that intentions of distancing and discrediting prevail in responses to the messages, while negative emotions are not typical for the major part of the initial messages. The shift towards negative intentions is observed with regard to the majority of topic-objects, both initial and added in the course of the discussion. The development of the discussion is prompted by the subject's focus on interlocutors' comments, which correlates with the high dialogic structure of discourse and need for shared understanding of the event.

The current analysis of post-event Internet discourse in the COVID-19 situation realizes the previously tested approach involving the description of the main referential objects of discourse and their qualitative changes in the course of the discussion, as well as the evaluation of the intentional content and the structure of discourse. The material of the research is 14 posts and messages on the topic of COVID-19 and their subsequent discussion (a total of 679 comments, $M = 49$, $\min = 21$, $\max = 90$), placed on different internet platforms: Facebook, Instagram, YandexDzen, LiveJournal, online news sites, city portals in November-December 2020.

Intentional content of post-event discourse and modification of its referential objects in the context of the pandemic

The issue that is being analysed is the changing number of referential objects and their modification while discussing urgent problems of the pandemic. Thus, at the very start of COVID-19 it could be observed that 'coronavirus' was turning into «смертельный вирус» ("deadly virus"), «вирус – убийца» ("virus-killer"). A similar transformation had been noted before, during the previous epidemics, for instance, when in 2003 SARS became the «убийца» ("killer") in media discourse. Metaphorical substitution, that gives the object additional meanings, happens in the unfolding discourse not only with respect to the virus, but also to other objects, directly related to it: «маска» ("mask") becomes

«намордник» (“muzzle”), «вакцина» (“vaccine”) – «чудесный порошок» (“miraculous powder”), «лекарства» (“medications”) – «фуфломицин» (“falsified medicine”), «масочный режим» (“mask mode”) – «маскарад» (“masquerade”), etc. The modification of the image of the initial objects may shift the focus of the problematic situation in the course of the discussion: «Для чего на самом деле нас заставляют носить маски? - Ну, если исходить из того, что “гигиеническая маска” это “трикотажно-декоративное изделие”, то наверно для красоты» (“What for are we made to wear masks? - Well, if we assume that hygienic mask is a knitwear decorative product, then it must be for beauty”). Oftentimes generalization of objects can be witnessed in the process of the discussion. Thus, the description of the situation in a certain polyclinic in the initial message or a summary of a certain doctor’s recommendations leads to generalizations in the subsequent comments: «Сколько по стране больниц закрыли и сократили штат медперсонала и количество коек. Оптимизаторы ... Рыба гниет с головы» (“So many hospitals closed and medical staff laid off and beds cut. Optimizers... A fish stinks at the head”), «Медицина у нас убита. Поэтому люди предпочитают слушать советы знакомых» (“Our medical service is destroyed. That’s why people prefer to listen to their friends’ advice”), «Медицина в полном коллапсе, о чем мы говорим!» (“Medicine is collapsing, what are we talking about!”). Additional objects, that expand the set of the initial ones and add details to the consideration, are introduced by the discussion participants: «Койко-места, возможно, есть в достаточном количестве, койка без медперсонала не вылечит больного, а вот как с медперсоналом в этих отделениях обстоят дела...?????? думаю, что вся проблема в том, что не хватает врачей и медсестер в этих отделениях, где лечат пациентов с коронавирусной инфекцией» (“There may be enough in-patient beds, but they won’t cure patients without medical staff, and the point is – how are things with medical staff...?????? I think the problem is that doctors and nurses lack in those departments where patients with coronavirus are being treated”), «Мазки сугубо для статистики. Нет мазков - нет вируса» (“Swab tests are purely for the sake of statistics. No swab tests – no virus”).

Among the referential objects, repeatedly mentioned in the discourse, there appear social groups and their representatives who distinguished themselves during the epidemic (Doctors, Officials, Volunteers etc.), public authorities in Russia and abroad (Government, Local authorities), as well as people sick with coronavirus and those suspected of infecting others (Travelers, Chinese). Interactive objects, related to the communication process, are also widely represented: I, Interlocutor, Third persons.

There is reason to speak about considerable rise in emotionally charged intentions while discussing COVID-19, which differ by essential criteria from those identified earlier in the analysis of post-event discourse. Fear and anger are known to have been dominating emotions in the discourse of social networks during previous Ebola and MERS-2015 epidemics, as they were used to express affective reactions [Song et al. 2017; Do et al. 2016]. To date, a substantial number of studies have established that fear has also become predominant in the current COVID-19 situation: «Кто не верит в опасность вируса ваше дело. С вводимыми ограничениями согласен. НО ВОПРОСОВ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОТВЕТОВ. 1. ПОЧЕМУ НЕ ПРОВОДИТСЯ ДЕЗИНФЕКЦИЯ ВХОДНЫХ ДВЕРЕЙ, ПЕРИЛ, ЛИФТОВ И ДРУГИХ МЕСТ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ В ЖИЛЫХ ДОМАХ? 2. ПОЧЕМУ МЫ НЕ ВИДИМ ДЕЗИНФЕКЦИИ ДОРОГ, ... ВЫ ТАМ ЧТО БЕССМЕРТНЫЕ?» (“It’s up to

you not to believe in the danger of the virus. I agree to the introduced restrictions. BUT THERE ARE MORE QUESTIONS THAN ANSWERS. 1.WHY ARE ENTRANCE DOORS, BANISTERS, LIFTS AND OTHER COMMON AREAS IN RESIDENTIAL BUILDINGS NOT DISINFECTED? 2.WHY DON'T WE SEE ROADS BEING DISINFECTED? ARE YOU THOSE OVER THERE IMMORTAL?"). This implies manifestation in discourse of the following intentions: to express anxiety, complain, express dissatisfaction, and also the more negative ones - to criticize and blame. At the same time, data have been obtained concerning presence in discourse of a considerable number of positive intentions, targeted at the partner: to agree, to express sympathy, praise, support, etc. Commentators strive to soothe the author of the post or each other: «Все в порядке. У бол-ва мужчин имеется склонность к психосоматическим реакциям. В медвузах это называют «синдром 3-го курса», когда студенты изучают симптомы болезней и находят их у себя. У Джером Джерома это состояние описано как «болезнь коленной чашечки», когда герой читал Медицинскую энциклопедию и обнаружил у себя все болезни, кроме воспаления коленной чашечки. Так что. не волнуйтесь — это не Ковид». (“All is fine. Most men are apt for psychosomatic reactions. In medical academies they call it ‘3d year syndrome’, that’s when students study symptoms of diseases and find them in themselves. Jerome Jerome described this phenomenon as “a housemaid’s knee”, when the main character was reading Medical Encyclopaedia and found out he had all the diseases except a housemaid’s knee. So, don’t worry, - this is not Covid.”) People are eager to express their opinion, share their experience: «Уже все понятно: вирус вброшен для сокращения численности населения, коронабесие - заказ транснациональных финансовых корпораций», «Много знакомых болеет сейчас, все с температурой высокой и без запахов. Ни у кого тесты не берут, говорят, что нет показаний. Маму подруги не хотели везти на КТ, скорая бесилась». (“All is clear: the virus was thrown in to reduce the population, Corona madness was ordered by transnational financial corporations”, “Many people I know are ill, they all have a fever and have lost sense of smell. No one is tested, they say there are no indications for this. They wouldn’t take my friend’s mother for CT test, emergency doctor was furious.”)

Debates following professional medics’ posts may serve as an example of relatively neutral discussions. Such discourse does not reveal a considerable modification of referential objects – colleagues verify the information from the author of the post, exchange and modify opinions: «Прекрасные новости. Осталось понять, когда она (и будет ли вообще) у нас будет доступна. Ну и для кого. - Думаю, что вопрос времени и цены», «Вот меня второе пугает куда больше. У тебя какие мысли на этот счёт? - Думаешь, сертифицируют?», «Сколько больных приходится на 1 реаниматолога? - от 4 до 8» (“Great news. What is left is to make out when (and if) it will be available. Well, and for whom. – I believe that’s the question of time and price”, “It’s the second that spooks me far more. What are you thinking about it? – Do you think it’ll be certified?”, “How many patients are there for one resuscitator? – From 4 to 8.”) Other interlocutors, not medics, ask the author of the post for information, express their gratitude to him, and also share their worries and experience: «Статья просто супер. Все так грамотно изложено», «Всем здоровья, сил и стойкости! Спасибо огромное!» (“The article is just super! Everything is stated correctly”), «Дорогой доктор, благодарю!!! Надо нести в массы правду, иначе «коронабесие» и безграмотность будут превалировать над правдой. А как известно, чем красивее ложь подана, тем охотнее в неё верят» (“Dear doctor,

thanks! It's necessary to give people the truth, otherwise "corona madness" and illiteracy will prevail over truth. And it is common knowledge that the nicer a lie is, the more eagerly people believe in it"). However, existing polarization of opinions does not exclude showing negative intentions even in such discussions: «Сил нет смотреть и читать весь этот бред от врачей. Не слушайте таких докторов», «Хорошо из кабинетов Московских рассуждать и советы раздавать» ("I'm sick and tired of watching and reading all this rubbish, don't listen to such doctors", "It's all so good to discuss and give advice from Moscow authorities").

The presence of a great number of positive messages, e.g., in Twitter [Bhat et al. 2020] is believed to be due to appreciation of the work of doctors and other specialists at the "front line", a positive attitude towards the measures undertaken, and also due to the fact that people have started to spend more time with their families, acquire new skills etc. Besides, at least the Russian segment of the Internet demonstrates the affirmative mindset, created by the intention to joke, express one's attitude to the problems of the COVID-19 pandemic in an ironic or humorous way: «Существование таких плато еще Терри Пратчетт обосновал». «В той части плоской Земли не было нужды в обширных ровных плато. Проблема была лишь в том, что все они располагались вертикально» ("It was Terry Pratchett who proved such plateaus exist." "There was no need in vast even plateaus in that part of the flat Earth. The problem was just that they all were situated vertically." "If turned by 90 degrees, it will be the very plateau Myasnikov pointed.") Using a great number of memes, cartoons, different kinds of jokes must have contributed to adapting to severe stress.

Another tendency that is revealed in Internet discussions of COVID-19 is that of "heroization" and "blaming" [Atlani-Duault et al. 2020]. People who distinguished themselves in a crisis situation, may arouse admiration, praise, pride. Simultaneously, negative intentions play a considerable role in unfolding discourse: to blame, to expose, to make fun of, etc. The existing polarization of opinions, common distrust of the authorities in the situation of uncertainty enhance criticism and discreditation of the officials in discourse: «При полностью разваленной, оптимизированной медицине, о каких анализах, кт, посещениях участкового врача можно говорить. Одно вранье. И многие люди столкнулись с этим кошмаром» ("When medicine is completely destroyed, optimized, what's the use talking about analyses, ct, visiting your local physician. Just lies. Lots of people ran into this nightmare"), «ВОЗ уничтожает людей, кто-то еще верит этой преступной организации?» ("WHO is killing people, can anyone still believe this criminal organization?").

Stigmatization of certain population groups becomes a serious problem during an epidemic. People who are prone to increased perception of infection risk often blame any group of people beyond their social community for a new disease outbreak. Now, in the COVID-19 situation, there are manifested many such episodes – thus, the ethnic Chinese, who have never been to China, have become the first victims of virus racism [Depoux et al. 2020]. Stigmatization may also concern people who have contracted coronavirus or are suspected of infecting others with it. In general, discreditation may refer both to those who deny the pandemic and refuse to follow assigned preventive measures, and those who demand that they be adhered to: «ковиддиссиденты» ("covid-dissidents"), «героистеующие юридивые» ("heroic fools"), «ковидидиоты» ("covid idiots"), «баранобесы» ("dullards") etc. With reference to this, negative intentionality of discourse may increase due to expressed menaces, insults and distrust towards discriminated groups and their representatives.

At the same time, in the conditions of uncertainty intentions to inform, to report, to clarify one's opinion occupy a considerable place in the intentional composition of discourse. In crisis situations "request for information" becomes highly important. Besides receiving information from the official bodies or representatives of the professional community, people communicate with one another actively, thus realizing such intentions. During the previous infection outbreaks social networks also functioned as "first-hand" information sources, with the help of which it was possible to get information about the diseases and exchange it with one's family and friends in real-time mode [Jang, Paek 2019]. The communication is "horizontal", when the information about the existing situation comes not from the official bodies or competent persons, but rather from the participants directly or indirectly involved in it: *«Построенная военными больница не пуста, она заполнена до предела. – Знакомая сказала ... пустая! – У меня информация реальная, соседка там работает. Больница заполнена»* ("The hospital built by the military is not empty, it's filled to the limit. – An acquaintance said...empty! – I have real information, my neighbour works there, the hospital is full.")

However, as information about the epidemic in social networks is generated by users, it is not always accurate and adequate, it may reflect rumor or misinformation. Oftentimes such messages comprise appeal to third parties, unchecked links are used: *«мне рассказали»* ("I was told"), *«я слышал»* ("I've heard"), *«соседка сказала»* ("my neighbour said") etc., for instance: *«Кстати, в Швеции я слышал с этим маскарадом обратная ситуация, никто маски не носит, а на исключения смотрят как на дебилов. Правда вроде пока не штрафуют»* ("By the way, I hear that the situation with this masquerade in Sweden is reverse, nobody wears masks, and those who do are treated as if they were morons. But no fines yet"). Peculiarities of communication in the web make it possible to leave sources of information hidden, if necessary, and fast spread of information eases the blurring of authorship, reducing the liability for its accuracy. Verification of information is also hampered by the prevailing number of virtual acquaintances among communicants, which is characteristic of online communication. In a crisis situation generation and active dissemination of inaccurate information ("fakes") is an inevitable phenomenon, which can affect the emotional state and behavior of the users [Ho et al. 2020]. Discussions on social networks and Internet sites can distort the scale and intensity of the epidemics, causing fear and thus preventing people from acting adequately. To counteract propagation of the distorted picture of reality among Internet users, the WHO, for instance, appeals to doctors, journalists and the wide public to enhance their presence in the Internet in order to circulate official and verified information about the epidemic. In this respect, the intensity of intentions aimed at the author of the message which contains topical information increases. In case the authorities are responsible for the post, this way of communication is extremely relevant in a crisis situation: on the one hand, it allows the receipt of first-hand information and prompt reaction to it, on the other, it provides users with feedback and the opportunity to feel themselves part of the process of taking decisions when expressing their view [Depoux et al. 2020]. Thus, intentional space of discourse is filled with a multitude of various dialogical intentions: to express an opinion, to clarify, to share, to suggest, to object etc. An example of these is the discussion in response to the governor's address to the residents of the region on his social network page *«по поводу уже введенных ограничений и ситуации по дальнейшему предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции»*

(“concerning the introduced restrictions and the situation on further prevention of the spread of the new coronavirus infection”): «Я один услышал только об ограничениях и ... не услышал о помощи тем, кого лишают куска хлеба? Или мне так показалось? – Показалось. Мы уже более миллиарда, только из регионального бюджета, на поддержку выделили для бизнеса» (“Was I the only one who heard just about restrictions ... and not a word about helping those who are deprived of their loaf of bread? Or did it seem to me? – It did. We have already allocated over billion, only from the regional budget, to support business”), «Наши родственники лежат сейчас в больнице и они говорят, что лекарств не хватает, на вопрос, что нужно, сказали о лекарствах за 60000 р, и нужно две пачки. Это было на этой неделе. – Кто такое мог сказать? В каком лечебном учреждении?» (“Our relatives are in hospital now and they say there are not enough medicines, and when asked what is necessary, said 2 packs of pills, 60000 roubles a pack. It’s been this week. – Who could have said that? At what medical institution?”), etc.

Besides circulating fakes, social networks can create “echo-chambers”, where the users’ ideas are validated and opposing ideas are blocked [Sands et al. 2019 and many others]. This might lead to the formation of limited conceptions of the pandemic and their further consolidation in the process of the discussions, and, as a result, inadequate behavior. A similar case promotes the increase in special cooperative intentions, aimed to support the interlocutors: to express sympathy, calm down, thank, praise etc. Commentators can unite in their positions: «Поддерживаю. Учитывая количество информации, демонстрирующей бесполезность и бессмысленность «масок», считаю «маски» ничем иным как «символом веры». Таким современным Знаменем «Идиотов всего Мира», наконец, нашедших предлог «объединиться» (“I’m for: Considering the amount of information demonstrating uselessness and senselessness of ‘masks’, I regard ‘masks’ nothing less than a symbol of faith. A kind of modern Banner of “Idiots of the Whole World”, who found at last the pretext to ‘unite’”). Yet, there exists an opinion that in a crisis situation active exchange of information, warnings about risks and dangers, and people’s mutual support may cause the burst of information bubbles and rapid growth in the speed of dissemination of various information, and, as a result, a change in habitual patterns and established representations of reality.

Conclusion

The diversity of sources of COVID-19 messages and types of internet sites, as well as the topicality and multi-aspect of the problem, determine greater variability of intentional characteristics of the unfolding post-event discourse as compared to the discussion of other events. Along with the major directionality on the transmission of views and search for support from the audience of the internet community with similar values and norms, such dialogical intentions as asking for information, clarifying, finding out opinions prevail, which in the pandemic situation probably contributes to the decrease in typical uncertainty and promotes understanding of the current situation. At the same time, negative intentions that are linked with the expression of emotional states, caused by the pandemic, or related to criticism or, in a stronger version, to blaming and discrediting, are also relevant. Positive directionality of communicants, as a rule, refers to the intention to support the interlocutor, show sympathy, calm down, as well as to the expression of gratitude, approval or solidarity with social groups and/ or their representatives, who distinguished themselves in the pandemic situation.

The pandemic reveals peculiar to post-event discourse modification of referential objects, their generalization and substitution, rise in their number as compared to the initial message. Considerable modification of topic-objects during the discussion indicates not only comprehension of what is going on, but also generation of a version of events, which might bring about the distortion of the scale and intensity of the epidemic, causing fears, or vice versa, decreasing threat level. The probability of the propagation of untrustworthy information, which may hamper adequate actions aimed at preventing the spread of the epidemic, accounts for the necessity to study post-event internet discourse in order to deal with scientific and practical problems related to COVID-19.

© **Natalya D. Pavlova, Tina A. Kubrak, Olga M. Kochkina, 2021**

References

Atlani-Duault, L., Mercier, A., Rousseau, C., Guyot, P., Moatti, J.P. (2014). Blood libel rebooted: traditional scapegoats, online media, and the H1N1 epidemic // *Culture Medicine and Psychiatry*. 39(1). P. 43–61. doi: 10.1007/s11013-014-9410-y

Bastos, M.T., Mercea D., Charpentier, A. (2015). Tents, tweets, and events: The interplay between ongoing protests and social media // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 65(2). P. 320–350. doi: 10.1111/jcom.12145

Benamar, L., Balague, C., Ghassany, M. (2017). The Identification and Influence of Social Roles in a Social Media Product Community // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 22(6). P. 337–362. doi:10.1111/jcc4.12195

Bhat M., Qadri M., Beg N., Kundroo M., Ahanger N., Agarwal B. (2020). Sentiment analysis of social media response on the Covid19 outbreak [Electronic source] // *Brain, Behavior, and Immunity*. URL: <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2020.05.006> (retrieval date: 8.09.2020).

Depoux, A., Martin, S., Karafillakis, E., Preet, R., Wilder-Smith, A., Larson, H. (2020). The pandemic of social media panic travels faster than the COVID-19 outbreak [Electronic source] // *Journal of travel medicine*. URL: <https://doi.org/10.1093/jtm/taaa031> (retrieval date: 18.07.2020).

Do, H.J., Lim, C.G., Kim, Y.J., Choi, H.J. (2016). Analyzing emotions in twitter during a crisis: A case study of the 2015 Middle East respiratory syndrome outbreak in Korea. 2016 International Conference on Big Data and Smart Computing (BigComp), Hong Kong, China. doi: 10.1109/BIGCOMP.2016.7425960

Gradoselskaya, G., Pilgun, M. Kommunikativnye protsessy v setevoi srede: mezhdistsiplinarnyi analiz politicheskii aktivnykh soobshchestv v Feisbuke [Communicative Processes in the Network Environment: the Interdisciplinary Analysis of Politically Active Communities on Facebook]. *Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]*, 2015, no. 26(4). S. 44–58. (In Russian).

Grebenshnikova T.A., Pavlova N.D. Patrioticheskii diskurs v politicheskom Internet-soobshchestve [Patriotic discourse in the political internet community]. *Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]*, 2019, no. 42(4). S. 34–49. (In Russian).

Grebenshnikova, T.A., Zachesova, I.A. Psikhologiya povsednevnogo diskursa: Intentsional'nyi aspekt [The Psychology of Everyday Discourse: The Intentional Aspect]. Moscow: Institute of Psychology Publ., 2014. 208 s. (In Russian).

Ho, C.S., Chee, C.Y., Ho, R.C. (2020). Mental Health Strategies to Combat the Psychological Impact of COVID-19 Beyond Paranoia and Panic. *Annals of the Academy of Medicine, Singapore*. 49 (1). P. 1–3.

Jang, K., Paek, Y.M. (2019). When information from public health officials is untrustworthy: The use of online news, interpersonal networks, and social media during the MERS outbreak in South Korea // *Health Communication*. 34(9). P. 991–998. doi:10.1080/10410236.2018.1449552

Karasik, V.I. O tipah diskursa [On the Types of Discourse]. *Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* [Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2000. S. 5–20. (In Russian).

Kirilina, A.V. Internet-zhanr «kommentarii chitatelya» [The Internet Genre of «Reader Comments»]. *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie»* [Vestnik of Moscow City University. Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2015, no. 17(1). S. 67–76. (In Russian).

Kirillina, A.V. Ponyatie dinamicheskogo ob'ekta v postneklassicheskoj lingvistike [The Concept “Dynamic Object” in Post-non- classical Linguistics]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2014, no. 4 (22). S. 36–47. (In Russian).

Kubrak, T.A. Postsobytiinyi kinodiskurs: ponyatie, funkcionirovanie, analiz sluchaya [Post-Event Cinema Discourse: Concept, Functioning, Case Study]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics], 2019, no. 16(4). S. 600–617. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-4-600-617> (In Russian).

Kuryanovich, A.V. Opyt lingvo-pravovoi kharakteristiki konfliktnoi yazykovoi lichnosti (na primere analiza kommunikativnogo povedeniya trollya v setevoi perepiske) [Experience of linguistic and legal personality characteristics of conflict language personality (on the example of analysis of communicative behavior of troll in the network correspondence)]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin (TSPU Bulletin)], 2018, no. 2(191). S. 127–142. (In Russian).

Pavlova, N.D., Grebenshnikova, T.A. Intent-analiz. Osnovaniya, Procedura, Opyt ispol'zovaniya [Intent-analysis. Basis, Procedure, Experience in using. Moscow: Institute of Psychology Publ., 2017a. 151 s. (In Russian).

Pavlova, N.D., Grebenshnikova, T.A. Intent-analiz postsobytiynogo diskursa v internete [Intent-analysis of post-event discourse in the Internet]. *Psihologicheskie Issledovaniya* [Psychological studies], 2017b, no. 10(52). S. 8. URL: <http://psystudy.ru> (retrieval date: 12.10.2020). (In Russian).

Pavlova, N.D., Grebenshnikova, T.A., Afinogenova, V.A., Zachesova, I.A., Kubrak, T.A. Intencional'noe prostranstvo postsobytiynogo diskursa na razlichnyh internet-ploshhadkah [The intentional space of post-event discourse on various Internet platforms]. *Psihologicheskij Zhurnal* [Psychological journal], 2020, no. 41(3). S. 78–91. (In Russian). doi: 10.31857/S020595920009327-5

Pavlova, N.D., Grebenshnikova, T.A., Voronin, A.N., Zachesova, I.A., Kubrak, T.A. Postsobytiyn diskurs v internete [Post-event discourse in the Internet]. *Psihologiya cheloveka kak sub'ekta poznaniya, obshcheniya i deyatelnosti* [Psychology of man as a subject of cognition, communication and activity]. Moscow: Institute of Psychology Publ., 2018. S. 1845-1851. (In Russian).

Sands, S., Campbell, C., Ferraro, C., Mavrommatis, A. (2019). Seeing light in the dark: Investigating the dark side of social media and user response strategies // *European Management Journal*. 38(1). P. 45–53. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2019.10.001>

Santana, A.D. (2014). Virtuous or vitriolic: The effect of anonymity on civility in online newspaper reader comment boards // *Journalism Practice*. 8(1). P. 18–33.

Song, J., Song, T. M., Seo, D. C., Jin, D.L., Kim, J.S. (2017). Social big data analysis of information spread and perceived infection risk during the 2015 Middle East respiratory syndrome outbreak in South Korea // *Cyberpsychology, Behavior, & Social Networking*. 20(1). P. 22–29. doi:10.1089/cyber.2016.0126

Stroud, N.J., Scacco, M.J., Muddyman, A., Curry, A.L. (2015). Changing deliberative norms on news organizations' Facebook sites // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 20(2). P. 188–203. doi: 10.1111/jcc4.12104

Sutherland, K.E. (2016). Using propinquity loops to blend social media and offline spaces: a case study of the ALS Ice-Bucket Challenge // *Media International Australia*. 160(1). P. 78–88. doi: 10.1177/1329878x1665113

Theocharis, Y., Vitoratou, S., Sajuria, J. (2017). Civil Society in Times of Crisis: Understanding Collective Action Dynamics in Digitally/Enabled Volunteer Networks // *Journal of Computer/Mediated Communication*. 22. P. 248–265. doi:10.1111/jcc4.12194.

Ushakova, T.N., Pavlova, N.D., Alekseev, K.I., Latynov, V.V., Tseptsov V.V. Slovo v deistvii. Intent-analiz politicheskogo diskursa [The Word in Action. Intent Analysis of Political Discourse]. SPb.: Aleteiya Publ., 2000. 320 s. (In Russian).

Article history:

Received: 24.12.2020

Accepted: 15.03.2021

Bionotes:

Natalya D. Pavlova – Doctor Sc. of Psychology, Head of the Laboratory of Psychology of Speech and Psycholinguistics, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences

Contact information:

13 Yaroslavskaya ul., Moscow, Russia, 129164

e-mail: pavlova_natalya@mail.ru

Tina A. Kubrak – Ph.D. in Psychology, Researcher of the Laboratory of Psychology of Speech and Psycholinguistics, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences

Contact information:

13 Yaroslavskaya ul., Moscow, Russia, 129164

e-mail: kubrak.tina@gmail.com

Olga M. Kochkina – PhD in Psychology, Associate Professor, Deputy Head of Directorate of Language training and the Bologna process, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Contact information:

76 Vernadskogo Pr., Moscow, Russia, 119454
e-mail: olkochkina@yandex.ru

For citation:

Natalya D. Pavlova, Tina A. Kubrak, Olga M. Kochkina Post-Event Internet Discourse and Its Peculiarities in the Context of COVID-19 Pandemic // Journal of Psycholinguistics №1(47) 2021, P. 62–75. (In Russian). DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-62-75

УДК 159'99

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-62-75

Научная статья

**ПОСТСОБЫТИЙНЫЙ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС И ЕГО СПЕЦИФИКА
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19**

Павлова Наталия Дмитриевна, Кубрак Тина Анатольевна

Институт психологии РАН, Москва, Россия

Кочкина Ольга Михайловна

МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена постсобытийному интернет-дискурсу, играющему важнейшую роль в осмыслении опыта и формировании образа реальности в сознании. Цель работы состояла в выявлении специфики постсобытийного интернет-дискурса в условиях пандемии COVID-19, оказавшей беспрецедентное за последние десятилетия влияние на все аспекты жизнедеятельности человека и общества. Реализовывался ранее апробированный подход с описанием основных референциальных объектов дискурса и их качественных изменений в ходе обсуждения, а также характеристикой интенционального содержания и структуры дискурса.

Разнообразие источников сообщений и типов интернет-площадок определило вариативность интенциональных характеристик постсобытийного дискурса в условиях пандемии. На первый план, наряду с ведущей направленностью на трансляцию мнения и поиска поддержки аудитории, выходят диалогические интенции - запросить информацию, уточнить, узнать мнение и др. Значительную роль играют негативные интенции, связанные с выражением эмоциональных состояний и критикой обсуждаемых объектов. В то же время обнаруживается позитивная направленность коммуникантов, проявляющаяся в стремлении поддержать собеседника или выразить благодарность тем, кто проявил себя в условиях пандемии. Выявляется значительная модификация референциальных объектов в процессе обсуждения, их обобщение и замена, увеличение числа по сравнению с исходным сообщением.

Ключевые слова: интернет-дискурс, постсобытийный дискурс, пандемия COVID-19, интен-анализ, речевые интенции, референциальные объекты дискурса

© Павлова Н.Д. Кубрак Т.А., Кочкина О.М., 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 24.12.2020

Дата принятия к печати: 15.03.2021

Сведения об авторе:

Павлова Наталия Дмитриевна – доктор психол. наук, заведующая лабораторией психологии речи и психолингвистики, Институт психологии РАН

Контактная информация:

129164, Москва, Россия, Ярославская ул., д. 13

e-mail: pavlova_natalya@mail.ru

Кубрак Тина Анатольевна – кандидат психол. наук, научный сотрудник, лаборатория психологии речи и психолингвистики, Институт психологии РАН

Контактная информация:

129164, Москва, Россия, Ярославская ул., д. 13

e-mail: kubrak.tina@gmail.com

Кочкина Ольга Михайловна – кандидат психол. наук, доцент, заместитель начальника Управления языковой подготовки и Болонского процесса, МГИМО, МИД РФ

Контактная информация:

119454, Москва, Россия, Вернадского пр., д.76

e-mail: olkochkina@yandex.ru

Для цитирования:

Pavlova N.D., Kubrak T.A., Kochkina O.M. Post-Event Internet Discourse and Its Peculiarities in the Context of COVID-19 Pandemic // Вопросы психолингвистики №1(47) 2021, С.62–75. DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-62-75

УДК 81'27

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-76-97

Научная статья

КУЛЬТУРА В ИРОНИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Селезнева Елена Владимировна
ВШГУ РАНХИГС, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей отражения культуры как сложного многопланового явления в обыденном сознании и осмысления содержания концепта «культура» в текстах анекдотов и пародийных афоризмов как комических жанров современного городского фольклора. Материалом для исследования послужили тексты анекдотов и пародийных афоризмов, включающие слово *культура* и / или его производные; а в качестве основного метода использовался контент-анализ в сочетании с контекстуально-семантическим, стилистическим, сравнительным и интерпретативным анализом. В результате было показано, что на уровне лексики в анализируемых текстах отражается структура культуры как материального, социального, духовного и психологического явления, и, в первую очередь, такие ее компоненты, как субъекты культуры и психологические механизмы реализации культурной активности. В то же время в текстах воспроизводятся все основные значения слова культура, но в наибольшей степени такие, как *то или иное состояние общественной, хозяйственной, умственной жизни в какую-нибудь эпоху, укакого-нибудь народа, класса, культурность и совокупность человеческих достижений в подчинении природы, в технике, образовании, общественном строе*. В то же время характерное для комического фольклора смешение стилей уже на этом уровне позволяет подчеркнуть существенные признаки культуры: ценностность, нормативность, субъективность, изменчивость. Анализ распределения тематики анекдотов и пародийных афоризмов, а затем анализ содержания текстов внутри каждой из выделенных тематических групп позволил выявить наиболее значимые с точки зрения иронического обыденного сознания противоречия, связанные с теми или иными аспектами культуры.

Ключевые слова: культура, концепт, имя концепта, текст, современный городской фольклор, комическое, ирония, анекдоты, пародийные афоризмы

Актуальность исследования и постановка проблемы

Деятельность человека, его поведение, взаимодействия с другими людьми – все это опосредовано системой существующих в его сознании ментальных образований (представлений, понятий, когнитивных схем, фреймов, сценариев, гештальтов) как разных способов и форм восприятия и осмысления явлений и предметов окружающего мира, а также событий внутренней (психологической) и внешней (социальной) жизни.

Эти образования, в науке объединяемые общей категорией «концепт» [Воркачев 2003], обеспечивают формирование индивидуального и группового опыта, а их содержание в совокупности составляет подвижную картину мира, в которой с той или иной мерой

полноты и объективности отражается реальная или мыслимая действительность и которая определяет вектор и интенсивность человеческой активности.

Будучи принадлежностью сознания человека и выступая как единицы познавательной деятельности [Стернин 2016: 49], концепты получают языковое воплощение, и для субъекта познания возникает возможность осмыслить выраженный в языке концепт, чтобы затем включить его в свою картину мира и превратить в одну из опорных точек при построении своего жизненного пути.

Предметом особенно глубокого и разностороннего осмысления становятся так называемые базовые концепты, содержание которых отражает наиболее значимые для человека и социума, определяющие характер индивидуальной и социальной жизни явления.

Базовые концепты, зафиксированные в абстрактных категориях, или предельных понятиях [Нечаева 2009], в наибольшей степени выражают особенности не только мышления людей, принадлежащих одному времени, пространству, образу жизни, но и сформированных у них систем ценностей, которые зачастую противоречат друг другу. В результате характерными для базовых концептов становятся многомерность и смысловая напряженность, и приблизиться к наиболее полному пониманию любого из них оказывается возможным, только исследуя эти измерения с разных точек зрения и разными инструментами.

Одним из базовых концептов, анализ которых имеет неизменную актуальность, является концепт «культура».

Культура играет специфическую роль в жизни человека и социума, выступая одновременно как пространство, в котором единственным гарантировано выживание человечества как вида [Масионис 2004: 103–104], и как система надбиологических программ деятельности, поведения и общения, выполняющих регулятивную функцию и обеспечивающих процессы социального управления [Режабек 2008; Селезнева 2019], и как способ жизни отдельного человека и / или социальной группы на определенной территории в определенное историческое и социальное время. Погруженный в культуру, подчиняющийся культуре, действующий в культуре, человек «впускает» ее в свой ментальный мир в виде концептов [Степанов 2004: 43], которые, в свою очередь, становятся инструментом для человека как субъекта культуры, обеспечивающего ее развитие.

Сущностные признаки культуры в целом как материального, социального, духовного и психологического явления, отграничивающие представление о данном явлении от других, достаточно четко фиксируются на уровне обыденного сознания и естественного языка. При этом, с одной стороны, на уровне языка за словами *культура*, *culture*, *Kultur*, *la culture* и пр., которые вербализуют концепт «культура», т.е. выступают в качестве его имени, закреплены практически одинаковые базовые значения [см., например: Ожегов, Шведова 1999; Хокинг 2008]. С другой стороны, содержание и структура концепта «культура» оказываются обусловлены особенностями национального, и в первую очередь, языкового сознания [см., например: Кысылбайкова 2018], а также спецификой исторического времени и характером актуальной социокультурной ситуации [см., например: Князев 2020; Руденко 2017].

В результате возникает возможность через исследование общезыковых значений [см., например: Легостаева 2019] или ассоциативных полей [см., например:

Кысылбаикова 2018] слова культура выявить особенности содержания собственно концепта «культура».

Однако анализ на уровне отдельного слова как имени концепта позволяет исследователям делать выводы преимущественно о значениях этого слова, которые являются общими для сознания и языка той или иной социальной группы в определенное историческое время и в определенной социокультурной ситуации и составляют ядро концепта. Чтобы от анализа значений слова перейти к анализу его смыслов (и соответственно, выйти за рамки ядра концепта на его периферию, которая «...формируется совокупностью окказиональных ассоциаций» [Слышкин 2004: 18]), необходимо исследовать особенности существования этого слова в определенном контексте.

Именно поэтому значительно большие возможности для осмысления концепта «культура», как и любого другого концепта, возникают на уровне текста как «большого слова» [Лотман 1996: 177].

При этом цели анализа содержания концепта «культура» в тексте оказываются обусловлены областью деятельности, в которой создается этот текст (философской, научной, религиозной, художественной, быденной и т.п.). Средства и характер осмысления «задаются» стилем и жанром текста, а проявленные текстом аспекты содержания концепта дополняют и обогащают формирующуюся внутри определенной области активности картину мира (философскую, научную, религиозную, художественную, быденную и т.п.).

Особую роль в осмыслении концепта «культура» (как, впрочем, и любых других базовых концептов) играют комические жанры современного городского фольклора, т.е. анекдоты и пародийные афоризмы.

Существуя как анонимные, анекдоты и пародийные афоризмы являются специфическим средством выражения коллективной критической рефлексии относительно предметов, явлений, событий, отношений, наиболее значимых в то или иное время для тех или иных социальных групп (от семьи до страны и человечества в целом) и человека как члена этих групп.

Критическая рефлексия как форма осмысления действительности, нацеленная на выявление возникающих в ходе общественной практики противоречий и недостатков, обеспечивающая их преодоление и предохраняющая от ошибок и заблуждений, в текстах анекдотов и пародийных афоризмов проявляется в иронической форме.

Ирония здесь выступает как универсальный принцип мировоззрения, в соответствии с которым достоверность любого явления или события относительна, совпадение реального и идеального невозможно, а значит, открыть смысл и истину в любой реальности можно только двигаясь «сквозь выявляемую противоречивость понятий» [Можейко 2003: 438] и используя игру знаками и значениями как средство обнаружения этих противоречий, так как через созданные в подобной игре ситуации отчетливо проступает бессмысленность и противоречивость реального мира [Фархитдинова 2004: 20]. Реакцией на замеченные несообразности, несоответствия, неожиданности (либо, наоборот, на непредсказуемые соответствия и оправдавшиеся ожидания) становится смех как инструмент, обеспечивающий осознание некачественности или несерьезности замыслов или поступков, несоразмерности действий или слов [Колпикова 2007: 3], и тем самым помогающий уточнять и расширять картину мира.

Опора на ироническое мировоззрение и использование иронической формы критической рефлексии в гносеологическом аспекте позволяет «перевернуть» и даже «вывернуть наизнанку» представление об осмысляемых явлениях действительности и обнаруженных при этом противоречиях, тем самым показывая скрытые, альтернативные, измерения явлений, проясняя сущность противоречий и находя неожиданные средства их преодоления. Одновременно в социально-психологическом аспекте происходит снижение уровня индивидуальной и социальной тревожности и агрессии, так как «...подлинная ирония ... выполняет компенсаторную функцию психологических механизмов защиты» [Фархитдинова 2004: 20].

Активное использование иронической формы критической рефлексии относительно базовых концептов, в которых так или иначе отражаются культурные ценности и нормы как регуляторы индивидуальной и социальной активности (и собственно концепта «культура»), в социально-психологическом плане обусловлено также тем, что люди как представители социума осознанно или бессознательно стремятся снизить ценностно-нормативное давление на себя и свою деятельность и «... хотя бы на время и в шутку, освободить себя от моральных обязательств...» [Воркачев 2017: 255]. На уровне текста подобное освобождение проявляется в том, что «высокие» понятия выворачиваются наизнанку, открывая прячущиеся за пафосом и ригоризмом нестыковки и нелепости, что позволяет снимать «... психологическое напряжение, возникающее при расхождении норм идеала с нормами обыденной жизни» [Там же].

Анекдоты и пародийные афоризмы дают слушателю (читателю) возможность преодолеть инерцию сознания, увидеть скрытые в текстах смыслы и вместе с тем снизить психологическое напряжение в силу особенностей жанра, поскольку:

- в них нет открытого дидактизма [Слышкин 2004: 29], т.е. ценности и оценки не навязываются, у слушателя (читателя) не возникает естественное сопротивление;
- те или иные ценности включаются в смеховые тексты неявно [Там же], слушатель (читатель) оказывается перед необходимостью самостоятельно осмысливать рассказанное (написанное), а затем делать собственные выводы, стимулируя тем самым независимость своего мышления;
- с психологической точки зрения анекдоты и пародийные афоризмы строятся на конфликте реальностей, а с языковой – на игре слов, что обеспечивается использованием взаимосвязанных механизмов пуанты и остранения¹. Это освобождает сознание слушателя (читателя) от стереотипов восприятия и активизирует его подсознание, стимулирует память и делает более подвижным мышление, обостряет языковую чувствительность и расширяет его ассоциативное поле, и он становится способен видеть странности в окружающей действительности и находить закономерности и связи в кажущемся хаосе, в итоге приходя к новому пониманию осмысляемых в тексте явлений.

---

¹ Механизм пуанты – мгновенное переключение в финале текста эмоционально-психологических регистров и «обнажение смыслов, слушателем (читателем) прежде совсем не подразумевавшихся, но входивших в авторскую установку» [Курганов 2015: 42], за счет совмещения несовместимого [Карасик 2018: 902]. Механизм остранения – преодоление косности восприятия и его обновление «с помощью неожиданного, неотягощенного культурным контекстом взгляда на реалии бытия и искусства» [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001: 704].

В целом в области изучения особенностей осмысления культуры в комических жанрах современного городского фольклора в настоящее время можно выделить две основные исследовательские проблемы. Первая связана с необходимостью определить, сохраняется ли в текстах анекдотов и пародийных афоризмов структура общеязыковых значений слова *культура*. Вторая проблема требует ответа на вопрос о том, какие аспекты культуры как явления и, соответственно, аспекты содержания концепта «культура» в основном переосмысливаются на ироническом плане обыденного сознания.

В своем исследовании мы исходили из предположения о том, что тексты анекдотов и пародийных афоризмов, включающие слово *культура* и / или его производные, воссоздавая на уровне лексики все основные значения этого слова, на уровне своей целостности, реализуя принципы иронического мировоззрения, генерируют альтернативные смыслы концепта «культура», которые являются отражением практики реальных, а не идеальных отношений между человеком и культурой и критической рефлексии этих отношений со стороны обыденного сознания.

Материал и методы исследования

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы раскрыть особенности осмысления культуры в таком жанре современного городского фольклора, как анекдоты и пародийные афоризмы.

В соответствии с целью исследования необходимо было решить следующие задачи:

- проанализировать содержание и структуру лексики культуры в текстах анекдотов и пародийных афоризмов;
- выявить смыслы концепта «культура», возникающие в текстах анекдотов и пародийных афоризмов.

Для анализа из личного собрания анекдотов и пародийных афоризмов (более 5000 текстов), источниками для которого начиная с 2005 г. служили вкладки «Анекдоты» сайта газеты «Комсомольская правда» [<https://www.kp.ru/daily/anekdoto/>], «Свежие анекдоты – основной выпуск», «Лучшие года», «Лучшие 1995-2020» сайта «Анекдоты из России» [<https://www.anekdoto.ru/>], а также сайты «Мир анекдотов» [<https://www.anekdotovmir.ru/>], «АнекдотовСтрит» [<https://anekdotovstreet.com/>], были отобраны тексты, включающие слово *культура* и / или его производные (*культурный, культурно, окультурить* и т.п.). Кроме того, было проанализировано содержание книги «500 редкостно культурных анекдотов» [Атасов 2005].

Первичный отбор показал, что слова с корнем *культур-* используются в текстах анекдотов и пародийных афоризмов редко: даже в книге «500 редкостно культурных анекдотов», содержание которой составили анекдоты «про культуру и искусство», фиксируется только 29 случаев использования слов с этим корнем.

Из первично отобранных текстов были исключены те, в которых существительное *культура* использовалась как часть какого-либо названия (станции метро «Парк культуры», учебных предметов «Физкультура» и «Основы православной культуры» и т.п.), кроме названий «Министерство культуры» и «Телеканал Культура». В то же время в выборку были включены однотипные по конструкции тексты, которые составляли часть одной из тематических серий анекдотов и в структуре которых прилагательное *культурный* заменялось синонимами *интеллигент, вежливый, воспитанный*, а также варианты текстов, воспроизводящие один и тот же сюжет, но различающиеся «способом рассказывания». В итоге в выборку вошли 100 текстов.

Чтобы установить базовые общеязыковые значения слова *культура*, мы проанализировали определения этого слова, которые даны в наиболее авторитетных толковых словарях русского языка, и установили, что определения слова *культура* в разных словарях не имеют принципиальных различий. В качестве сравнительного материала мы использовали определения из «Толкового словаря Ушакова онлайн» [Толковый... http], в соответствии с которым на общеязыковом уровне фиксируются следующие основные значения слова *культура*:

- совокупность человеческих достижений в подчинении природы, в технике, образовании, общественном строе (далее в тексте – «совокупность человеческих достижений»);
- то или иное состояние общественной, хозяйственной, умственной жизни в какую-нибудь эпоху, у какого-нибудь народа, класса (далее в тексте – «состояние жизни социума»);
- то же, что культурность, т.е. та или иная степень культуры, уровень развития (далее в тексте – «культурность»);
- разведение, возделывание, обработка, а также разводимые, культивируемые растения (далее в тексте – «возделывание»);
- лабораторное выращивание бактерий, а также полученная таким путем колония бактерий (далее в тексте – «лабораторное выращивание»);
- усовершенствование, высокоеразвитие(далее в тексте – «усовершенствование»).

В качестве основных методов в рамках исследования использовались:

- контент-анализ, который позволил определить общий объем и структуру лексики культуры в анализируемых текстах;
- контекстуально-семантический анализ, который показал роль контекста в реализации значений и смыслов на уровне слов / словосочетаний и синтаксических конструкций, т.е. взаимосвязь между общим смыслом текста и семантикой его составляющих;
- стилистический анализ, который помог установить, как жанровые особенности текстов анекдотов и пародийных афоризмов на уровне отбора языковых средств и их организации способствуют выражению присутствующих в обыденном сознании взглядов на культуру;
- сравнительный анализ, который позволил, во-первых, установить, какие значения в основном приписываются слову *культура* в современном городском фольклоре, и, во-вторых, построить типологию анализируемых анекдотов и пародийных афоризмов;
- интерпретативный анализ, который дал возможность реконструировать социально-психологический контекст формирования в обыденном сознании представлений о культуре и выявить особенности ее иронического осмысления в текстах анекдотов и пародийных афоризмов.

Обсуждение результатов

Анализируемая выборка текстов включает 2196 значимых слов, объем лексики, связанной с понятием культуры в ней составляет 1072 слова, т.е. 48,82% от общего числа значимых слов (для сравнения, объем лексики, связанной с понятием природы – 0,46% от общего числа значимых слов).

Структура лексики культуры в комическом фольклоре была выявлена с помощью контент-анализа (табл. 1).

Таблица №1

Структура лексики культуры в комическом фольклоре

Лексика культуры	Примеры лексических единиц	Встречаемость в текстах	
		Абсолютная частота встречаемости (кол-во лексических единиц)	Индекс встречаемости
Базовые компоненты культуры			
Общие характеристики культуры	Культура, культурный – некультурный, окультурить Надстройка, искусственная, потребности Интеллигент, вежливый, воспитанный Ценности, ценнейшие, хорошо, плохо Мнения, сомнения, суждения и т.п.	150	0,1399
Субъекты культуры	Люди, народ, человек, личность Работник Археологи, авторы, боксеры, композиторы, режиссер, исследовательница, экскурсоводы, певица, скрипач, солист, смотритель, ведущий Лейтенант, прапорщик, рядовой, солдаты Грузчики Главный режиссер, заведующий, секретарь ЦК, генеральный менеджер, министр культуры Министерство культуры Леонардо да Винчи, Пикассо, Верди, Моцарт, Карузо, Пушкин, Достоевский, Лев Толстой, Станиславский, Хачатурян, Сергей Михалков Ростропович, Рихтер, Земфира, Winesmoke, Джулия Робертс, Тимати, Сергей Шнуров Познер Фурцева, Мединский Женщины, мужчины, бабушки Русские, французы, арабы, евреи, египтяне, индейцы, поляки Иванова, Сидоров, Кузьмич, Машка, Марфа, Ольга, Виннету Ковальский, гр. Запудейко и т.п.	213	0,1987
Динамические аспекты культуры	Жизнь, времена, дни, завтра, сегодня, вчера, 1930-е гг., 225-летие Новый, современный, нужный момент, сейчас, немедленно, моментально, неактуальный и т.п.	56	0,0522

<p>Психологические механизмы реализации культурной активности</p>	<p>Слышать, смотреть, видели, замечает, вспомнить Думает, проанализировать, докажите, замысел, выбор, план Исследовали, гипотеза, обнаружили Учить, знание, просвещать Делать, достигать Играть, изобразил, исполняла, написал, рисовать, откопают, спел Паял, чинить Уволила Воевали, обстреляли, угнали, взорвались Поклонялись Язык, разговаривать, вопрос, спрашивают, пишет Чувствуете, эмоциональная, боюсь, не люблю и т.п.</p>	<p>203</p>	<p>0,1894</p>
<p><i>Аспекты культуры, закрепленные в ее основных значениях</i></p>			
<p>Культура как совокупность человеческих достижений</p>	<p>Искусство, литература, архитектура, музыка, танец, спорт Памятники, экспонаты, экскурсия Здравоохранение, наука, образование, Библиотека, издательство, музей, театр Выставка, концерт, балет, постановка, пьеса, спектакль, фильмы Классика, соло Оркестр, симфонические, скрипочка, соната, флейта, Рисунок, палитра, фотография Самсон, лев, голубь мира Электричество, самолет, автобус, вагоны с углем телевизор, телефон провода топор и т.п.</p>	<p>141</p>	<p>0,1315</p>
<p>Культура как состояние жизни социума</p>	<p>Разница, разнообразные, местный Развитие, упадок Страна, СССР, Россия, Германия, США, Чехословакия Якутия Город, Москва, Ленинград, Питер, Париж, Лейпциг, Берлин, Ухрюпинск Отечественные, российский, русский, постсоветская, заграничные Товарищ, истеблишмент, средний класс Политика, экономика, война, преступление Пандемия, коронавирус Классовая борьба, революция, марксизм, социализм, партия</p>	<p>155</p>	<p>0,1446</p>

	<p>Совещание, заседание, заслушивание, премия Массовые гуляния Завод, колхозы Дом, зальцбургский архив, клуб железнодорожников, книжные магазины, рюмочные, прачечная, горводоканал канал Культура Крыльцо, лавочка, антресоли Общественный транспорт Мобильник, бутылка доместоса, унитаз, удочки, стремянка, кресло Лейбл Тузик, грелка армянское радио и т.п.</p>		
<p>Культура как культурность</p>	<p>Поведение, врожденная, высокая, низкая, уровень, выросла, высоты, настоящая, дефицит, дышать на ладан, одичали, грубая, темная Алкоголь, спирт, напитки, самогон, водка, коньяк, вино, шампанское, употребление, выпили, напился, сухой закон Вандализм Избили, набили ковыряться в носу, плюнуть, мусорят, урны Освистать Наглость Прочитировать, произносят, эпитеты Ненормативная лексика, нецензурно, матерится, матчасть, выражается, непотребные Возмутилась, возражает, раздосадован Добрый день, добрый вечер, извините Облачайте, артефакты, весталки, взвинчен, галлюцинирует, доминантный, поп-идол, извечный, мизантропы, непотопляемый, человечие, рецессия, хэдлайнер, раздрающий Дамы, милочка, горюшко, Хлебать, померли, маманя, поперся, плюгавенький Ваше, чё, допереть Глючит К черту Глупая, дура, истеричка, корова Идиот, морда, пасть, говнюк, раздолбай, пи*добол Базар, голимый, забить стрелку, лохи, кореш Бревно, буратино Груши околачивает, ёшкин кот, тупая тыква Ж*па, задница, засунь Нах*й, х**ня, пох*й, хреначечная и т.п.</p>	<p>147</p>	<p>0,1371</p>

Культура как возделывание	Одомашнили, животных, растения	3	0,0028
Культура как лабораторное выращивание	Бактерии, выращиваемые	2	0,0019
Культура как усовершенствование	Бездарная, бездарь	2	0,0019
ИТОГО		1072	1,0

Из таблицы видно, что в анализируемых текстах на уровне лексики, с одной стороны, отражается структура культуры как материального, социального, духовного и психологического явления (58,02% от общего объема лексики культуры), а с другой, – воспроизводятся основные значения слова *культура* (41,98%).

Наиболее значимыми для иронического обыденного сознания компонентами культуры являются ее субъекты, т.е. люди как источники целенаправленной активности и носители познания и преобразования (19,87%), а также психологические механизмы реализации культурной активности, т.е. внутренние и внешние состояния, процессы и действия человека или социальной группы, обеспечивающие реализацию тех или иных целей в пространстве культуры (18,94%).

Важно отметить, что в качестве субъектов культуры в комическом фольклоре могут выступать не только некие отдельные группы «деятелей культуры» или выдающиеся представители этих групп, но и любой человек независимо от его пола, возраста, профессии, должности или социального статуса. На уровне лексики это подчеркивается тем, что для обозначения субъектов культуры чаще всего используются нарицательные существительные в обобщенном или собирательном значении (*люди, человек, мужчины, женщины, авторы, композитор, лейтенант, грузчики, русские, французы* и т.п.) или такие собственные имена, которые, являясь характерными для той или иной культуры (в ее языковом аспекте), используются для описания типичных представителей этой культуры (*Иванова, Сидоров, Кузьмич* и т.п.). Такой же вывод можно сделать, если проанализировать имена собственные, обозначающие реальных людей, ставших героями комического фольклора: их персонажами могут становиться и Леонардо да Винчи с Пушкиным, и Тимати с Сергеем Шнуровым.

В анализируемых текстах также максимально полно воспроизводится вся совокупность психологических механизмов реализации культурной активности. На уровне лексики это выражается в использовании глаголов и отглагольных существительных, которые обозначают, с одной стороны, внутренние, психологические состояния и процессы, обеспечивающие познание и изменение мира и себя в мире, а также внутренние и внешние психологические действия, позволяющие закреплять результаты познания и использовать их для преобразования мира и себя в мире (*чувствовать, смотреть, вспомнить, разговаривать, писать, проанализировать, знание, исследование* и т.п.), а, с другой стороны, – внешние, предметные действия, выступающие как инструменты достижения тех или иных целей (*делать, играть, чинить, воевать* и т.п.).

Одновременно в комическом фольклоре на уровне лексики преимущественно и практически равновесно воспроизводятся такие основные значения слова *культура*, как состояние жизни социума (14,46%), «культурность» (13,71%) и совокупность

человеческих достижений (13,15%). Однако, в соответствии с жанром, эти значения реализуются не в своей эталонной, словарной форме, а иронически переосмысляются, что, в частности, выражается в использовании лексики, характерной практически для всех стилей речи: начиная с эмоционально нейтральных официально-деловой и научной (*искусство, развитие, поведение, совещание, общественный транспорт, пандемия, средний класс* и т.п.) и заканчивая эмоционально насыщенными высокой литературной (*облачать, извечный, раздирающий* и т.п.) и, одновременно, сниженной жаргонной и обценной (*морда, галимый, лох, идиот, к черту, дура* и т.п.). Такое смешение стилей (которое начинается на уровне лексики и продолжается на уровне целостных текстов) позволяет раскрыть реальные – сложные и противоречивые – отношения между человеком и культурой.

Лексика, воспроизводящая остальные три значения слова *культура*, встречается в комическом фольклоре крайне редко, и главное, – только в рамках словесных игр [Карасик 2018; Селезнева 2017], которые используются в современном комическом фольклоре как инструменты иронии, позволяющие выйти за рамки привычных значений тех или иных концептов, разрушить в сознании устойчивые, упорядоченные отношения между понятиями, «вывернуть наизнанку» картину мира, и обнаружить скрытые до того смыслы («*Люди одомашнили животных, окультурили растения, а сами в итоге одичали*» или «*Ухрюпинский “Горводоканал” грозит подать в суд на гр. Запунейко, который по преступной неосмотрительности вылил в унитаз целую бутылку “Доместоса”, чем уничтожил ценнейшие культуры редких бактерий, выращиваемых “Горводоканалом” более 70 лет*»).

Чтобы установить, как переосмысливается культура на ироническом плане обыденного сознания, мы проанализировали целостные тексты анекдотов и пародийных афоризмов.

Уже на уровне анализа распределения тематики анекдотов и пародийных афоризмов становится понятно, что их «коллективного автора» интересуют не только и не столько те или иные аспекты культуры, закрепленные в ее основных, общепринятых значениях. Его внимание сосредоточено на неидеальных, неэстетичных, парадоксальных аспектах культуры, которые порождают значения окказиональные, обусловленные контекстом и индивидуальным восприятием (табл. 2).

Таблица №2

Распределение тем в анализируемой выборке анекдотов и пародийных афоризмов

Темы	Количество текстов, объединенных темой	Примеры
Общие представления о культуре	7	Культура – это то, что помогает человеку ковыряться в носу не так, как бы ему хотелось
Культура и язык, в том числе		
Лексика культурного человека	5	– Ольга, вы же культурный человек! Зачем эти «мобильник», «глючит»? – Да, конечно, простите. Мой мобильный телефон галлюцинирует.

Ненормативная лексика и культура	7	Не каждый голымый лох может допереть своей тупой тыквой, что такое настоящая культура речи!
Конфликты субъективных языковых картин мира	6	– Знаменитыми левшами были Леонардо да Винчи, Моцарт и Лев Толстой. – Ну и что, сейчас почти вся современная культура – левая.
Серия «Культурный человек никогда не скажет...»	20	Культурный человек никогда не скажет: «Не ври». Он скажет: «Позвольте мне в данной ситуации процитировать Станиславского»
Итого	38	
<i>Культура и министерство культуры, в том числе</i>		
Конгруэнтность культуры и министерства культуры	6	Какая культура, такой и министр
Деятельность министерства культуры vs ее результаты	5	В условиях пандемии коронавируса Министерство здравоохранения рекомендует россиянам ходить исключительно на отечественные фильмы, рекомендованные Министерством культуры, т.к. это позволит избежать массового скопления людей
Министерство культуры vs деятели культуры	7	В рай поступают люди. Вот идёт знаменитый певец Карузо. Его спрашивают: – Вы кто? – Я – певец Карузо. – А как Вы нам докажете? – Как докажу? А вот сейчас спою арию герцога из «Риголетто». Спел, и его пропустили. Второй человек идёт. – Вы кто? – Я – художник Пикассо. – А как Вы можете доказать? – Дайте мне листок бумаги, и я нарисую... Дальше идёт плюгавенький мужичок, но вид у него очень важный. – А вы кто? – Министр культуры. – А как Вы можете доказать? Вот перед Вами Карузо и Пикассо доказали. – А это кто? – Проходите.
Серия «Министерство культуры vs прачечная»	4	Телефонный звонок. – Добрый день, мы искренне рады вас слышать! Чем можем быть полезны? – Здравствуйте, это Министерство культуры? – Нет. К сожалению, вы ошиблись. Это прачечная.
Итого	22	

<i>Культура как состояние жизни социума, в том числе</i>		
Особенности культуры разных социальных групп	6	Когда через тысячу лет археологи откопают наш культурный слой, то будет выдвинута гипотеза, что мы поклонялись яблокам
Культура vs экономика и политика	7	Каких бы высот мы могли достигнуть в науке, образовании и культуре, если бы не высокие цены на нефть...
Серия «Новости культуры»	5	Новости культуры. Тема «О погоде» исключена из списка рекомендованных тем для светской беседы в связи с дефицитом цензурных эпитетов
Итого	18	
<i>Культура как культурность, в том числе</i>		
Низкая культура vs высокая культура	7	Низкая культура в отличие от высокой позволяет человеку оставаться самим собою, даже когда он напился
Культурные люди и их поведение	8	Не люблю я большие города — кругом театры, памятники архитектуры, клумбы с цветами... Культурному человеку плюнуть некуда
Итого	15	
ВСЕГО	100	

Из таблицы видно, что с точки зрения тематики в анализируемой выборке текстов явно воспроизводятся такие основные значения слова *культура* как «состояние жизни социума» (18 текстов) и «культурность» (15 текстов).

Однако в большинстве текстов такие значения слова *культура*, как «совокупность человеческих достижений», «состояние жизни социума» и «культурность» оказываются тесно переплетены (например, «*В передаче о криминальной жизни ведущий говорит: “В Москве два скрипача избили двух боксеров. Что же это: упадок российского спорта или подъем отечественной культуры?”*»).

И даже в тех случаях, когда получается «привязать» текст к определенному значению слова *культура*, он оказывается на уровне плана выражения «вывернут» так, что на уровне плана содержания проявляется свойственная культуре как явлению неразрывность дуальных оппозиций добра и зла, полезного и вредного, правды и лжи, своих и чужих и т.д. [Ахиезер 1998: 61]. В комическом фольклоре отражается напряженность между этими полюсами, которая сигнализирует о существовании опасного «...для субъекта расчленения смысла, культурного опыта» и «необходимости дальнейшего познания» для устранения дуальности [Ахиезер 1998: 62] (например, «*Культура – это такая искусственная надстройка, в которой даже естественные потребности могут объявляться непотребными и наоборот*»).

Более того, как и поэтические тексты, тексты анекдотов и пародийных афоризмов, представляя собой тропы, как бы образуют «...семиотическое пространство с большим числом измерений» [Лотман 1992: 177], что позволяет слушателю (читателю) не концентрироваться на отдельных парах антиномических / антагонистических противоречий, присущих культуре, а замечать множество образующих ее единую

систему разнородных и разноуровневых отношений. Это, в свою очередь, побуждает его задуматься о том, что бесспорные, казалось бы, убеждения и верования в действительности случайны или относительноны [Гужа 2015: 115], что помогает увидеть зачастую неявные и неоднозначные смыслы культуры как сверхсложного явления.

Эту «многосмысленность» хорошо демонстрируют результаты анализа текстов, объединенных темой взаимосвязи культуры и языка.

Как известно, функциями языка как основного символического средства культурной регуляции человеческой активности [Селезнева 2019] являются психологическое обеспечение, манифестация, стимуляция и демонстрация правильного социального поведения [Флиер 2013: 60]. С идеальной, ценностно-нормативной точки зрения такое – правильное – поведение в языковом аспекте должно проявляться в том, чтобы в любых, даже самых напряженных ситуациях общения, использовать исключительно литературную речь и строго придерживаться правил речевого этикета². Предполагается, что такое языковое поведение, являясь демонстрацией и манифестацией высокого уровня культуры, обеспечивает комфортную атмосферу общения и стимулирует его участников к достижению максимально полного взаимопонимания.

В иронической реальности комического фольклора взаимосвязь культуры и языка сложна и противоречива:

– с одной стороны, в этой реальности высокий уровень культуры проявляется в высокой речи («*Как вам лекция о культуре языка?*» – *«Весьма взвинчен и раздосадован. Теперь поди прочь»*»), и «языки», на которых разговаривают люди, объединяют или разделяют их («*Приветики, кореш! Сколько зим, с универа не виделась, ешкин кот! А че, надо как-нибудь стрелку забить, оттянуться. Ты ваще ща где живёшь-то?*» – *«Кажется, по другую сторону культурной пропасти»*»);

– с другой стороны, частью культуры, и при этом весьма действенной, является ненормативная лексика («*Современная культура помогает учить матчасть – ненормативную лексику русского языка*»), а эмоциональные реакции на напряженные ситуации оказываются сильнее культурных и языковых норм («*На скользком крыльце количество культурных людей резко сокращается*»);

– с третьей стороны, невозможность полностью избавиться от ненормативной лексики и желание освободиться от возникающего при каждом случае ее употребления чувства вины приводят к формированию новых культурных норм («*Культурный человек никогда не выражается матом не вовремя*»).

Чаще всего в комическом фольклоре иронически осмысливается отличающее культурного человека умение использовать высокую лексику и книжные стили речи для социально приемлемого выражения отрицательных эмоций и негативных оценок.

Тексты, образующие постоянно дополняющуюся и обновляющуюся серию «*Культурный человек никогда не скажет...*», показывают, что владеющий умением выражаться высоким стилем человек получает возможность:

– легко сбрасывать возникающее в той или иной сложной ситуации эмоциональное напряжение и быстро восстанавливать высокую самооценку («*Культурный человек*

---

² Следует отметить, что в данном случае культурные, т.е. моральные нормы противоречат не только психофизиологическим закономерностям, которые определяют особенности активности человека в условиях неопределенности, но и закономерностям языка, в соответствии с которыми особенности ситуации определяют выбор языковых средств (стиля общения).

никогда не скажет: “Я раздолбай и нищий бездарь”. Он скажет: “Я творческая личность!”»);

– избегать демонстрации нетерпимости по отношению к любым видам социальной инаковости (гендерной, расовой, интеллектуальной и т.п.), отказываясь от дискриминации на уровне языка («Культурный человек никогда не скажет: “Истеричка”. Он скажет: “Женщина с богатой и насыщенной эмоциональной палитрой”»);

– культурно (вежливо, воспитанно, интеллигентно) обходить норму, запрещающую грубость, наглость и резкость в общении, и безнаказанно оскорблять собеседника и демонстрировать свое интеллектуальное превосходство над ним («Настоящий питерский интеллигент никогда не скажет: “Ты – говнюк”. Он скажет: “Непотопляемый Вы человечиче”»).

В пространстве текста того или иного анекдота эти варианты смыслов существуют вместе и на равных правах, а иронические противоречия внутри каждого из них и между ними бесконечно отзеркаливаются и умножаются, разрушая уверенность слушателя (читателя) в стабильности его картины мира. Поэтому и смех как реакция на осознание и признание присутствия этих противоречий и в собственной картине мира, и в собственном поведении может выражать отрицание на интеллектуальном и неприятие на эмоциональном уровне и, одновременно, утверждение на интеллектуальном и радость на эмоциональном уровне [Балина 2005; Колпикова 2007], т.е. сам становится ироническим.

Подобную «многозначность» можно увидеть и в других тематических группах текстов. Кроме того, можно выделить связанные с теми или иными аспектами культуры проблемы, которые имеют наибольшую значимость с точки зрения обыденного сознания в его ироническом плане.

Так, в текстах, объединенных темой роли министерства культуры в культурных процессах, иронически переосмысливаются противоречия между:

– стремлением государства регулировать и контролировать все культурные процессы и невозможностью управлять культурой бюрократическими методами («После беспорядков в Якутии министерство культуры постановило: следующий концерт Земфиры проведет без зрителей»);

– официальной позицией министра культуры как высшего субъекта в иерархии управления всей системой культуры и реальным низким уровнем его личной культуры («Меня не пугает министр культуры, меня пугает культура министра»);

– высоким нормативным статусом министерства культуры и реальной низкой культурой его представителей («“Алло! Это прачечная?” – “Хреначечная!!!... Министерство культуры!”»).

В текстах, объединенных темой культуры как состояния жизни социума, мишенями иронического переосмысления становятся:

– негативное влияние экономической и политической конъюнктуры на культурные процессы («Каких бы высот мы могли достигнуть в науке, образовании и культуре, если бы не высокие цены на нефть...»);

– роль социально-психологических факторов в формировании культуры социума и особенностях ее проявления («Наиболее ярко культура народа проявляется на массовых гуляниях и в общественном транспорте»).

Наконец, в текстах, объединенных темой культуры как культурности, фиксируются проблемы соотношения уровня культуры социума и личности («*Скажите, а есть ли в вашем городе высокая культура, искусство, тонкое творчество?*» – «*О чем базар? Мы же не лохи!*»)), а также нормативно заданной необходимости демонстрировать культурное поведение и «наивных» невежества и наглости («*Спасибо*». – «*Да не за что*». – «*Понятно, что не за что, но я ж культурный!*»)). При этом главное противоречие, которое становится объектом внимания комического фольклора, – это противоречие между кажущейся и реальной культурой («*Вести себя следует так, как будто вы культурный человек!*»)).

Выводы

Предположение о том, что на лексическом уровне в анализируемых текстах воспроизводятся все основные значения слова культура, в целом подтвердилось. Вместе с тем уже на уровне лексики можно увидеть, что в своем понимании культуры комический фольклор выходит за рамки ее общеязыковых значений, особенно подчеркивая такие признаки этого явления, как искусственность (надприродность), ценность, оценочность (нормативность), субъективность, изменчивость (динамизм) и, в соответствии с жанром, акцентируя внимание на негативных или низких проявлениях культуры.

Однако большинство текстов, в силу присущей анекдотам и пародийным афоризмам высокой информативности и особой семантической сложности [Селезнева 2017], не может быть однозначно соотнесено с конкретным значением слова *культура*, зафиксированным в словарях. Эти тексты скорее свидетельствуют о том, что в обыденном сознании культура отражается как неоднородная, многообразная и многоплановая суперсистема, компоненты которой находятся в очень сложных, подвижных и допускающих различное понимание взаимосвязях. При этом на ироническом плане обыденного сознания, отражающемся в комическом фольклоре, в наибольшей степени улавливается и неоднозначно оценивается взаимообусловленность и взаимодействие культуры как совокупности человеческих достижений, состояния жизни социума и культурности.

Описывая привычное поведение людей в типичных жизненных ситуациях, анекдоты и пародийные афоризмы способны разрушать представление о культуре как о чем-то исключительно «высоком» и обнажать скрытые от поверхностного восприятия ее «низкие» стороны, показывая неразрывность этих сторон, а также проявлять действие механизмов культурной регуляции индивидуальной и социальной активности.

Свойственная современному комическому фольклору парадоксальная многозначность позволяет проявлять в текстах изменчивость жизненных обстоятельств и относительность культурных ценностей и норм, обнажая присущие отношениям человека и культуры глубинные противоречия между культурными ценностями и культурными нормами; культурными ценностями и нормами разных социальных групп или разных людей; реальными и декларируемыми социальными и личностными ценностями и нормами; а также между индивидуальным и социальным, практическим и непрактичным, разумным и неразумным, кажущимся и действительным, наличным и желаемым, объективным и субъективным, спонтанным и детерминированным, устойчивым и изменчивым в деятельности и поведении человека как субъекта культуры.

Не предлагая решения воспринимаемых как абсурд проблем и не поучая [Тулпе 2002], анекдоты и пародийные афоризмы позволяют сформировать иронический взгляд на эти проблемы и в целом выработать ироническое отношение к иррациональности культуры и сложностям существования человека в культуре.

©Селезнева Е.В., 2021

Литература

- АнекдотыСтрит. URL: <https://anekdotovstreet.com/>.
- Анекдоты из России. URL: <https://www.anekdot.ru/>.
- Анекдоты. Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/anekdot/>.
- Атасов С. 500 редкостно культурных анекдотов. М.: Эксмо, 2005. 127 с.
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. I: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 804 с.
- Балина Л.Ф. Феномен смеха в культуре: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тюмень, 2005. 23 с.
- Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003. С. 5–12.
- Воркачев С.Г. Мир наизнанку: карнавализация лингвокультурного концепта в афористике // Жанры речи. 2017. № 2(16). С. 254–259. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-254-259.
- Гужа Е.А. Ирония в концепции неопрагматизма Ричарда Рорти // Вестник Московского университета. Серия. 7. Философия. 2015. № 2. С. 111–120.
- Каган М.С. Анекдот как феномен культуры. Вступительный доклад // Анекдот как феномен культуры. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 5–16. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kagan-ms/anekdot-kak-fenomen-kultury-vstupitelnyy-doklad> (дата обращения 10.11.2020).
- Карасик В.И. Алгоритмы построения комических текстов // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 895–918. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918.
- Князев И.В. Темпоральные различия в семантике слова КУЛЬТУРА в русском языке // Семантико-когнитивные исследования. Сборник статей. Вып. 11. Воронеж: ООО «Издательство Ритм», 2020. С. 127–132.
- Колтикова О.П. Философско-культурное пространство смеха: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2007. 24 с.
- Курганов Е.Я. Анекдот как жанр русской словесности. М.: ArsisBooks, 2015. 264 с.
- Кысылбаикова М.И. Концептуализация культуры в языковом национальном сознании: на материале якутского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Майкоп, 2018. 21 с.
- Легостаева И.В. Генезис лексемы «культура»: ретроспективно-педагогический аспект // Современный ученый. 2019. № 1. С. 106–110.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. ИНИОН РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
- Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб.: «Искусство – СПб», 1996. 848 с.

Лотман Ю.М. Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х томах. Т. 1. Таллинн: «Александра», 1992. С. 129–247.

Масионис Дж. Социология. 9-е изд. СПб.: Питер, 2004. 752 с.

Мир анекдотов. URL: <https://www.anekdotovmir.ru/>.

Можейко М.А. Ирония // Новейший философский словарь / Сост. и гл. н. ред. А.А. Грицанов. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003. С. 438–439.

Нечаева Е.Ф. Соотношение понятий «концепт» и «предельное понятие культуры» // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 85–88.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. – М., 1999. 944 с.

Режабек Е.Я. Культура как метарегулятив любых форм жизнедеятельности // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. С. 29–39.

Руденко Т.И. Актуализация семантического поля «культура» в языке современных российских СМИ (на материале газеты «Аргументы и факты» № 32 (1813) 5–11 августа 2015 г.) // Филологические науки в России и за рубежом: материалы V Международной научной конференции. Санкт-Петербург: Издательский дом «Свое издательство», 2017. С. 62–64.

Селезнева Е.В. Культура как высший уровень социального управления: возможности и проблемы // Мир психологии. 2019. № 3 (99). С. 122–135.

Селезнева Е.В. Пространство экзистенциальных отношений в зеркале философического фольклора // Мир психологии. 2017. № 4(92). С. 61–76.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2004. 39 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

Стернин И.А. Концепты и лакуны // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2016. Том 16. № 8. С. 49–52.

Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 10.12.2020).

Тульпе И.А. Анекдот как антидот для отравленных жизнью // Анекдот как феномен культуры. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.131–139. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/tulpe-ia/anekdot-kak-antidot-dlya-otravlennyh-zhiznyu> (дата обращения 10.12.2020).

Фархитдинова О.М. Ирония: проблема определения и роль в философском познании: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.

Флиер А.Я. Культура как социальная система // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 3 (35). С. 60–68.

Хокинг Дж., Делакантис Э., Макдональд Ф. Толковый словарь английского языка Oxford English: 40000 слов и выражений современного английского языка. М.: АСТ; Oxford: Астрель, 2008. 556 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22.12.2020

Дата принятия к печати: 12.03.2021

Сведения об авторе:

Селезнева Елена Владимировна – доктор психологических наук, профессор, зав. научно-исследовательским сектором научно-исследовательской лаборатории «Диагностика и оценка руководителей» ВШГУ РАНХИГС

Контактная информация:

119571, Россия, Москва, Проспект Вернадского, д. 84, к. 2

e-mail: selezneva-ev@ranepa.ru

Для цитирования:

Селезнева Е.В. Культура в ироническом осмыслении современного городского фольклора // Вопросы психолингвистики №1(47) 2021, С.76–97. DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-76-97

UDC 81'27

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-76-97

Research article

CULTURE IN THE IRONIC INTERPRETATION OF MODERN URBAN FOLKLORE

Elena V. Selezneva

GSPM RANEPА, Moscow, Russia

Abstract

The article describes peculiarities of culture as a complex multidimensional phenomenon in the everyday consciousness, as well as the reflection of the concept of culture in anecdotes and parody aphorisms, the comic genres of modern urban folklore. The experimental material comprised anecdotes and parodic aphorisms, including the word *culture* and / or its derivatives; and the analytical approach employed combined content-analysis, contextual-semantic, stylistic, comparative, and interpretive analyses. As a result, it has been shown that at the level of vocabulary, the analyzed texts reflect the structure of culture as a material, social, spiritual, and psychological phenomenon, most of all, such components as cultural subjects and psychological mechanisms of the implementation of cultural activity. At the same time, the texts reproduce all the basic meanings of the word *culture*, but to the greatest extent they demonstrate a definite state of social, economic, mental life in some era, among some people, class, culture along with human achievements in taming nature, in technology, education, social order. At the same time, the mixing of styles, characteristic of comic folklore, at this level makes it possible to emphasize the essential features of culture: value, normativity, subjectivity, variability. The analysis of the distribution of the themes for anecdotes and parody aphorisms, and later the analysis of the texts content within each of the selected theme groups made it possible to identify the most significant contradictions in terms of ironic everyday consciousness associated with certain aspects of culture.

Keywords: culture, concept, concept name, text, modern urban folklore, comic, irony, anecdotes, parody aphorisms

References

- AnekdotovStrit* [Anecdotesstreet]. URL: <https://anekdotovstreet.com/>.
- Anekdoty` iz Rossii* [Anecdotes from Russia]. URL: <https://www.anekdot.ru/>.
- Anekdoty`. Komsomol'skaya Pravda* [Anecdotes. Komsomolskaya Pravda]. URL: <https://www.kp.ru/daily/anekdot/>.
- Atasov S.* 500 redkostno kul'turny`x anekdotov [500 rare cultural anecdotes]. M.: E`ksmo, 2005. 127 s.
- Axiezer A.S.* Rossiya: kritika istoricheskogo opy`ta. (Sociokul'turnaya dinamika Rossii). T. I: Ot proshlogo k budushhemu [Russia: criticism of historical experience. (Socio-cultural dynamics of Russia). Vol. I: From the past to the future]. Novosibirsk: Sibirskij xronograf, 1998. 804 s. (In Russian).
- Balina L.F.* Fenomen smexa v kul'ture [The phenomenon of laughter in culture]: Avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Tyumen', 2005. 23 s. (In Russian).
- Farxitdinova O.M.* Ironiya: problema opredeleniya i rol' v filosofskom poznanii [Irony: The problem of Definition and its role in Philosophical cognition]: Avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Ekaterinburg, 2004. 24 s. (In Russian).
- Flier A. Ya.* Kul'tura kak social'naya sistema [Culture as a social system] // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury` i iskusstv [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. 2013. no.3 (35). S. 60–68. (In Russian).
- Guzha E.A.* Ironiya v koncepcii neopragmatizma Richarda Rorti [Irony in Richard Rorty's neopragmatism concept] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 7. Filosofiya [Bulletin of the Moscow University. series. 7. Philosophy]. 2015. no.2. S. 111–120. (In Russian).
- Kagan M.S.* Anekdot kak fenomen kul'tury`. Vstupitel'ny`j doklad [Anecdote as a cultural phenomenon. Introductory report] // Anekdot kak fenomen kul'tury` [Anecdote as a cultural phenomenon]. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2002. S. 5–16. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kagan-ms/anekdot-kak-fenomen-kultury-vstupitelnyy-doklad> (data obrashheniya 10.11.2020). (In Russian).
- Karasik V.I.* Algoritmy` postroeniya komicheskix tekstov [Algorithms of Comic Texts Construction] // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika [Russian Journal of Linguistics]. 2018. 2018 T. 22. no. 4. S. 895–918. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918. (in Russian).
- Knyazev I.V.* Temporal'ny`e razlichiya v semantike slova KUL'TURA v russkom yazy`ke [Temporal differences in the semantics of the word CULTURE in the Russian language] // Semantiko-kognitivny`e issledovaniya [Semantic and cognitive research]. Sbornik statej. Vy`p. 11. Voronezh: OOO «Izdatel'stvo Ritm», 2020. S. 127–132. (In Russian).
- Kolpikova O.P.* Filosofsko-kul'turnoe prostranstvo smexa [Philosophical and cultural space of laughter]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Moskva, 2007. 24 s. (in Russian).
- Kurganov E.Ya.* Anekdot kak zhanr russkoj slovesnosti [Anecdote as a genre of Russian Literature]. M.: ArsisBooks, 2015. 264 s. (In Russian).
- Ky'sy`lbaikova M.I.* Konceptualizaciya kul'tury` v yazy`kovom nacional`nom soznanii: na materiale yakutskogo i anglijskogo yazy`kov [conceptualization of culture in the linguistic national consciousness: on the material of the yakut and english languages]: avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk. Majkop, 2018. 21 s. (In Russian).
- Legostaeva I.V.* Genesis leksemy` «kul'tura»: retrospektivno-pedagogicheskij aspekt [The genesis of the lexeme “culture”: a retrospective-pedagogical aspect] // Sovremenny`j ucheny`j [The Modern Scientist]. 2019. no 1. S. 106–110. (In Russian).

Literaturnaya e`nciklopediya terminov i ponyatij [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts] / Pod red. A.N.Nikolyukina. INION RAN. M.: NPK «Intelvak», 2001. 1600 stb. (In Russian).

Lotman Yu.M. O poe`tax i poe`zii: Analiz poe`ticheskogo teksta [On Poets and Poetry: Analysis of the poetic text]. SPb.: «Iskusstvo – SPB», 1996. 848 s. (In Russian).

Lotman Yu.M. Tekst kak semioticheskaya problema [Text as a semiotic problem] // Lotman Yu.M. Izbranny`e stat`i [Selected Articles]. V 3-x tomax. T. 1. Tallinn: «Aleksandra», 1992. S. 129–247 (In Russian).

Masionis Dzh. Sociologiya [Sociology]. 9-e izd. SPb.: Piter, 2004. 752 s. (in Russian).

Mir anekdotov [World of anecdotes]. URL: <https://www.anekdotovmir.ru/>.

Mozhejko M.A. Ironiya [The Irony] // Novejsnij filosofskij slovar` [The Latest Philosophical Dictionary] / Sost. i gl. n. red. A.A. Griczanov. 3-e izd., ispr. Minsk: Knizhny`j Dom, 2003. S. 438–439. (In Russian).

Nechaeva E.F. Sootnoshenie ponyatij «koncept» i «predel`noe ponyatie kul`tury`» [Correlation of the “concept” and “ultimate concept of culture”] // Al`manax sovremennoj nauki i obrazovaniya [Almanac of Modern Science and Education]. 2009. no. 2 (21): v 3-x ch. Ch. I. C. 85–88. (In Russian).

Ozhegov S.I. i Shvedova N. Yu. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka [Explanatory dictionary of the Russian language]: 80000 slov i frazeologicheskix vy`razhenij / Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazy`ka im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. M., 1999. 944 s. (In Russian).

Rezhbek E.Ya. Kul`tura kak metaregulyativ lyuby`x form zhiznedeyatel`nosti [Culture as a meta-regulatory of all forms of life activity] // Gumanitarny`e i social`ny`e nauki [Humanities and Social Sciences]. 2008. no 2. S. 29–39. (In Russian).

Rudenko T.I. Aktualizaciya semanticheskogo polya «kul`tura» v yazy`ke sovremenny`x rossijskix SMI (na materiale gazety` «Argumenty` i fakty`» № 32 (1813) 5-11 avgusta 2015 g.) [Actualization of the semantic field “culture” in the language of modern Russian media (based on the material of the newspaper “Arguments and Facts” No. 32 (1813) August 5-11, 2015)] // Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom [Philological Sciences in Russia and abroad]: materialy` V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg: Izdatel`skij dom «Svoe izdatel`stvo», 2017. S. 62–64. (In Russian).

Selezneva E.V. Kul`tura kak vy`sshij uroven` social`nogo upravleniya: vozmozhnosti i problemy` [Culture as regulator of life activity of society: opportunities and problems] // Mir psixologii [The World of Psychology]. 2019. no. 3 (99). S. 122–135. (In Russian).

Selezneva E.V. Prostranstvo e`kzistencial`ny`x otnoshenij v zerkale filosoficheskogo fol`klora [The space of existential relations in the mirror of philosophical folklore] // Mir psixologii [The World of Psychology]. 2017. no 4(92). S. 61–76. (In Russian).

*Sly`shkin G.G.* Lingvokul`turny`e koncepty` i metakoncepty` [Linguocultural concepts and metaconcepts]: Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Volgograd, 2004. 39 s. (In Russian).

Stepanov Yu.S. Konstanty`: Slovar` russkoj kul`tury` [Constants: Dictionary of Russian Culture]: Izd. 3-e, ispr. i dop. M.: Akademicheskij proekt, 2004. 992 s. (In Russian).

Sternin I.A. Koncepty` i lakuny` [Concepts and lacunas] // Vestnik Ky`rgy`zsko-rossijskogo slavyanskogo universiteta [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University]. 2016. Tom 16. № 8. S. 49–52. (In Russian).

Tolkovyj slovar` Ushakova onlajn [Ushakov's Explanatory Dictionary Online]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (data obrashheniya 10.12.2020).

Tul'pe I.A. Anekdot kak antidot dlya otravlenny`x zhizn`yu [Anecdote as an antidote for those poisoned by life] // Anekdot kak fenomen kul'tury` [Anecdote as Culture Phenomenon]. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2002. С.131–139. <http://anthropology.ru/ru/text/tulpe-ia/anekdot-kak-antidot-dlya-otravlennyh-zhiznyu> (data obrashheniya 10.12.2020). (In Russian).

Vorkachev S.G. Koncept kak «zontikovy`j termin» [concept as an “umbrella term”] // Yazy`k, soznanie, kommunikaciya [Language, Consciousness, Communication]. Vy`p. 24. M., 2003. S. 5–12. (In Russian).

Vorkachev S.G. Mir naiznanku: karnavalizaciya lingvokul'turnogo koncepta v aforistike [The world inside out: carnivalization of linguocultural concept in aforisms] // Zhanry` rechi [Speech Genres]. 2017.no. 2(16). S. 254–259. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-254-259. (In Russian).

*Xoking Dzh., Delaxanti E., Makdonal`d F.* Tolkovyj slovar` anglijskogo yazy`ka Oxford English [Dictionary of the English Language Oxford English]: 40000 slov i vy`razhenij sovremennogo anglijskogo yazy`ka [40,000 words and expressions of modern English]. M.: AST; Oxford: Astrel`, 2008. 556 s. (In Russian).

© Selezneva E.V., 2021

Article history:

Received: 22.12.2020

Accepted: 12.03.2021

Bionotes:

Elena V. Selezneva – Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Research and Development Sector of the Scientific Laboratory for Diagnostics and Assessment of Managers GSPM RANEPА

Contact information:

84/2 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119571

e-mail: selezneva-ev@ranepa.ru

For citation:

Selezneva E.V. Culture in the Ironic Interpretation of Modern Urban Folklore // Journal of Psycholinguistics №1(47) 2021, P. 76–97. (In Russian). DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-76-97

УДК 81'373

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-98-109

Научная статья

ЛОЖНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ФИКЦИЯ?¹

Стернин Иосиф Абрамович

Центр коммуникативных исследований
Воронежского государственного университета

Аннотация

В статье рассматривается проблема статуса в языковом сознании различных типов значений, выявляющихся при описании семантики слова психолингвистическими методами. Показано, что при лексикографической фиксации психолингвистических значений, выявленных по результатам ассоциативного эксперимента, возникает проблема отражения ассоциативных значений, которые в традиционной системной лингвистике описываются как агнонимические и таронимические. Применительно к психолингвистическим значениям, отражающим актуальное языковое сознание носителей языка, возникает проблема определения статуса значений, которые выявляются в языковом сознании носителей языка и могут быть теоретически классифицированы как ложные, то есть ошибочно понимаемые отдельными носителями языка. Многочисленность таких значений, выявляемых в ходе эксперимента, обуславливает потребность решения вопроса о необходимости их включения в описание семантики слова в языковом сознании и возможности квалификации их как ложных.

В статье показано, что в языковом сознании выявляются контаминированные и рецептивные значения слов, которые не могут рассматриваться как ложные, а являются принадлежностью индивидуального языкового сознания и как таковые должны фиксироваться в словаре с соответствующим пометами.

Приводятся примеры различных видов таких значений.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, семантика слова, психолингвистическое значение, лексикографическая фиксация

Введение

Лексико-семантическая система языка как упорядоченная совокупность языковых единиц, используемых говорящими на том или ином языке, огромна по объему, дифференцирована по номинативным и коммуникативным сферам и не может быть известна в полном объеме ни одному носителю языка. При этом в условиях реальной коммуникации, как письменной, так и устной, любой носитель языка сталкивается с употребляемыми другими носителями языка лексическими единицами, значение

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-012-00013 «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации».

которых ему может быть просто неизвестно, либо он знает значение той или иной языковой единицы весьма приблизительно, либо путает данную единицу с другой, похожей на нее в том или ином аспекте. Кроме того, носитель языка может иметь собственное представление о значении слова или выражения, и употреблять то или иное слово в собственном значении, будучи убежден, что это и есть правильное значение данного слова.

Такие значения выявляются в детской речи, детских сочинениях:

Полковник танцевал мензурку со своей дочерью (из сочинения).

А на груди у него была белая мошонка (из сочинения).

Кабаниха нацупала у Катерины мягкое место и каждый день давила на него (из сочинения).

Как приятно оказаться в объятиях морфия! (из выступления ученика о пользе сна на конкурсе риторики) и т.д.

Подобные значения выявляются, например, при обращении к школьникам объяснить значение того или иного слова:

Прогресс – это неожиданность (из объяснения значения школьниками – ср.: слова учительницы: *Гусев сегодня пришел вовремя, не опоздал – прогресс!*).

Подобное словоупотребление обнаруживается в речи малограмотных людей. Ср.:

«Я проведу с вами эксперимент» – в одном из старых советских фильмов (контаминация с эксперимент);

– *Он гуляет со своим итангенциркулем! – С ризенинауцером?* (сериал «Улицы разбитых фонарей»);

– *У меня одна квартира, я же не Рокфор! – Рокфеллер? – Ну да!* (художественный фильм «По семейным обстоятельствам»);

– *Я ревнивый, как Гамлет! Только не белый, а черный... ну, который после первой не закусывает! – Отелло? – Ну да!* (художественный фильм «По семейным обстоятельствам»).

В «Поднятой целине» М. Шолохова [Шолохов 1985] дед Щукарь употреблял иностранные слова, которым приписал свои собственные значения. Обращаясь к жене, он говорил:

– Понятно тебе, старая *апробация*?

– И до каких пор ты будешь меня разными неподобными словами паскудить? Какая я тебе *астролябия* да *апробация*? Научил тебя Макарка Нагульнов непотребные книжки читать, а ты, дурак, и рад? Я – честная жена и честно прожила с тобой, сопля неубитая, весь свой бабий век, а ты меня под старость не знаешь, как назвать?

– Ну, будет, будет тебе, старая! И вовсе это не ругательные слова, а по-ученому вроде ласковые. Это все едино: что душенька моя, что *астролябия*. По-простому сказать – «милушка ты моя», а по-книжному выходит «*апробация*».

Такова была сила убедительности в голосе Щукаря, что старуха остыла...

... – Подумаешь *адаптер* какой нашелся! Да я с тобой разделаюсь так, что одни *анфилады* от тебя останутся, факт!

... – Ну, хорошо, прибыл я к табуну, гляжу вокруг себя, и глаза не нарадуются! Кругом такой *ажитаж*, что век бы отсюда не уезжал!.. Травка молодая, кобылки пасутся, солнышко пригревает, – одним словом, полный тебе *ажитаж*!

– А что это за слово ты сказал? – поинтересовался Бесхлебнов.

– Ажиотаж-то? Ну, это когда кругом тебя красота. «Жи» означает: живи, радуйся на белый свет, ни печали тебе, ни воздыханий. Это – ученое слово», – с непоколебимой уверенностью ответил Щукарь.

– К примеру, что означает «монополия»? Ясное дело – кабак. «Адаптер» – означает: пустяковый человек, вообще сволочь, и больше ничего. «Акварель» – это хорошая девка, так я соображаю, а «бордюр» – вовсе даже наоборот, это не что иное, как гулящая баба, «антресоли» крутить – это и есть самая твоя любовь, Агафон, на которой ты умом малость тронулся, и так далее.

Подобное явление – распространенный прием, используемый юмористами, как например, в свое время – «Бестолковый словарь» 16-ой полосы «Литературной газеты», многие миниатюры М. Зощенко, М. Задорнова, Е. Петросяна и др., основанные на подобном словоупотреблении персонажей.

Представлены такие словоупотребления и в анекдотах:

- Женщина, тише – *увертюра!* – От увертюры слышу!
- Вы когда-нибудь были в *экстазе*? – Нет, я дальше Саратова никогда не ездила.
- Слушай, Вася, ты завтра сможешь на соревнованиях офисных работников побегать от нашей команды? – Думаю, да. – Тогда выбирай: *спринтером* на короткую *дистанцию*, или *стайером* на длинную? – Давай с принтером. А *тайер* – это что?

В традиционной лингвистике данное явление анализируется в терминах *агномимии* и *таронимии*.

Агномимия – незнание носителем языка значения той или иной языковой единицы (от др.-греч. ἄ – не, γνῶσις – знание и ὄνομα, ὄνομα – имя).

Таронимия (от гр. *taratto* ‘путаю, привожу в замешательство’ и *опота*, *опута* ‘имя’) – смешение в речи лексических единиц вследствие их формальной и/или содержательной смежности [Мандрикова 2011а]. Таронимы – это лексические и фразеологические единицы, которые устойчиво смешиваются при производстве и/или восприятии речи вследствие их формальной, семантической или тематической смежности [Морковкин, Морковкина 1997, с. 144–145].

По мнению Г.М. Мандриковой, таронимия проявляется в ошибочной взаимозаменяемости единиц, неудачном выборе языковой единицы вследствие формальной, семантической или тематической смежности слов, и таронимические ошибки вполне укладываются в рамки существующих классификаций речевых нарушений, причем данный тип ошибок – наиболее распространенный на лексическом уровне [Мандрикова 2011а].

Есть уже словари агномимов и таронимов [Морковкин, Морковкина; Мандрикова 2011б]. Агномимия и таронимия тесно связаны с проблемами освоения системы языка носителем языка и правильным словоупотреблением в коммуникации. При этом данные исследования опираются на анализ языковой системы, то есть уже зафиксированных в языке слов и выражений и их использование в речи.

Однако экспериментальные исследования в области языкового сознания и опыт лексикографической фиксации выявляемых в ходе экспериментов значений слов в словарях языкового сознания (под которыми мы предлагаем понимать словари, основанные на экспериментальном материале и оперативно отражающие состояние лексико-семантической системы языка в определенный период развития общества [Стернин 2021: 15–22]), ставят перед исследователями новую проблему – проблему

необходимости (или отсутствия необходимости) фиксации агнонимических и таронимических значений в психолингвистических толковых словарях.

В словарях языкового сознания в ходе описания результатов экспериментов и формулирования психолингвистических значений языковых единиц обнаруживаются многочисленные случаи выявления значений, ошибочно понимаемых носителями языка, совершенно субъективных по содержанию, которые воспринимаются исследователями как ложные. Возникает вопрос: нужно ли отражать таким образом понимаемые ложные значения в словаре языкового сознания?

При ближайшем рассмотрении проблема оказывается сложнее, чем она кажется на первый взгляд. С точки зрения языкового сознания ложными объявить такие значения представляется некорректным, поскольку описание *психолингвистического значения слова* (ПЛЗ) предполагает включение в словарную статью соответствующего слова всех значений, которые имеют между собой семантическую связь и относятся к стимулу одной части речи. Если испытуемые на тот или иной стимул дают значения, восходящие к материально сходным лексемам, значит, эти лексеммы в их языковом сознании воспринимаются как одна лексема. Все такие значения должны отражаться в структуре словарной статьи соответствующего слова. В типологии психолингвистических значений они обозначаются нами как контаминированные или рецептивные [Стернин, Рудакова 2020: 102–108].

Как мы уже неоднократно отмечали [Стернин, Рудакова 2011 и др.], в психолингвистическом значении в языковом сознании нет омонимии – она выявляется в сознании филологов, когда они анализируют выделенные значения. Квалификация некоторых значений как значений омонимов – это *объяснительный аспект* филологического описания значений. Испытуемые же считают такие единицы одним словом, в их языковом сознании это одно слово с несколькими значениями.

Каждое описываемое психолингвистическое значение в словаре языкового сознания характеризуется совокупным индексом яркости – СИЯ, который высчитывается как сумма индексов яркости всех семантических компонентов, формирующих значение. Индекс яркости семантического компонента – это доля испытуемых, актуализировавших в эксперименте данный семантический компонент, от общего числа испытуемых.

Психолингвистические значения делятся на три типа.

Реальное значение – значение, отражающее реальный денотат (в случае собственных имен – реально существующее лицо с соответствующими реальными признаками). Реальные значения присутствуют в языковом сознании всего языкового сообщества или определенной, например, профессиональной, группы.

Контаминированное значение – значение, представляющее собой результат контаминации двух материальных оболочек языковых единиц в языковом сознании носителя языка, отражающее объективно существующее материальное сходство лексем в его языковом сознании (звуковое или графическое) и номинирующее «чужой» для слова денотат.

При описании контаминированных значений необходимо установить и зафиксировать реальное слово или словосочетание, с которым контаминирует исследуемая единица.

Контаминированное значение может быть присуще языковому сознанию отдельного человека или группы людей. То есть это индивидуальное или малогрупповое значение, хотя совокупный индекс яркости некоторых контаминированных значений может быть

и довольно высок, например, см. ниже: значение ‘невзрослая лошадь’ слова *жеребец* (контаминация с «жеребенюк») имеет совокупный индекс яркости 0,10, то есть 10% испытуемых актуализировали данное значение в эксперименте.

Рецептивное значение – значение, которое отражает чисто субъективное понимание слова носителем языка. У рецептивного значения чисто субъективный, «фантазийный» денотат и нет реального референта. Это значение, которое отражает чисто индивидуальное понимание слова реципиентом, при том, что у слова нет выраженного материального сходства с каким-либо другим словом или выражением. Чаще всего индекс яркости таких значений минимален [Стернин 2020]. При описании рецептивного значения необходимо сформулировать его содержание.

Приведем примеры из уже опубликованных в рамках разрабатываемого нами проекта словарей языкового сознания²:

Контаминированные значения

АМУРЫ – *тигры* (контаминация – с «амурские тигры»).

ДРАЙВ – *интенсивная мойка* (контаминация – с «драить»).

АПЛОМБ – 1) *пломба для зубов* (контаминация – с «пломба»). Пломба 0,08, устанавливается на зуб 0,01 стоматологом 0,01, чтобы закрыть отверстие 0,01. СИЯ 0,13; 2) *пломба на помещение* (контаминация со словом «опломбировать»). Пломба 0,08, запечатывает 0,02 помещение, например, квартиру 0,01; то же, что печать 0,01. СИЯ 0,10; 3) *проба* (контаминация с «проба»). Проба 0,02. СИЯ 0,02.

КОМПАНИЯ – *общественное движение* (контаминация с «кампания») (Общественное движение) по поддержке 0,01 чего-либо, например, по разоружению 0,01; может провалиться 0,01. СИЯ 0,03.

ПОДОБНЫЙ – 1) *священник* (контаминация с «преподобный»). *То же, что:* менее 0,01– преподобный, священник. СИЯ 0,02; 2) *святой*, угодивший Богу монашеским подвигом (контаминация с «преподобный»). *То же, что:* менее 0,01– преподобный. СИЯ менее 0,01.

---

² См.: <http://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/digest.html>

Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 1. Антропонимы / А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. 134 с.

Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 2. Антропонимы / А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. 127 с.

Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 3. Антропонимы. / А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. Воронеж: издательство «ООО РИТМ», 2018. 107 с.

Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 4. Антропонимы / А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. Воронеж, 2020. 126 с.

Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып.5. Наименования автомобилей / И.А. Стернин, Э.В.Шаламова. Воронеж: издательство «ООО РИТМ», 2019. 34 с.

Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 8/1. Синонимы / И.А.Стернин, А.В. Рудакова, Э.Ю. Соколова-Сторчай. Воронеж: «РИТМ», 2019. 139 с.

Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 9/1. Возрастные значения (с комментариями) / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. 179 с.

Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып.10/1. Гендерные значения. / Научн. ред И.А. Стернин, А.В. Рудакова. Воронеж: издательство «РИТМ», 2019. 175 с. (Соавторы А.В. Рудакова, Е.И. Колесникова).

Возрастной дифференциальный психолингвистический словарь русского языка. / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. Воронеж: Центр коммуникативных исследований ВГУ, 2020. 159 с.

Гендерный дифференциальный психолингвистический словарь русского языка / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. 198 с.

ЖЕРЕБЕЦ – *невзрослая лошадь* (контаминация с «жеребенок»). СИЯ 0,10.

КЛЯЧА – *женщина, которая что-то клячтит, просит* (контаминация с «клянчить»). СИЯ 0,03.

КОНСЕНСУС – 1) *косинус* (контаминация с «косинус») [Косинус]; алгебраическое понятие 0,01. СИЯ 0,01; 2) *соус* (контаминация со словом «консоме»). Соус 0,01 [консоме]. СИЯ 0,01.

НЕРОН – 1) *нервная клетка* (контаминация с «нейрон»). Нервная клетка 0,06. *Менее 0,01*: изучается биологией, маленький, связан с движением, часть искусственной нейронной сети. СИЯ 0,08; 2) *элементарная частица* (контаминация с «нейтрон»). Элементарная частица 0,02. *Менее 0,01*: двигается, изучается химией, маленький, находится в космосе. СИЯ 0,04; 3) *летописец* (контаминация с «Нестор»). *Менее 0,01*: летописец, образованный. СИЯ 0,01.

Рецептивные значения

ГЛАЗ – *мировоззрение. То же, что:* (менее 0,01) мировоззрение. СИЯ менее 0,01.

ПОДОБНЫЙ – *полностью совпадающий, идентичный. То же, что:* равный 0,04, одинаковый 0,02. Менее 0,01: идентичный, клон, близнецы, копия, эквивалентный 1. СИЯ 0,08.

КОРИФЕЙ – *кофе*. Кофе 0,04. СИЯ 0,04.

МОБИЛЬНЫЙ – *общительный человек*. Общительный 0,04 [человек]. СИЯ 0,04.

В психолингвистических словарях антропонимов рецептивных значений выявляется очень много, ср.:

НЕРОН – 1) *учёный*. Учёный 0,04, умный 0,01. *Менее 0,01*: писал работы, физик. СИЯ 0,06; 2) *философ*. Философ 0,04. *Менее 0,01*: вызывает одобрение, жил много лет назад, умный. СИЯ 0,05

ЛЕВИТАН – *философ, врач, машинист, ученый, писатель, изобретатель, модельер, поэт, психолог, артист, летчик;*

ХЕМИНГУЭЙ – *политик, самурай* и др.

Можно ли контаминированные и рецептивные значения полнозначных слов назвать *ложными*? Нам представляется, что нельзя. В данных значениях нет ничего ложного, они отражают реальное языковое сознание носителей языка, в том числе и те его аспекты, которые свидетельствуют о слабом или неадекватном отражении действительности сознанием испытуемых, о недостаточном знании ими литературного языка. Но это реальный факт их языкового сознания.

Ложными какие-либо значения можно назвать только применительно к системе языка – это значения, которых нет в системе языка, они не «одобрены» литературным языком или профессиональными подязыками и поэтому их функционирование в языковой коммуникации рассматривается как ошибка, неправильное словоупотребление. Применительно же к языковому сознанию – это реально существующие значения, факт языкового сознания носителя языка.

Надо ли фиксировать контаминированные и рецептивные значения в словарях языкового сознания, в каком статусе такие значения могут быть отражены в таком словаре?

Контаминированные и рецептивные значения включаются в описание психолингвистического значения исследуемого стимула, на который они были

получены. При этом все значения должны относиться к одной и той же части речи.

Если же испытуемые поняли (восприняли) стимул как стимул другой части речи, то сформулированные значения не войдут в описание психолингвистического значения исследуемого слова, а будут отнесены к психолингвистическому значению другого слова, например, глагол *ВЕСТИ* воспринят испытуемыми как существительное «*ВЕСТИ*»:

1) *Телевизионная программа новостей «ВЕСТИ». Самый первый выпуск программы «Вести» вышел в эфир 13 мая 1991 года в понедельник в 17:00 и шёл 10 минут.* СИЯ – 0,73. 2) *Информация, новости. У меня плохие вести.* СИЯ – 0,04.

Оба значения являются психолингвистическим значением субстантивной лексемы «*ВЕСТИ*», но не описываются в рамках психолингвистического значения глагольного стимула *вести*.

МОЙ – местоимение воспринято испытуемыми как глагол **МЫТЬ**:

Указание *мыть*. *Менее 0,01*: очищать (что-либо от грязи), например, посуду; метаязыковые признаки: относится к глаголу, входит в состав слова «*Мойдодыр*». *Мой руки перед едой!* СИЯ 0,02.

Это значение входит в описание психолингвистического значения глагола **МЫТЬ**.

Сложным вопросом представляется разграничение терминологического (научного) и обыденного значений слов. Можно ли обыденное значение считать ложным, обусловленным незнанием термина?

Приведем пример психолингвистических значений слов **ЛИБЕРАЛ**, **ТОЛЕРАНТНОСТЬ** в современном языковом сознании.

По результатам психолингвистического эксперимента (2020 г., 312 ии, от 18 до 83 лет – учащиеся школ, колледжей, университетов, люди разных профессий)³, методом семантической интерпретации результатов экспериментальных исследований [Стернин, Рудакова 2011] были сформулированы психолингвистические значения слова **ЛИБЕРАЛ** в современном русском языковом сознании с указанием индекса яркости каждого семантического компонента и совокупного индекса яркости каждого значения (индекс яркости отражает долю испытуемых, актуализировавших данный семантический компонент, совокупный индекс яркости – долю испытуемых, актуализировавших данное значение).

Психолингвистические значения слова **ЛИБЕРАЛ**

1. Политический деятель, выступающий за свободу в обществе. СИЯ – 0,40. *В политике либералы всегда выступают за свободу.*

2. Член либеральной партии, депутат. СИЯ – 0,30. *На выборах я буду голосовать за либералов.*

3. Свободный, самостоятельно мыслящий, независимый в мышлении человек. СИЯ – 0,27. *Слово «либерал» пришло из французского и означало «вольнодумец».*

4. Политический деятель, оцениваемый негативно: человек 0,01 (человек 2), политический деятель 0,17 (политический 23, политик 12, политик 15, политическое течение 2, политический деятель 1), депутат 0,01 (депутат 2); оценивается негативно 0,05 (вредный 2, двуличный 2, ни рыба ни мясо, ограниченный, странный, назойливый,

---

³ Эксперимент был проведен под нашим руководством В.С. Трениной [Тренина 2021: 132–136].

льстивый, лживый, вонючий, враг, плохой, отрицательный человек). Отказы: 0,27 (84 из 312 испытуемых). СИЯ – 0,24. *Эти либералы не дают нашей стране спокойно развиваться, всему противоречат*.

Анализ результатов экспериментов показывает, что почти треть испытуемых (27%) не смогли определить значение слова ЛИБЕРАЛ вообще – они отказались выполнить задание. Это подтверждает мысль о том, что значение слова ЛИБЕРАЛ содержательно не освоено значительным числом носителей языка.

Выявленное значение № 4 – *Политический деятель, оцениваемый негативно*, – актуально для 24% опрошенных, а его содержание тоже однозначно свидетельствует о незнании терминологического значения, поскольку в семантике слова в языковом сознании носителей языка преобладают ничем не мотивированные негативные оценочные признаки личности человека – *вредный 2, двуличный 2, ни рыба ни мясо, ограниченный, странный, назойливый, льстивый, лживый, вонючий, враг, плохой, отрицательный человек*. Характерно, что негативная оценка либерала участниками эксперимента не связана с какими-либо реальными, объективными признаками, в их языковом сознании это просто бранное политическое слово.

Можно ли считать четвертое значение – *политик, оцениваемый негативно* – ложным? Предполагаем, что нет. Это просто результат развития семантики слова в обыденном сознании.

Другой пример – лексема ТОЛЕРАНТНОСТЬ.

Психолингвистические значения слова ТОЛЕРАНТНОСТЬ

1. Терпимость. СИЯ – 0,36. *Толерантность – это то же самое, что терпимость*.
  2. Принцип уважения различий в отношении к людям. СИЯ 0,24.
Толерантность – принцип, декларируемый западным обществом.
  3. Качество характера человека, проявляющееся в терпении к поведению других людей. СИЯ – 0,18. *Для него всегда была характерна толерантность к окружающим людям*.
  4. Текущее спокойствие 1 – рецептивное.
  5. Трепетное отношение к чему-либо 1 – рецептивное.
- Отказы – 68.

Значение 1 (*терпимость*) – самое яркое в смысловой структуре слова, при этом оно является обыденным, а не политическим термином: *толерантность* не совпадает с *терпимостью*, у них выявляются существенные дифференциальные семы. Однако обыденное значение – это *реальное* значение, существующее в языковом сознании у 36% испытуемых, и оно никак не может рассматриваться как ложное. Значения 4 и 5 – рецептивные. Ложными они также не являются, они являются индивидуальными для языкового сознания отдельных носителей языка.

Резюме

Таким образом, в языковом сознании носителей языка выявляются реальные, контаминированные и рецептивные значения. Все три типа значений – реальность языкового сознания. Индекс совокупной яркости каждого значения свидетельствует о степени их актуальности для современного языкового сознания. Все три типа значений должны отражаться в словарях языкового сознания.

Контаминированные и рецептивные психолингвистические значения не могут рассматриваться как ложные, они являются принадлежностью индивидуального языкового сознания и как таковые должны фиксироваться в словаре с соответствующим пометами. Обыденные значения в противопоставлении терминологическим также не являются ложными, это реальный факт языкового сознания, результат семантического развития семантики слова.

Понятие ложного значения, таким образом, не может быть применено к описанию языкового сознания. Все типы значений отражают реалии актуального языкового сознания носителей языка.

© Стернин И.А., 2021

Литература

Мандрикова Г.М. Таронимия как лингвистический объект. Новосибирск: Изд-во НТГУ. 2011а. 148 с.

Мандрикова Г.М. Лексикографическая интерпретация таронимов: к проблеме отбора словника // Вестник Томского гос. ун-та. 2011б. № 350. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskaya-interpretatsiya-taronimov-k-probleme-otbora-slovnika> (дата обращения: 24.02.2021). С.17–20.

Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1997. 414 с.

Стернин И.А. Типы семем, выявляющиеся в описании психолингвистических значений // Семантико-когнитивные исследования. Продолжающееся научное издание / Под ред. И.А. Стернина. Вып. 11. Воронеж: издательство «РИТМ», 2020. С.19–25.

Стернин И.А. Словари языкового сознания vs традиционные толковые словари // Сопоставительные исследования 2021. Продолжающееся научное издание. Вып. 18. / Научный ред. М.А. Стернина. Воронеж: «РИТМ», 2021. С.15–22.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Типология значений в психолингвистической лексикографии // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. Вып.7. С.102–108.

Тренина В.С. Психолингвистическое значение слова ЛИБЕРАЛ // Язык и национальное сознание: сборник научных трудов. продолжающееся научное издание. Вып. 27. / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: издательство «ООО РИТМ», 2021. С.132–136.

Шолохов М.А. Поднятая целина. Серия «Библиотека отечественной и зарубежной классики». Изд. Минск: Полымя, 1985. 256 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.02.2021

Дата принятия к печати: 12.03.2021

Сведения об авторе:

Стернин Иосиф Абрамович – доктор филологических наук, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета

Контактная информация:

394018, Россия, Воронеж, пл. Ленина, 10
e-mail: sterninia@mail.ru

Для цитирования:

Стернин И.А. Ложные значения в языковом сознании: реальность или фикция? // Вопросы психолингвистики №1(47) 2021, С. 98–109. DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-98-109

UDC 81'373

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-98-109

Research article

**FALSE MEANINGS IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS:
REALITY OR FICTION?**

Joseph A. Sternin

Center for Communication Research Voronezh State University,
Voronezh, Russia

Abstract

The article deals with the problem of status of various types of meanings that emerge when describing the semantics of a word by psycholinguistic methods in the linguistic consciousness. It is shown that during the lexicographic fixation of psycholinguistic meanings revealed by the results of an associative experiment, there arises a problem of describing the reflections of meanings that in traditional systemic linguistics are referred to as agnonymic and taronymic. With regard to psycholinguistic meanings that reflect the actual linguistic consciousness of native speakers, there emerges the problem to determine the status of meanings revealed in the linguistic consciousness of native speakers that can theoretically be classified as false, that is, mistakenly understood by some native speakers. The large number of such meanings revealed in the experiment requires the answer to the question whether they should be included in the description of a word semantics in linguistic consciousness and qualified as false.

The article shows that contaminated and receptive meanings revealed in the linguistic consciousness cannot be considered false but belong to the individual linguistic consciousness and as such should be tagged in the dictionary with the appropriate marks.

Examples of different kinds of such meanings are supported.

Keywords: associative experiment, word semantics, psycholinguistic meaning, lexicographic fixations

References

Mandrikova G.M. Taronimiya kak lingvisticheskij ob'ekt [Tonymy as a Linguistic Object]. Novosibirsk: Izd-vo NTGU. 2011 a. 150 s. (In Russian).

Mandrikova G.M. Leksikograficheskaya interpretaciya taronimov: k probleme otbora slovnika [Lexicographic interpretation of tonymy: to the problem of vocabulary selection] // Vestnik Tomskogo gos. un-ta [Bulletin of the Tomsk State University]. 2011b. no.350. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskaya-interpretatsiya-taronimov-k-probleme-otbora-slovnika> (data obrashcheniya: 24.02.2021). S.17–20. (In Russian).

Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem) [Russian Agnonyms (words we don't know)]. M.: In-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN. M.: B. i. 1997. 414 s. (In Russian).

Sternin I.A. Tipy semem, vyyavlyayushchiesya v opisanih psiholingvisticheskikh znachenij [Types of sememes revealed in the description of psycholinguistic meanings] // Semantiko-kognitivnye issledovaniya. Prodolzhayushcheesya nauchnoe izdanie [Semantic-cognitive Research. An ongoing scientific publication] / Pod red. I.A.Sternina. Vyp. 11. Voronezh: izdatel'stvo «RITM», 2020. S.19–25. (In Russian).

Sternin I.A. Slovarei yazykovogo soznaniya vs tradicionnye tolkovye slovarei [Dictionaries of linguistic consciousness vs traditional explanatory dictionaries] // Sopostavitel'nye issledovaniya 2021. Prodolzhayushcheesya nauchnoe izdanie. [Comparative Research 2021. An ongoing scientific publication.] Vyp. 18. / Nauchnyj red. M.A.Sternina. Voronezh: «RITM», 2021. S.15–22. (In Russian).

Sternin I.A., Rudakova A.V. Psiholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisanie. Teoreticheskie problemy. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 s. (In Russian).

Sternin I.A., Rudakova A.V. Tipologiya znachenij v psiholingvisticheskoi leksikografii [Typology of meanings in psycholinguistic lexicography] // Psiholingvistika i leksikografiya: sbornik nauchnyh trudov [Psycholinguistics and Lexicography: A collection of scientific works] / Nauch. red. A.V. Rudakova. Voronezh: OOO «Izdatel'stvo RITM», 2020. Vyp. 7. S.102–108. (In Russian).

Trenina V.S. Psiholingvisticheskoe znachenie slova LIBERAL [Psycholinguistic meaning of the word LIBERAL] // Yazyk i nacional'noe soznanie: sbornik nauchnyh trudov. Prodolzhayushcheesya nauchnoe izdanie. [Language and national consciousness: collection of scientific papers. ongoing scientific publication.] Vyp. 27. / Nauch. red. I.A. Sternin. Voronezh: izdatel'stvo «OOO RITM», 2021. S.132–136. (In Russian).

Sholokhov M.A. Podnyataya tselina [Virgin Soil Upturned]. Seriya «Biblioteka otechestvennoj i zarubezhnoj klassiki» [Series "Library of Russian and Foreign Classics"]. Izd. Minsk: Polymya, 1985. 256 s. (In Russian).

© Sternin J.A., 2021

Article history:

Received: 27.02.2021

Accepted: 12.03.2021

Bionotes:

Joseph A. Sternin – Doctor of Philology, Director of the Center for Communication Research Voronezh State University

Contact information:

154-4 Dimitrov st., Voronezh, Russia, 394007

e-mail: sterninia@mail.ru

For citation:

Sternin J.A. False Meanings in Linguistic Consciousness: Reality or Fiction? // Journal of Psycholinguistics №1(47) 2021, P. 98–109. (In Russian). DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-98-109

УДК 81' 373.72

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-110-125

Научная статья

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ ЭРГОНИМОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Харченко Елена Владимировна, Мань Шу

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию восприятия и понимания эргонимов на русском языке носителями русской и китайской лингвокультур. Актуальность обращения к данной проблеме обусловлена увеличением межкультурных контактов, тенденцией к свободному перемещению между странами и формированию в городах поликультурной среды. Современный мегаполис все чаще становится местом проживания представителей разных лингвокультур, поэтому возникает необходимость исследования того, насколько успешно современные эргонимы выполняют свою основную функцию – помогать ориентироваться в пространстве жителям и гостям города. Цель исследования – выявить универсальное и специфическое при восприятии и понимании эргонимов носителями разных лингвокультур. Объектом исследования является восприятие и понимание имени собственного. Предметом – стратегии восприятия и понимания эргонимов. В статье описан опрос русских и китайских студентов, которые должны были по названию организации определить ее сферу деятельности. Эксперимент проходил в два этапа: на первом этапе предъявлялось только слово, на втором – слово и фотография вывески. В результате анализа полученных данных были выявлены основные способы опознавания эргонимов.

Ключевые слова: психолингвистика, восприятие, понимание, эргоним, межкультурная коммуникация, опрос

Введение

Расширение межкультурных контактов в разных сферах поставило перед исследователями вопрос о том, как можно увеличить результативность этих взаимодействий. Проблема исследования процессов восприятия и понимания волновала представителей разных гуманитарных направлений: философов, психологов, филологов. Методологическая база этих наук позволяла по-разному подходить к решению данных вопросов. На наш взгляд, именно психолингвистический подход позволяет максимально полно изучить эти процессы, поскольку в его рамках учеными Московской психолингвистической школы была разработана теория языкового сознания, один из ключевых моментов которой как раз и касается основной проблемы взаимодействия носителей разных культур – это неконгруэнтность их образов сознания.

Проблеме восприятия и понимания уделяли многие ученые в области психологии, лингвистики, психолингвистики (В.А. Артемов, В.А. Балдова, Б.В. Беляев, А.А. Брудный, Т.М. Дридзе, Н.Т. Ерчак, Н.И. Жинкин, А.А. Залевская, И.А. Зимняя,

А.А. Леонтьев, Л.Н. Мурзин, Ю.А. Сорокин, С.В. Устьянцева, А.С. Штерн и др.). Одним из вопросов, до сих пор не имеющих однозначного решения, является соотношение процесса восприятия и процесса понимания. Так, Н.П. Пешкова считает, что в действительности «эти этапы могут происходить одновременно, переплетаясь, и перекрывая друг друга» [Пешкова 2002: 210]. Л.В. Ширинкина пишет о том, что есть два подхода к этому вопросу: психологический и лингвистический. При лингвистическом подходе понимание и восприятие рассматриваются как составляющие единого процесса или как соподчиненные процессы: понимание как результат восприятия, как регулятор восприятия; восприятие как особый вид понимания, понимание как особый вид восприятия [Ширинкина 2004: 8]. В.А. Балдова считает, что «в лингвистике понимание трактуется как проникновение в смысл речевого сообщения через анализ языковых средств выражения. Смыслом же называется результат понимания, выраженный совокупностью языковых средств, составляющих данное высказывание» [Балдова 1999: 26]. Е.В. Левченко и Л.В. Ширинкина в своей статье приводят несколько вариантов соотношения процессов понимания и восприятия:

- понимание как результат восприятия (Н.И. Жинкин);
- понимание как регулятор восприятия (А.А. Брудный);
- восприятие и понимание как составляющие единого процесса (А.А. Залевская);
- восприятие как особый вид понимания (В.П. Белянин);
- восприятие информации как создание образа содержания текста (А.А. Леонтьев)

[Левченко, Ширинкина, 2003: 41].

В нашей работе мы не разделяем эти процессы, поскольку исследуем совокупный результат этих процессов.

Много внимания функционированию слова и его значению уделяется в работах А.А. Залевской, которая при изучении восприятия и понимания слова предложила интегративную спиралевидную модель, показывающую «включение идентифицируемого слова в многоаспектный внутренний (перцептивный, когнитивный, аффективный) контекст во взаимодействии с внешним (вербальным, ситуативным) контекстом» [Залевская 1999: 244]. По мнению А.А. Залевской, одним из важнейших факторов, обеспечивающих инвариантность смысла для автора сообщения и его адресата, является взаимодействие внешнего и внутреннего контекстов [Залевская 2001: 118]. О.В. Высочина в своей диссертации пишет: «Понимание значения слова определяется <...> как степень осмысления и освоения семной структуры системного значения слова носителем языка» [Высочина 2001: 20].

Многие ученые говорят о важности дополнительных знаний, обусловленных опытом как отдельного человека, так и общества, в котором он прошел социализацию. Ученые называют эти структуры носителей смысла по-разному: «смысловые вехи» (А.Н. Соколов), «смысловые опорные пункты» (А.А. Смирнов). А.И. Новиков считал, что они представляют собой «точки контакта речевого потока с внутренней индивидуальной системой знания» [Новиков 1983а: 44]. Е.Ю. Мягкова утверждает, что «для носителя языка слово всегда связано с определенным конкретным опытом и вписывается в многообразные отношения, в которые вступает индивид при его постоянном взаимодействии с внешним и внутренним миром. При этом человек всегда «примеряет» на себя все, с чем ему приходится сталкиваться, поэтому его опыт, скорее всего, структурируется относительно его собственных органов чувств,

а также относительно его ориентации в пространстве и существования во времени» [Мягкова 2000: 152].

Особый интерес для нашего исследования представляет статья, в которой доказывается, что понимание слова зависит от образа сознания, репрезентированного этим словом в речевой цепи. Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев пишут, что «речевые процессы имеют чрезвычайную онтологическую и феноменологическую сложность: они сложны по своей физической структуре и психическим образам, отображенным в них. Онтологическая сложность речевых процессов производства и восприятия речи обусловлена тем, что эти процессы, будучи психологическими, т.е. внутренними по способу своего протекания, имеют внешние звенья, оформленные как производство и восприятие культурных предметов в форме языковых единиц. Речевые процессы в сознании коммуникантов опираются на невербальные знания (знания о мире) и вербальные знания (знания о правилах построения речевой цепи). Таким образом, речевое общение включает в себя, с одной стороны, результаты когнитивных процессов (познание предметов культуры), функционирующих в сознании коммуникантов в виде образов познанных предметов, а с другой стороны, предметы-знаки для обозначения познанных предметов культуры. Эти предметы культуры, функционирующие в процессе общения в форме образов сознания у коммуникантов, обладают разными свойствами, препятствующими построению единой теории значения слова» [Тарасов и др. 2017: 627–628]. Авторы статьи на основе эксперимента показывают существование связи между пониманием слова и образами сознания, оречевляемыми этим словом. Эта мысль очень важна, когда мы говорим о межкультурной коммуникации, которая предполагает то, что у коммуникантов не всегда совпадают образы сознания, что приводит к патологическому характеру (Е.Ф. Тарасов) межкультурного взаимодействия. Схожую мысль высказывает и Н.В. Уфимцева, которая считает, что «явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, и образ мира меняется от одной культуры к другой» [Уфимцева: [http](#)].

И.А. Бубнова также в своих исследованиях пишет, что «индивидуальное значение слова как текст, создаваемый человеком и включающий в себя совокупный общественный и неповторимый индивидуальный опыт, может исследоваться на двух уровнях» [Бубнова 2007: 13]. Это вербальный уровень, который предполагает «изучение содержания значения слова как единицы, принадлежащей индивидуальному языковому сознанию и представляющей собой структуру, сформированную различными формами и уровнями отражения окружающей действительности. Исполняя роль оператора классификации, такое значение проявляется в коммуникации системой смысловых компонентов и может исследоваться через изучение содержания продуктов речевой деятельности (А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов) в рамках оппозиции значение слова в языке – индивидуальное значение слова в языковом сознании». Второй уровень, который в работе назван «смысловой (концептуальный)» расширяет границы изучения значения слова «в рамках оппозиций этническое – индивидуальное, социальное – индивидуальное, язык – речь» [Бубнова 2007: 13].

Таким образом, мы видим, что эффективность восприятия и понимания связана не только с умением выделить знакомое слово и актуализировать его значение, но и с владением языком, культурной информацией, которая существует как система образов сознания, выстроенная на основе индивидуального и социального опыта.

Описание эксперимента и анализ полученных результатов

Опрос проводился среди русских и китайских студентов вузов города Челябинска. В исследовании приняли участие 200 человек в возрасте 19-20 лет (по 100 представителей каждой лингвокультуры), важным требованием было изучение иностранного языка (соответственно русского и китайского). Многие респонденты также имели опыт проживания в другой стране (России и Китае).

Эксперимент был разделен на два этапа: 1) анализ восприятия и понимания эргонимов, напечатанных на белом листе бумаги черными чернилами с сохранением особенностей написания, носителями и неносителями лингвокультуры; 2) анализ восприятия и понимания эргонимов при предъявлении слова и фотографии вывески (креолизированный текст). В качестве задания предлагался один вопрос: как вы думаете, что продают в организации с таким названием?

Проанализировав стратегии нейминга в России и Китае, мы выявили, что многие названия содержат игру слов и культурный компонент (прецедентный феномен, число, обладающее дополнительным значением и под.). Именно поэтому мы выбрали эргонимы, которые могут иметь несколько значений. Были выбраны 10 эргонимов на русском языке: кофейня «Прокофий», магазин «ЁПРСТ», магазин «БУХЕН ХАУС», магазин «Вкусняшка», магазин «МирКурий», магазин «МАНДАРИН», магазин «Му Му», суши-маркет «Пару палок», блинная «О Блин!», магазин «Магазин АДА». На каждый эргоним было получено по 100 ответов как от китайских, так и от русских реципиентов, включая отказы.

Таблица №1

Эргоним «Прокофий»

		Правильные ответы	Другие ответы	Отказы
Русские студенты	1 этап	97	3	0
	2 этап	99	1	0
Китайские студенты	1 этап	64	32	4
	2 этап	88	12	0

Как мы видим, большинство русских студентов правильно поняли назначение организации. Только несколько студентов связали его с фамилией великого русского композитора С.С. Прокофьева: *игра слов, кофейня, где пьют кофе называла в честь¹ композитора Прокофьева/игра слов в названии кофейни//музыкальные инструменты//музыкальный магазин.* Есть и предположение, что в названии «зашифровано» имя одного из владельцев: *кофе, может одного из основателей зовут Прокофий.*

Интересно отметить, что на первом этапе эксперимента респонденты давали, как правило, однословные ответы, не конкретизируя, а на втором этапе (когда

¹ Здесь и далее сохранены авторская орфография и пунктуация – Е.Х.

дополнительно предъявлялась фотография) ответы были более развернутые с предположениями и объяснением своей точки зрения. Эта тенденция прослеживается в ответах на все эргонимы, независимо от того, на каком языке предъявлялось название и носителем какой культуры был респондент.

Ответы китайских студентов также показывают, что большинство из них уже на первом этапе увидели связь с кофе. В ответах на втором этапе можно увидеть, на что опирались респонденты при отгадывании. Это может быть:

– сама вывеска, картинка (装潢好看温馨, 牌匾上画有咖啡装饰 приятный и гостеприимный, с кофе на вывеске, 与咖啡有关 связанные с кофе/咖啡店, 牌匾有卡布奇诺的味道颜色有咖啡加巧克力的感觉 кофейня, налет имеет вкус капучино, по цвету очень похож на кофе и шоколад// 咖啡店, 门口有咖啡, 装修好看 кофейня, кофе у двери, хорошее оформление // 咖啡的图标直接可以显示出这家店营业的大概方向, 名字中带有咖啡有点儿相搭的意思 значок кофе напрямую показывает общее направление деятельности магазина, название имеет значение кофе // 关于咖啡, 因为好看 о кофе, потому что он выглядит красиво);

– попытка найти словообразовательную модель или опору на внутреннюю форму слова (про в...周围, про кофе接近咖啡所以 прокофий. Про значит вокруг, про кофе близко к кофе, так прокофий // про是关于的意思, кофи是咖啡的谐音, 就是关于咖啡 про – это значит в отношении, что касается, кофи – это омоним кофе, так что речь идет о кофе // про+кофий=人名+店 название человека + магазин // кофий = 咖啡根据这个单词推测出是咖啡厅 кофий = кофе, по этому слову, это кофейня). Этому способствует написание слова на вывеске – «ПроКофий».

Таким образом, мы видим, что данный эргоним не вызвал серьезных затруднений у носителей обеих лингвокультур, поскольку многие увидели в его составе слово кофе. Во втором случае практически все ответы правильные, отказов нет, это говорит о том, что визуальный ряд влияет на восприятие и понимание эргонима.

Таблица №2

Эргоним «ЁПРСТ»

		Правильные ответы	Другие ответы	Отказы
Русские студенты	1 этап	3	50	47
	2 этап	33	21	46
Китайские студенты	1 этап	8	58	34
	2 этап	7	35	58

Наиболее сложным для распознавания оказался эргоним «ЁПРСТ». Этот набор букв в русском языке можно отнести к междометиям, неизменяемым словам, употребляется в разговорной речи для выражения эмоции возмущения, досады и негодования. Проверка магазина по городскому справочнику показала, что это магазин молодежной моды, в нём продаётся одежда. Трудно однозначно определить мотивацию владельцев магазина, выбравших такое название, возможно, на первом месте было желание привлечь внимание конкретной возрастной группы – молодежи. Следует сказать, что и вывеска практически не содержит визуальной поддержки для объяснения того, что это за организация. Возможно, поэтому данный эргоним был очень сложным для восприятия и понимания реципиентами обеих лингвокультур.

Среди ответов на стимул «ЁПРСТ» у русских студентов обнаруживается большое разнообразие: *алкоголь, продукты, сладости, всякая всячина, одежда, канцелярия, сувениры, сигареты, оригинальные товары*. Существенная часть носителей языка пишут, что не знают или затрудняются ответить, что продаётся в магазине с таким названием. Некоторые решили, что это связано с продуктами (*продукты (16), сладости, сок, универсальные продукты, овощи*). Часть студентов почувствовала эмоциональность в названии и отнесла его к алкогольным напиткам (*пиво(13), алкоголь (6)*) или увидела связь с праздником, шутками (*товары для праздников, магазин удивительных вещей, магазин приколов, магазин подарков, игры, подарки*).

Интересными представляются попытки респондентов на втором этапе объяснить само название или мотивы того, кто придумал это название: *алфавитный порядок// владелец магазина не владеет русской раскладкой на клавиатуре// вызывающее название для привлечения внимания// замочить клиента необычными названиями// маркетинговый ход// потому что хозяин магазин не знал какое название придумать, у хозяина магазина плохо с фантазией, первое, что пришло в голову*.

Можно выделить попытки филологического анализа: *ЁПРСТ – сокращенное – «блин» – продукты алкоголь// ЁПРСТ – выражение, используемое в речи малолетних детей (несколько лет назад) // название – фраза из разговорного русского языка чтобы быть ближе к народу понятней// название связано с известным русским восклицанием// не видно, что тут продается, но мне кажется, что канцтовары, т.к. «ЁПРСТ» – буквы алфавита// оригинальное название// русские люди часто употребляют это слово, когда у них что-то не получается или они удивлены, распространенное слово, забавное, которое все знают*.

И другие предположения: *так как продают продукцию на каждый день, может быть, еще немного алкоголя// всё, что угодно// магазин приколов// магазин подарков// здесь может продаваться любая белиберда*.

Большая часть китайских студентов отказалась отвечать. Немногие ответы правильно отражали сферу деятельности организации (*服装 одежда (7), 衣服店 магазин одежды*). Остальные ответы были очень разнообразными: *商场 торговый центр (6), 花店 цветочный магазин(5), 西餐厅 ресторан (3), 餐馆 кафе (2), 饮品店 напитки магазин (2), 埃及菜 Египетская кухня (2), 电子产品 электронные товары(2), 机票 билет на самолет (2), 快餐店 бистро (2), 酒 алкоголь (2), 面包 хлеб(2), 圣诞树 елки(2), 食品 продукты (2), 鲜花 цветы, 货铺 мелочная лавка, 饼 пирожок, 饼干 печенье, 果汁 сок, 衬衣店 магазин рубашек, 干洗店 химчистка, 鱼店 магазин рыбы, 运动店 спортивный магазин, 红酒 вино, 化妆品 косметики, 咖啡 кофе, 咖啡馆 кофейня, 卖肉的 продает мясо, 卖食物 продает продукты, 披萨 пицца, 商场 название торгового центра, 食品店 магазин продукты, 手机 телефон, 书 книги, 水果店 магазин фрукты, 玩具店 ·文具 ·货铺 магазин игрушки*.

На втором этапе некоторые китайские студенты попытались объяснить это название или оценить: *这个名字特别 это имя особенное (3)// 吸引顾客 привлекает клиентов (2)// еgypt Египет, поэтому он продает египетскую еду比较有特色 более характерны// 俄语 русский язык (возможно, возникла связь с алфавитом)// 方便 удобно// 很好听 приятное имя// 记忆犹新 свежо в памяти// 简单大方 простая//字体大, 让人更清楚的看见 большой шрифт заставляет людей видеть более четко// 牌匾有异国风情, 彩色的栏杆, 可能是清*

真店 Мемориальная вывеска в экзотическом стиле, цветные перила, могут быть халяльные магазины// 衣服店, 可能是主人的名字 магазин одежды, может быть имя владельца// 因为很温馨 потому что очень уютный// 有趣 интересно.

Остальные написали стандартные ответы: 商店 магазин (3)// 饭店 ресторан (3)// 卖食物的 продает продукты (3)// 包 сумочка// 超市 супермаркет //汉堡 бургер// 花 цветы// 俱乐部 клуб// 快餐 фастфуд// 理发店 парикмахерская// 鱼店 рыбный магазин//小卖部 буфет.

Анализ показал, что при отсутствии явных указаний на вид деятельности организации и опыта взаимодействия респонденты используют разные стратегии, например, обращение к социальному опыту, использование известных стратегий (衣服店, 可能是主人的名字 магазин одежды, может быть имя владельца). В одном ответе сослались на фотографию:窗口隐约感觉挂了一串衣服, 推测是裁缝店, 卖布料之类的 взгляд в окно выглядит как повешение одежды, предположительно портной, продажа одежды и тому подобное.

Таблица №3

Эргоним «Бухен Хаус»

		Правильные ответы	Другие ответы	Отказы
Русские студенты	1 этап	95	4	1
	2 этап	98	2	0
Китайские студенты	1 этап	30	34	36
	2 этап	32	29	39

Русские реципиенты в большинстве случаев связывают эргоним «Бухен Хаус» с продажей алкоголя как на первом этапе, так и на втором. Единичные ответы на слово-стимул «Бухен Хаус» соотносят название с ассортиментом закусок для алкоголя (закуски к пиву (6),мясо, немецкие колбасы) или с продажей книг (книги (2)), так как слово «бухен» по написанию и звучанию схоже с немецким словом «Das Buch», что в переводе означает «книга».

На втором этапе очень многие объяснили, почему они выбрали свой вариант, при этом важно то, что часто идет обращение к знанию жаргонных слов и производных от них: от русского жаргонизма «бухать» – пить алкоголь// продают алкогольные напитки от слова «бухло»// бухен – бухать, много пить (именно алкоголь)// бухать–выпивать–пиво–алкоголь (3) и под. Часто идет обращение к Германии и немецкому языку: пиво из Германии// похоже на немецкий язык// продают пиво, пиво родом из Германии, поэтому название как бы на немецком// стилизация под немецкое слово, плохое слово/пиво в Германии вкусное, поэтому выбрали такое название.

Реакции китайских студентов на эргоним «Бухен Хаус» показывают, что большинство из них ещё не знакомы с игрой слов, основанной на использовании заимствованных для русского языка слов и сниженной разговорной лексикой. На первом этапе есть правильные ответы и близкие к ним: 啤酒 пиво (11), 酒吧 бар (8) и др. Все остальные ответы никак не обосновываются. На втором этапе количество правильных ответов увеличилось. Это объясняется изображением на вывеске: 啤酒, 有啤酒杯好喝, 有很多类型的啤酒 пиво, расписанное пивными кружками, вкусное, есть много видов пива (13)// 不认识, 但是感觉是卖酒水的, 因为海报上是啤酒 я не знаю, но мне

хочется продавать вино, потому что пиво на плакате// 门口有杯大大的啤酒，吸引了我的目光，推测卖世界好喝的啤酒国外居多 у двери была фотография большого пива, которое привлекло мое внимание. Я думаю, что хорошее пиво// 贴近商店内容 картина похожа на то, что продает магазин. Лингвистическое обоснование содержится в ответах: 来自单词 бухать от слова бухать (3)// 来自英语 от слова английского (3). Использование знаний о стратегиях нейминга и того, что изображено на фотографии: 老板的名字是 Бухен (владельца зовут Бухен) (2).

Таблица №4

Эргоним «Вкусняшка»

		Правильные ответы	Другие ответы	Отказы
Русские студенты	1 этап	97	3	0
	2 этап	95	5	0
Китайские студенты	1 этап	23	76	1
	2 этап	47	53	0

К правильным ответам в данном случае мы отнесли все, которые были связаны со сладостями и десертами, поскольку именно так принято в русской лингвокультуре: *вкусные сладости (51)// кондитерские изделия (11)// конфеты (6)и под.*

Ответы китайских студентов показывают, что большинство из них хорошо понимают ассортимент предлагаемых товаров (*好吃的 вкусный (3)// 美食 вкусные блюда*), однако к «вкусняшкам» относят не только сладости: *炸薯条 картофель фри// 猪排 свиной стейк// 牛排 бифитек// 肉 мясо// 汤 суп// 小吃 закуски// 炸鸡 жареная курица// 菜 овощи// 茶 чай// 牛奶 молоко// 汉堡 гамбургер// 快餐 фастфуд.*

Таблица №5

Эргоним «МирКурий»

		Правильные ответы	Другие ответы	Отказы
Русские студенты	1 этап	98	2	0
	2 этап	100	0	0
Китайские студенты	1 этап	57	33	10
	2 этап	93	7	0

Следующий эргоним – это название специализированного продуктового магазина «МирКурий». Как и в предыдущих случаях в названии магазина прослеживается игра слов. Два слова *мир+курий*, называют специфический ассортимент магазина, а именно: продукты из куриного мяса и куры разных видов и сортов. Соединенные в одно слово слова *мир* и *курий* могут вызвать ассоциации с названием планеты Меркурий, которая в древнеримской мифологии обозначает бога торговли. Обратим внимание, что на вывеске буква *К* в середине слова пишется как прописная, и корень *-кур-* выделен красным цветом.

Ответы русских студентов на первом этапе показали связь с куриной продукцией в 98 случаях из 100 опросных листов. Один ответ показывает связь с астрономией и планетой Меркурий. На втором этапе эксперимента связь с астрономией отсутствует,

все респонденты после просмотра фотографии вывески магазина дали реакции на стимул «МирКУРий», связанные со словом *курица*. Было много объяснений названия: *кур = мир+кур = курица = игра слов (13)// от слова «курица»(10)// «КУР» – это курица, в этом магазине продается мясо кур (2)* и под.

Китайские студенты также поняли игру слов и правильно определили продукцию этого магазина. Слово *курица* находится в активном словарном запасе иностранных студентов, поэтому распознавание прошло достаточно легко: *鸡产品/鸡肉/鸡肉制品 куриные продукты (46)// 炸鸡 жареная курица (8)// 吃鸡的餐厅 куриный ресторан. На первом этапе также были два ответа, связанные с меркурием: 星球 планета (2).*

На втором этапе многие выделили в составе корень *-кур-* (хотя предъявлялись черно-белые фотографии, видно, что часть слова другого цвета): *鸡肉店 (кур=курица, магазин куриц) (37)// кур 鸡的意思 (кур=курица) (2)//有 «курица» 词而且画一只鸡, 让人知道这个店与鸡肉有关 (кур=курица · нарисуйте курицу, пусть люди знают, что этот магазин связан с курицей)// Повлияло изображение на ответ: 牌子上有个鸡, 感觉鸡类大全, 鸡世界, 世界鸡, 好吃又安全. на вывеске есть изображение курицы, указывающее на то, что цыплята готовы, куриный мир, мир курицы, вкусный и безопасный//画着鸡卖鸡的 нарисовал курицу, поэтому продал курицу.*

Таблица №6

Эргоним «МандАРИн»

		Правильные ответы	Другие ответы	Отказы
Русские студенты	1 этап	70	30	0
	2 этап	92	8	0
Китайские студенты	1 этап	12	79	9
	2 этап	8	50	42

Русские студенты, как носители русского языка, уже на первом этапе показали понимание ассортимента товаров и услуг: *подарки (43)// магазин подарков (9)// сувениры (7)// сувенирный магазин (2)* и под.

На втором этапе многие пытались объяснить свой выбор и выделяли слово «дари»: *магазин подарков: дар=дарить в магазине выделяется слово дари (21)// от слово«дари» – дарить подарки (21)// дари = подарки (16)// часть слова «ДАРИ»– дарить подарки (11)// подарки «Дари»= дарить подарки (6)// потому что есть в название слово «дари» (5)* и под.

Китайские студенты в первую очередь соотнесли данный эргоним с названием фрукта: *水果店 фруктовый магазин (31)// 橘子 мандарины (9)//饮品店магазин напитков (2).* К правильным ответам можно отнести: *礼品店магазин подарков (12).* На втором этапе резко выросло количество отказов и снизилось количество правильных ответов: *礼品店 магазин подарков (4)// дари是赠送, 可能是礼品店 дари значит дарить, может быть это магазин подарков (3).* Во многих ответах появилось объяснение выбора (не всегда правильного): *水果店, 橘子是水果 магазин фруктов, потому что мандарин – это фрукты(7)// 卖橘子 продает мандарины (5)// дари 赠送优惠 мандарин为了吸引顾客所以叫这个名字 Дари = дарить, назвал это имя с целью привлечения клиентов.*

Как видим, в данном случае игра слов в названии оказалась очевидной для русских студентов, которые уже на первом этапе легко отгадали специализацию магазина. И это название было совершенно не понято китайскими студентами, большинство из которых не смогли догадаться, даже используя фотографию.

Таблица №7

Эргоним «Му Му»

		Правильные ответы	Другие ответы	Отказы
Русские студенты	1 этап	77	23	0
	2 этап	76	24	0
Китайские студенты	1 этап	31	51	18
	2 этап	26	44	31

Эргоним «МуМу» представляет интерес, поскольку в качестве названия используется звукоподражание. В русской лингвокультуре именно так мычит корова. Надо отметить, что слова человеческого языка, представляющие звуки, воспроизводимые животными, в китайском и русском языках отличаются. Так, русская корова «говорит» му, а китайская корова – “哞” *моу*; русская кошка «говорит» мяу, а китайская кошка – 喵 *мао*. Эта разница не позволила китайским студентам сразу понять название магазина.

Русские респонденты на первом же этапе определили, что магазин связан с молочными продуктами: *молочные изделия (50)// молоко (23)// продукция из молока (3)// молочный магазин*.

Но было много и китайских студентов, которые уже на первом этапе сделали правильный выбор. Отказы свидетельствуют о том, что звукоподражание «му-му» неизвестно некоторым китайским студентам. Интересен ответ 书 *книга*, можно только предположить, что респондент связал этот эргоним с названием рассказа И.С. Тургенева «Муму».

На втором этапе выросло количество ответов, в которых название ассоциируют с коровой. Помогла и фотография: 有个牛头 на вывеске есть голова быка (2)// 一看就是乳制品, 可爱的小奶牛在趴着 *На первый взгляд это молочные продукты, милые коровки сидят на корточках*.

Таблица №8

Эргоним «Пару палок»

		Правильные ответы	Другие ответы	Отказы
Русские студенты	1 этап	36	56	8
	2 этап	78	22	0
Китайские студенты	1 этап	0	61	39
	2 этап	51	28	21

Эргоним «Пару палок» называет ресторан, где подают суши. Само словосочетание может иметь несколько значений:

- 1) палочки для еды, используемые в азиатской кухне;

- 2) спортивный инвентарь (лыжные палки или палки для финской ходьбы);
- 3) словосочетание из молодежного жаргона, связанное с физической близостью.

На первом этапе эксперимента в русской аудитории эргоним «Пару палок» вызвал ассоциации в первую очередь с спортивным снаряжением; строительными и автомобильными материалами; азиатской кухней; магазином для взрослых. На втором этапе эксперимента после просмотра фотографии вывески магазина русские студенты отметили связь эргонима с палочками для суши, особенностью азиатской культуры питания. На фотографии можно заметить дополнительную вывеску «Суши-маркет». Из некоторых ответов было понятно, что респонденты встречались с этим названием раньше: *это сеть кафе (5)*.

Несмотря на то, что для китайских студентов палочки для еды являются привычным предметом повседневного использования, на первом этапе не было правильных ответов. Многие решили, что это магазин товаров для спорта и туризма или отказались от ответа. На втором этапе резко выросло количество правильных ответов.

Таблица №9

Эргоним «О»Блин!»

		Правильные ответы	Другие ответы	Отказы
Русские студенты	1 этап	74	25	1
	2 этап	97	3	0
Китайские студенты	1 этап	61	23	16
	2 этап	79	21	0

Эргоним «О»Блин!» также может актуализировать несколько значений слова «блин». В прямом смысле слово «блин» называет кулинарное изделие в виде тонкой лепёшки, испеченной на сковороде. Эргоним «О»Блин!» фактически называет ресторан, где подают это мучное изделие как основное блюдо. Однако в разговорной речи часто используется междометие, являющееся эвфемизмом и использующееся для выражения таких эмоций, как злость, досада, негодование.

На первом этапе эксперимента в русской аудитории эргоним «О»Блин!» сразу напомнил о русской кухне и блинах. На втором этапе также было большое количество ответов, связанных с блинами. Некоторые вспомнили о многозначности слова: *от того, что междометие «блин» и слово «блин» одинаково пишутся// слово блин имеет два значения (5)// «блин» выражение разочарование.*

На первом этапе опроса китайские студенты узнали слово «блин» как продукт питания. О том, что китайские студенты знакомы и со вторым значением этого слова, может говорить ответ: *游戏厅 игровой зал*, поскольку во время игры участники могут выражать эмоции с помощью этого слова.

На втором этапе эксперимента многие китайские студенты постарались дать объяснение выбора эргонима, при этом многие написали, что у этого слова два значения и даже сделали выводы: *含有感叹词让人更容易记得 содержит междометия, чтобы легче было запомнить (10)//一个词两个意思，一个意思是震惊一个是薄饼，就是说这里的薄饼会带来惊喜 одно слово имеет два значения, одно означает изумление, одно – блин, то есть пицца здесь преподнесет сюрпризы.*

Таблица №10

Эргоним «Магазин АДА»

		Правильные ответы	Другие ответы	Отказы
Русские студенты	1 этап	68	32	0
	2 этап	27	72	1
Китайские студенты	1 этап	65	25	10
	2 этап	38	32	30

Эргоним «Магазин АДА» также имеет несколько значений. Во-первых, Ада – это женское имя, во-вторых, эргоним можно определить как словосочетание по типу согласования имени существительного в именительном падеже с именем существительным в родительном падеже магазин (чего?) ада.

Опрос показал, что русские студенты понимают многозначность: *товары для Хеллоуина (2)// острая еда (2)// 24-вой магазин// магазин оружия// товары для развлечений*. На втором этапе выделили женское имя: *игра слов, думаю, что название связано с именем владельца. Ада – это женское имя/ хозяйку зовут Ада, у нее большое эго, назвала магазин в честь себя (19)*. Также в некоторых ответах актуализировано второе значение: *работает 24 часа, продают сигареты/ алкоголь, что плохо для здоровья// 24 часа работает поэтому Ада?// Ад – плохое место, сигареты и пиво// жарко// круглосуточно работать – это ад// на Хэллоуин в АД*.

На первом этапе китайские студенты отвечали по-разному, но большинство касалось магазинов и товаров, которые в них продают. На втором этапе выросло количество отказов, многие ответы совпадали с теми, что были на первом этапе. Однако некоторые респонденты вспомнили про значение слова «ад»: *ада 是地狱，我不懂为什么 АДА это значит ад, я не понимаю почему*. И дали другие объяснения: *«да» 是有的意思说明这个超市商品齐全 «да» значит есть, поэтому значит в супермаркете есть полный ассортимент товаров// А, ДА意思是哦，是对的，就是来这儿就对了。А, ДА значит "о, да", именно здесь*.

Некоторые респонденты вспомнили про стратегии нейминга: *志店，店主的名字 имя владельца магазина (3)// 应该是所卖东西的缩写, должно быть сокращение от того, что продается// 这家店主的名字缩写 缩略语 имени владельца магазина (2)*.

Резюме

Полученные результаты показали, что при восприятии и понимании эргонимов носители обеих культур используют похожие стратегии. Так, на первом этапе респонденты пытаются догадаться о том, какая организация носит такое имя, используя в первую очередь знание языка (выделение корня, суффикса, если слово на русском языке, определение значения каждого иероглифа, если слово на китайском языке). Большую роль играет знание этого эргонима или устойчивого выражения, которое лежит в его основе. Можно отметить также, что при отгадывании респонденты иногда используют известные им стратегии номинации как культурно специфические (например, положительное значение слова в китайской лингвокультуре, аббревиатура или сокращенное имя владельца в русской), так и общие стратегии для обеих

лингвокультур (имя владельца). Некоторые респонденты отвечают общими словами (продукты, одежда). На первом этапе, как правило, больше отказов и неправильных ответов. Второй этап эксперимента показывает, что креолизованный текст, как правило, быстрее распознается носителями обеих культур как при определении названия на родном языке, так и на иностранном. Визуальный ряд является подсказкой, поскольку респонденты ориентируются не только на саму вывеску и то, что написано на ней, но и на цветовое оформление, товары, которые можно увидеть в магазине, символы или изображение предметов и животных. Интересно, что именно на втором этапе было очень много объяснений своего выбора, когда респонденты, независимо от лингвокультурной принадлежности, пытались дать объяснение эргониму.

©Харченко Е.В., Мань Шу, 2021

Литература

Балдова В.А. Влияние авторского предтекстового комплекса на понимание специального текста: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 – Теория языка. Тверь, 1999. 204 с.

Бубнова И.А. Значение слова как единица индивидуального сознания (психолингвистический аспект)// Вопросы психолингвистики. № 5. М., 2007. С. 13–27.

Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова: Психолингвистическое исследование: дис.... кандидата филологических наук: 10.02.19 – Теория языка. Воронеж. 2001. 183 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 382 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные работы. Ч. 2. Проблемы понимания текста. М., 2005. 542 с.

Левченко Е.В., Ширинкина Л.В. Восприятие текста как психологическая проблема // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. трудов. Перм. ун-т. Пермь, 2003. Вып.6. С.32–48.

Мяжкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: Вопросы теории: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 – Теория языка. Москва. 2000. 247 с.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. М: Наука, 1983. 215 с.

Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект: монография /Н.П. Пешкова. Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2002. 261с.

Тарасов Е.Ф. Нустратов А.А., Матвеев М.О. Зависимость понимания слова от образов сознания, им репрезентированных (теоретико-экспериментальное исследование)// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т.14, №4. С. 628–643.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-2.html (дата обращения: 12.01.2021).

Ширинкина Л.В. Восприятие текста как психологический феномен: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.01 / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2004. 22 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 11.09.2020

Дата принятия к печати: 21.02.2021

Сведения об авторах:

Харченко Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет

Контактная информация:

454080, Россия, Челябинск, пр-т им. В.И. Ленина, д. 76

e-mail: ev-kharchenko@yandex.ru

Мань Шу – аспирант кафедры русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет

Контактная информация:

454080, Россия, Челябинск, пр-т им. В.И. Ленина, д. 76

e-mail: manshu9057@126.com

Для цитирования:

Харченко Е.В., Мань Шу Специфика восприятия и понимания эргонимов в межкультурной коммуникации // Вопросы психолингвистики №1(47) 2021, С.110–125. DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-110-125

UDC 81'373

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-110-125

Research article

**ASPECTS OF ERGONYMS PERCEPTION AND UNDERSTANDING
IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION**

Elena V. Kharchenko, Man Shu

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract

The article describes aspects of perception and understanding of Russian ergonyms by native speakers of Russian and Chinese. The issue under study is of great relevance due to the increase in cross-cultural contacts, the tendency for the free travelling between the countries and the formation of a multicultural environment in cities. The modern metropolis is increasingly becoming a place of residence for representatives of different linguistic cultures, so we decided to check how successfully modern ergonyms perform their main

function, i.e. help residents and guests of the city navigate in space. The aim of the study is to identify the universal and specific features in the perception and understanding of ergonyms by the representatives of different linguistic cultures. The study object is the perception and understanding of a proper name, with the subject being the strategies of ergonyms perception and understanding. The article describes a survey of Russian and Chinese students who were asked to determine the organization's field of activity by its name. The experiment consisted of two stages: at the first stage, only a word was presented, while at the second one - the word and the photo of the sign. As a result, the main ways of identifying ergonyms were identified.

Keywords: psycholinguistics, perception, understanding, ergonym, intercultural communication, survey

References

Baldova V.A. Vliyanie avtorskogo predtekstovogo kompleksa na ponimanie special'nogo teksta [The influence of the author's pre-text complex on the comprehension of a special text]: dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19. – Teoriyazyka. Tver', 1999. 204 s. (In Russian).

Bubnova I.A. Znachenie slova kak edinica individual'nogo soznaniya (psiholingvisticheskiy aspekt) [The meaning of the word as a unit of individual consciousness (psycholinguistic aspect)]// Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. no. 5. M., 2007. S. 13–27. (In Russian).

Vysochina O.V. Ponimanie znacheniya inoyazychnogo slova: Psiholingvisticheskoe issledovanie [Understanding the meaning of a foreign language word: Psycholinguistic research]: dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19 – Teoriya yazyka. Voronezh. 2001. 183 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Vvedenie v psiholingvistiku. [Introduction to Psycholinguistics.] M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 1999. 382 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannye raboty. Ch. 2. Problemy ponimaniya teksta. [Psycholinguistic research. Word. Text. Selected works. Part 2. Problems of text understanding.] M., 2005. 542 s. (In Russian).

Levchenko E.V., Shirinkina L.V. Vospriyatie teksta kak psihologicheskaya problema [Perception of the text as a psychological problem]// Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: Mezhvuz. sb. nauch. trudov. [Stereo-type and creativity in the text: Interuniversity collection of scientific papers.] Perm. un-t. Perm', 2003. Vyp. 6. S. 32–48. (In Russian).

Myagkova E. Yu. Emocional'no-chuvstvennyj komponent znacheniya slova: Voprosy teorii [The emotional-sensory component of the meaning of the word: Questions of theory]: dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.19 – Teoriya yazyka. Moskva. 2000. 247 s. (In Russian).

Novikov A.I. Semantika teksta i ee formalizaciya [Semantics of the text and its formalization]/ A. I. Novikov. M: Nauka, 1983. 215 s. (In Russian).

Peshkova N. P. Tipologiya nauchnogo teksta: psiholingvisticheskiy aspekt: monografiya [Typology of Scientific Text: Psycholinguistic Aspect: Monograph]/ N.P. Peshkova. Ufa: Ufimsk. Gos. aviac. tekhn. un-t, 2002. 261s. (In Russian).

Tarasov E.F. Nistratov A.A., Matveev M.O. Zavisimost' ponimaniya slova ot obrazov soznaniya, im reprezentirovannyh (teoretiko-eksperimental'noe issledovanie) [The

dependence of the understanding of a word on the images of consciousness represented by it (theoretical and experimental research)]// Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost' [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Educational issues: languages and specialties]. 2017, T.14, no.4. S. 628–643. (In Russian).

Ufimceva N.V. Yazykovoe soznanie i obraz mira slavyan [Linguistic consciousness and the image of the world of the Slavs] [Elektronik source]. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-2.html (retrieval date: 12.01.2021). (In Russian).

Shirinkina L.V. Vospriyatie teksta kak psihologicheskij fenomen [Perception of the text as a psychological phenomenon]: avtoreferat dis. ... kandidata psihologicheskikh nauk: 19.00.01 / Perm. gos. ped. un-t. Perm', 2004. 22 s. (In Russian).

© **Elena V. Kharchenko, Man Shu, 2021**

Article history:

Received: 11.09.2020

Accepted: 21.02.2021

Bionotes:

Elena V. Kharchenko – Doctor of Philology, Head of the Department of Russian as a Foreign Language at South Ural State University

Contact information:

76, V.I. Lenin Ave., Chelyabinsk, Russia, 454080

e-mail: ev-kharchenko@yandex.ru

Man Shu – Postgraduate Student, Department of Russian as a Foreign Language of South Ural State University

Contact information:

76, V.I. Lenin Ave., Chelyabinsk, Russia, 454080

e-mail: manshu9057@126.com

For citation:

Kharchenko E.V., Man Shu Aspects of Ergonyms Perception and Understanding in Cross-Cultural Communication // Journal of Psycholinguistics №1(47) 2021, P. 110–125. (In Russian). DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-110-125

УДК 81'114

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-126-139

Научная статья

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ НЕПРИЗНАННЫХ РЕСПУБЛИК ДОНБАССА: ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЩЕНИЯ В ИНТЕРНЕТЕ¹

Власкина Татьяна Юрьевна

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук (ЮНЦ РАН), Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблеме трансформации идентичности населения Донбасса в ходе современного вооруженного конфликта. Предметом исследования является самопозиционирование жителей ЛДНР – непризнанных Луганской и Донецкой народных республик и соотнесение их с рядом категорий, маркированных местоимениями *мы, наши, все* и *вы*. В совокупности данная структура отражает особенности разделения регионального общества на «своих и чужих» в зависимости от позиции граждан по отношению к конфликту в целом и различным его аспектам. Объект изучения – коммуницирование в интернет-пространстве, диалоги и речевые манифестации. Источниковой базой служат сетевые ресурсы, аффилированные с ЛДНР, основной метод сбора информации – мониторинг и сплошная выборка языкового материала по ключевым словам. Методологически работа выполнена на стыке социолингвистики и этнолингвистики. В результате проведенного исследования установлено, что ведущей темой происходящей на Донбассе трансформации самосознания является отторжение украинской национально-политической идентичности и укрепление региональной донбасской с развитием такого ее варианта, как *донецкие / луганские русские*. На широком базисе общности земляков, объединенных культурно-языковыми и мировоззренческими приоритетами, обособляется группа «настоящих» дончан – совместно переживающих все годы трагедии войны на своей земле.

Ключевые слова: война, Донбасс, донецкие / луганские русские, ополчение, письменная разговорная речь, региолект, самоидентификация, Украина

Введение

Донбасский вооруженный конфликт, вызванный глубоким социально-политическим кризисом на Украине, длится уже около 7 лет. Среди порожденных им антропологических последствий особо выделяется так называемый конфликт идентичностей, связанный с трансформацией представлений населения Донбасса о себе и своем регионе – его этнокультурном облике, месте в истории России и Украины, особой роли в событиях современности. Названный процесс находит многообразное отражение в различных явлениях общественной и частной жизни. Определенным итогом официальной внутриреспубликанской дискуссии о самоопределении Донбасса стало принятие доктрины «Русский Донбасс», в которой была провозглашена неразрывность связей народа Донбасса с историей России и ее исторической части Новороссии и

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (17-18-01411).

особо подчеркнуто поворотное значение трагических событий последних лет для переосмысления судеб и перспектив региона [Доктрина... [http](#)].

Темой настоящей статьи является самоидентификация населения непризнанных Луганской и Донецкой народных республик Донбасса в свете практики общения в интернете.

Источники

Источником исследования служат материалы сплошной выборки текстов из открытых интернет-источников, аффилированных с ЛДНР, – сайтов оповещения населения, городских форумов и твиттер-аккаунтов, зарегистрированных на территории республик.

Историографическая справка

Теоретически работа опирается на классические положения языкознания о социальной обусловленности языковых явлений и в особенности на выводы Б.Л. Уорфа, согласно которым, все условия, присущие тому или иному обществу, взаимодействуя с языковыми нормами, формируют характер его представителей и мало-помалу создают определенное мировоззрение [Уорф 2010: 245]. Методологически для исследования важно понятие «письменная разговорная речь», к которой специалисты относят диалоги в чатах и на форумах. При этом отмечается, что особого внимания заслуживают формальные признаки интернет-культуры – пропуск знаков препинания, нерегулярное использование заглавных букв, сокращенные и слитные словоформы, «олбанские» искажения, ненормативная лексика, смайлы *Emoji*, *Caps Lock* как способ выражения эмоций и т.п. [Валиахметова 2001: 7]. Важно также понятие «региолект» в признанной этнолингвистикой трактовке: как обозначение смешанной формы устной речи, включающей в себя множество ареально варьирующихся черт диалектов и просторечий [Герд 2005: 22]. Специальные исследования донецкого региолекта в последние годы активно ведутся филологами Донецкого национального университета под руководством В.И. Теркулова. В ходе этих исследований были установлены центральные маркеры языковой личности региона, исторически связанные с шахтерским трудом, и обнаружены признаки развития в условиях войны отождествлений иного характера [Донецкий региолект 2018: 18, 117–122].

Обсуждение

Важным объективным признаком идентичности является язык неформального общения в соцсетях – пользователи отслеживаемых ресурсов общаются на русском, хотя, как жители двуязычного региона с преподаванием украинского на всех ступенях образования, они хорошо владеют и последним. Однако тот факт, что украинские слова и выражения при весьма редком использовании выступают исключительно средством усиления комического или саркастического эффекта, свидетельствует о сознательном отторжении украинского языка. *Щеневмерла рассылає деньги. Головне, держати карман шире* [Svetlana [http](#)]². *Муж погіб при обстрілі захисниками, жінка з багатьма ранами в лікарні (Захисники – укр. ‘защитники’) и т.п.* [Alexander Donetsk [http](#)]. Подобные случаи можно расценивать как проявления

---

² Щеневмерла – здесь ‘Украина’. Искаженно «Ще не вмерла України і слава, і воля» – первые слова государственного гимна Украины с 2002 г. – Т.В.

языкового нигилизма, хоть и весьма бледные на фоне всплесков этнического фанатизма, которые наблюдаются у сторонников евромайдана.

Среди наиболее заметных языковых явлений, связанных с проблемами означивания субъектов новой реальности, на начальном уровне изучения собранных материалов было выделено интенсивное осмысление дихтомии «свой/чужой». Этот процесс прослеживается в развитии просторечных форм политонимов и соционимов (*укры, нацики* – ‘сторонники киевского Майдана, украинские националисты’, *сепары, вата* – ‘сторонники «Русского мира» и ЛДНР’ и т.п.). Однако функции инструмента дифференциации способны приобретать и нейтральные языковые единицы, относящиеся к базовому корпусу национального языка, например, местоимения. Местоимения *мы, наши, все, вы* и др. открывают особенности современной самоидентификации и позиционирования населения, со всей страстью передавая трагический характер реалистической подоплеки саморефлексии. Сплошная выборка речевых манифестаций по ключевым местоимениям дает им достаточно контекстных характеристик. Рассмотрим их подробнее.

Категория **МЫ**

*Мы каждый день переживаем ад. А мы в ответ грозим пальцем и считаем снаряды. Мы отвечаем не по мирным жителям с той стороны, а ровно куда надо. Мы живем в подъездах и подвалах. Мы принимаем огонь на себя. Мы же крепко стоим с 2014 года. Мы хороним лучших парней. Мы все должны быть вместе и только так мы победим украинскую нечисть. Мы все помним и Стаханов, и Первомайск, и Кировск, помним все поселки, которые до сих пор находятся под обстрелами. Мы все не знаем, что будет завтра с нами и с нашими городами. Мы и не говорим о завтра, мы вспоминаем вчера, мы вспоминаем наши разрушенные дома, и наших убитых родственников. Для нас ничего не изменится, война и точка, никто с той стороны не считает нас за людей. Да мы, Горловка, сейчас под страшным обстрелом!*³

Как можно заметить, категория *мы* объединяет активную часть населения, связывающую свое настоящее и будущее с народными республиками Донбасса и идентифицирующую себя с ними. В микроблогах подобное содержание находит развернутое и аргументированное выражение. В качестве такого примера можно привести отчет бойцов батальона «Восток» о помощи мирным жителям и сопутствующие комментарии.

Пост:

На призыв о помощи Богдану и его маме откликнулись в батальоне «Восток». Мешок картошки, несколько видов круп, макароны, сахар, чай, масло и другое доставили только что к ним домой.

Комментарии:

Что с этой семьей? Где они находятся? В зоне обстрела? – Здравствуйте. Да, это красная зона – самая окраина Горловки, впереди уже линия фронта. Богдан полностью слеп и болен ДЦП. Отец умер год назад, мама сейчас больна двусторонней пневмонией

---

³ Здесь и далее в отсутствие специальных ссылок примеры речевых манифестаций приводятся по результатам обработки интернет-ресурсов GOVES Группа оповещения. Новороссия. ДНР. ЛНР [GO http] (период обращения: 30.10.2017–30.06.2019); Сводки от ополчения Новороссии [Сводки... http] (период обращения: 18.02.2018–21.06.2019). Тексты приводятся в авторской орфографии и пунктуации.

– *Ужас какой!!! Горе какое! Почему РЕСПУБЛИКА ему не помогает? – Мы и есть республика* [Военкор Медведев [http](#)].

Сам по себе общедоступный отчет является устойчивым элементом сложившейся в ЛДНР системы гражданской взаимопомощи (наряду с размещением информации о сути проблемы, подтверждающих документов и реквизитов для обратной связи). Это показательное свидетельство равноправных, можно сказать, братских отношений внутри группы *мы*, где не существует раз и навсегда установленной социальной иерархии и где сегодня ты нуждаешься в помощи, а завтра сам выручаешь товарищей. Считается нормальным, если эти отношения не заканчиваются даже со смертью участников.

Карта в профиле! Если есть желание у кого-то помочь финансово. Сам буквально год назад ещё помогал, пока новые власти ДНР пенсию по инвалидности не отменили (Завтра друг едет в Ростов, есть возможность обналчить). Как-то так. И да, мне не стыдно, тяну ещё одну семью бойца ДНР [Горловка [http](#)].

Причины появления людей категории *мы* для жителей Донбасса совершенно прозрачны, и в первую очередь они связываются с утратой украинской идентичности:

Шесть лет назад в этот день убегая под обстрелами из города, мы думали, через пару недель (вернемся. – Т.В.). В этот день погибло много мирных жителей в центре города. Странной любовью нас любит Украина [Vel East [http](#)].

Утверждение необратимости кризиса самоидентификации на протяжении всего конфликта является устойчивой темой донбасской блогосферы.

Ничто так не стимулирует совместную мирную жизнь, как предварительные многочасовые артобстрелы городов - ДОНБАСС - УКРАИНА... За 6 лет - Практически Непреодолимая НЕНАВИСТЬ! (ОСНОВА КОТОРОЙ - ГИБЕЛЬ ЛЮДЕЙ!) [SoleilSo20 [http](#)].

Судя по многим сообщениям, не коренные причины размежевания, а в первую очередь, то, каким образом оно произошло, вызвало ответную жестокость на уровне онтологического неприятия «чужого», особенно заметное приезжему человеку: *«Я помню, как местные просто присыпали камнями трупы укров чтобы собаки не сожрали. Такого презрения к врагу не было даже во время ВОВ к гитлеровцам»* [Горловка [http](#)], замечает один из добровольцев РФ.

Типичным предметом для саморефлексии также являются имманентные и приобретенные признаки принадлежности людей к категории *мы* – психологические и нравственные качества, присущие или, точнее, необходимые им. Порой эти качества обнаруживают парадоксальные свойства, как, например, отсутствие надежды, поскольку последнее, оказывается, может быть признаком слабости, на которую *мы* просто не имеют права.

Война меняет людей. Вы, наверное, сильно удивитесь, но за эти годы я перестал уважать тех, кто живет надеждой. Надежда – это удел слабых, а мы не имеем права быть ими. Мы должны быть сильными. Кредо сильных – уверенность. Поэтому, я не надеюсь. Я уверен, что все у нас с вами будет хорошо. Иначе быть не может [Андрей Николаевич [http](#)].

Категория *мы* по многим признакам совпадает с определениями региональной идентичности – *донецкие, дончане, донбассовцы*, содержание которых за время войны сузилось и конкретизировалось. «Настоящие донецкие» оказались противопоставлены

---

⁴ Перифраз строчки из песни рок-группы «Декабрь», которая после 2014 г. стала своеобразным гимном Донбасса .

любым другим участникам донбасского конфликта, как минимум, тем, что «не оставили города свои»⁴ и не уехали туда, где сытнее и безопаснее. По этому критерию жесткой ревизии подлежат даже ряды ополченцев, воевавших за Донбасс в тот или иной период, не говоря уже о республиканских функционерах, составляющих управленческое ядро.

Больше «адекватных украинцев» оставшихся на своей земле донецких ненавидят самозванцы парламента Новороссии, обиженные первой-второй волны и прочие патриоты на удаленке. Наверное, потому что мы все еще не сдохли. Или не с...лись (не уехали. – Т.В.) как они [SoleilSo20 http]. Я многих знаю из первых (ополченцев первой волны. – Т.В.). Но настоящие первые до сих пор рядом с нами. А ты сбежал. Оскорбил нас жителей Донбасса и продолжаешь себе хайп ловить. Сбежал, теперь Донбасс – это не твоя тема. Сиди за Крымом пиши. У нас на Донбассе предателей не приветствуют... [Svetlana http].

Яркий пример – И.И. Стрелков (Гиркин) – фигура безусловно знаковая для «Русской весны» и донбасских событий. Стрелков до сих пор имеет множество почитателей в ЛДНР, но, несмотря на это, о нем без особых вхождений в военно-политические детали пишут: «Пока был здесь – был Стрелок, я его уважал, а бросил – стал Гиркин, вообще другой человек, несет там пургу» [GO http].

Принцип исключительности при выделении донбасского *мы* открывает проблему трагического одиночества жителей республик перед тяготами настоящего и неопределенностью будущего. В противопоставлении рядовых дончан всему миру, включая собственную республиканскую власть, просматривается нарастающее разочарование в тех, кто за долгие годы не смог избавить их от тяжелой участи. «Доверия нет ни к власти ни к их подконтрольным СМИ...» [Донецк Город-Герой http]. «Затражали и одни и другие. Мира хочется...» [Самооборона Горловки http]. И уж точно, никто не вправе поучать Донбасс, подгонять под какие-то собственные представления о том, как он должен был «правильно встать» и героически жить:

Что сами виноваты, что не так стоим, что Кремль не виноват, а мы все ноем, всего-то 6 лет говновозии [Анна Красовская http]. Как же зае...ли (утомили. – Т.В.) эти светлоликие люди, по мнению которых, дончане обязаны ходить все в черном, хмурые, голодные, несчастные, никогда не покидать этот город, работать по 12 часов до конца своих дней или войны. И всё это только потому, что этим светлоликим так видится! [Донецк http].

К категории *мы* относятся термины – *вата* / *ватники* и *сепары*, впервые получившие распространение в связи с общественной дискуссией 2014 г. на Украине, наряду с *титущиками* и *колорадами*. Возникнув как оскорбительные, уничижительные ярлыки для русских и советских вообще и для русских Донбасса, не разделявших «ценности» киевского майдана, в частности, слова *ватники* и *сепары* приобрели иронические коннотации, а затем стали употребляться и как гордые самоназвания с изрядной долей насмешки над противником. Можно вспомнить популярное при А.В. Захарченко кафе «Сепар» в центре Донецка, подписи под фотографиями пленных «героев АТО»⁵ – «Группа диверов пошла убивать вату, но что-то пошло не так» [Алина http] или донбасские *ники*⁶: *Вежливая Ватница, Ватник Сепаратор, Черный Сепар* и т.п.

---

⁵ «Антитеррористическая операция» — официальное наименование властями Украины вооружённого конфликта на востоке Украины: ред.

⁶ Ник – никнейм или сетевое имя в twitter и vk.

Мы – наиболее цельная и одновременно динамичная категория среди идентичностей Донбасса. Содержание других категорий более стабильно.

Категория НАШИ

Наши защищаются. Укурки используют БПЛА⁷ для прицеливания, наши сбивают из города стрелковым. Наши держат достойно оборону! Спартак, Вольво-Центр – бой высокой интенсивности (стрелковое, минометы, артиллерия)+! Наши отвечают. Это наши пацаны даже после тяжелых ранений и на протезах возвращаются на позиции. Нечего страшного это наши смс отправляют! – Наши насыпают... Хоть всех наших поубивают – не ответят, ибо НИЗЗЯ.

То есть *наши* – это преимущественно представители воинских подразделений, отстаивающих право непризнанных республик на существование и безопасность их граждан с оружием в руках.

Смотришь на наших ребят – молодых парней и мужчин постарше, на наших девушек и женщин, которые тоже служат и защищают, и действительно гордишься [Заметки http].

Наиболее полным синонимом к *наши* служит разговорное *пацаны*, значение которого в современной донецкой речевой практике – ‘бойцы ополчения (или народной милиции)’: *Благо что не по городу... пацаны там щас терпят за всех.. [GO http]; Береги вас бог пацаны побольше укров артай накрывайте и берегите себя [GO http].* Внутренне категория *наши* довольно однородна. Можно выделить целый ряд терминов, называющих ее представителей: *ополченцы*, среди которых особо выделяются *ополченцы первой волны*, а также *добровольцы*, *бойцы Республик*, *защитники Республик*, *защитники Донбасса*, *ребята*, *медведевцы* (*призраки*, *сомалийцы*, *мотороловцы* и т.п., образованные от названий подразделений или имен командиров). Значения этой группы терминов не выходят за тематические рамки наименований военнослужащих ЛДНР. Помимо них в категорию *мы* входят две весьма значимые дефиниции – *наши мертвые* и *наши дети*, которые в определенных случаях могут объединяться:

Мне жаль наших деток, которые испытали весь ужас этой войны. А погибших деток никогда не прощу этим нелюдям! [Артем http] Ангелы #Донбасса. Погибшие наши дети от рук убийц Украины... [Влад http].

Дети занимают особое место среди *наших*, самим фактом своего существования внося вклад в борьбу:

В ДНР за 6 лет родилось более 70 000 детей – 70 000 детей, которые не знают что такое мир [SoleilSo20 http]. Дети ЛДНР живут назло врагам! [#яДонбасс http]

Наши мертвые – это не только цена, которую Донбасс платит за свою идентичность, но и жертва, устанавливающая преимущество между ополчением и «героями былых времен»:

Вечная память героям вы приехали с разных субъектов России для единой цели, для борьбы против укрофашистов как раньше наши деды и прадеды покойтесь с миром герои [GO http].

В текущей реальности, когда усталость и разочарование в республиках все заметнее, *наши мертвые* становятся нравственным ориентиром, последней заставой, от которой некуда отступать.

---

⁷ БПЛА – беспилотный летательный аппарат.

Даже, мёртвые, они не уходят с рубежа и продолжают сражаться «на смерть»! [SoleilSo20 http] ...Каждый погибший ребенок стал ангелом Донбасса, который сегодня оберегает нас и нашу землю [Диалог... http].

Общность наших мертвых представляется мериллом верности идеалам «русской весны», бескомпромиссность которых в отдельных суждениях может быть сильно преувеличена по сравнению с реальностью.

Кто то вообще не ездит к Врагу за подачками... (Одна женщина) сказала: «Мертвые наши все видят и вам этого не простят!» Может она и права, у нее сын погиб защищая Республику и сама она не ездит за пенсией, так как запахло ей ехать к Врагу на поклон [GO http].

Категория ВСЕ

Все знают, что делать – заряжаем зарядки, набираем набиралки. Всем быть внимательными и осторожными: не расслабляйтесь, не забывайте о собственной безопасности, заряжайте мобильные устройства, пополняйте запасы воды, держите под рукой документы. Всем быть предельно осторожными.– Ребятки, берегите пожалуйста себя! Всем прифронтовым быть осторожными, по возможности держаться укрытий. ВСЕМ ПОКИНУТЬ УЛИЦЫ! АРТОБСТРЕЛ! Всем ДЕРЖАТЬСЯ ПОДАЛЬШЕ ОТ ОКОН! Всем быть осторожными. Всем в укрытие! - РАБОТАЕТ АРТА! – СРОЧНО ПОКИНУТЬ УЛИЦЫ! Низкий поклон... Всем, кто отстоял и продолжает отстаивать мой город ... в том числе. Всем, кто стоит и стоит на рубежах республики. Запад! – Всем быть начеку!

Согласно очерченным в контекстах связям, категория *все* представляет собой преимущественно территориальное понятие, обобщающее жителей Донбасса по принципу проживания в обстреливаемых районах, независимо от их личных политических предпочтений. Составляющие ее персонажи по умолчанию должны испытывать эмпатию друг к другу, поскольку переживают одинаковые трудности. Но реальность не так однозначна, и речевая практика отражает это. Наряду с императивами заботы и внимания, составляющими большую часть текстов, обращенных ко *всем*, в контекстах содержатся и резкие критические суждения в адрес товарищей по несчастью. Среди социальных страт выделяются несколько, вызывающих у активных граждан особенно негативные эмоции, хотя речь, скорее всего, идет о простых обывателях.

Хатаскрайники – аполитичные жители, решающие в ходе войны свои прагматические задачи:

Так того...известное дело, ленивые хатаскрайники на черных джипах все вывезут. Если под «бизнесом» понимать распил и уничтожение промышленности, то таки да [DonRF http].

Фальшивые дончане – лица, которые спекулируют на трагедии Донбасса:

Ещё в Донецке «гуляют» фальшивые Дончане [Донецкий гражданин http]. Тут их всяких... Приезжает перец на втв тб и начинает тут рассказывать как он от войны все потерял [Дмитрий Ажицкий http].

Сюда же относятся пессимисты – всем недовольные, сеющие панику и негатив, а подчас просто уставшие местные жители, в адрес которых один из членов республиканского правительства даже позволил себе крайне резкие слова.

Меня от этих трупных червей уже мутит. Одна, вишь ли, привыкла в белосарайке отдыхать, другая лучше нас знает что и для чего мы делаем, третья считает, что

среди нас нет специалистов... Четвертая всем говорит, что я считаю переехавших в Украину в большинстве своем пособниками укро-нацистов (хоть правда) пятая рассказывает что любит львов и не понимает, почему не может туда поехать... И все смеют обвинять нас в том, что дескать мы сменили курс Захарченко. То, что Сашка бы таких вышварнул без права возвращения, а мы с ними цацаемся, они не понимают. Иногда выть хочется от бессилия [Дон Румата [http](#)].

Понаприехавшие – приехавшие или возвратившиеся на Донбасс после прекращения активных боевых действий 2014–2016 гг.

Понаприехавший, он (ведущий местного телевизионного канала ТВ) *здесь с нами в горячие 2014...и т.д. не был... От чистого сердца желаю что бы мимо дома этого ё...ного ведущего такая техника ездила, пусть с...ка ощущит «непередаваемые ощущения»... да и прилеты его то же не слабо «восхищают» [SoleiSo20 [http](#)].*

Представителями сплоченной категории *мы* лица, заслуживающие вышеприведенные упреки, рассматриваются как «чужие среди своих». По этому признаку они могут оцениваться как переходное звено в оппозиции «свои / чужие».

Категория ВЫ

Если вы считаете, что нас обстреливают российские террористы, наемники и местные сепары, то мы вот что Вам скажем. НАС УБИВАЮТ! ГОРЛОВКУ СНОСЯТ С ЛИЦА ЗЕМЛИ! И ЭТО НЕ ОПОЛЧЕНЦЫ ИЛИ ДОБРОВОЛЬЦЫ ИЗ РОССИИ! ЭТО УКРАИНСКАЯ АРМИЯ, ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ БАТАЛЬОНЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ УКРАИНЫ! Да никто (нами) не прикрывается, мы сами уезжать не хотим, вам этого не понять просто. Зачем говорить вам о том, чего не знаете и сами не ощутили? Не стоит спорить о наших желаниях и нашей жизни.

Мы видим: категория *вы* устойчиво противопоставляется *мы* – это маркер отчуждения, который в равной степени относится и к жителям Украины за пределами воюющих республик, и к россиянам, следящим за событиями дистанционно – по СМИ или интернет-ресурсам. Среди представителей *вы* можно обнаружить так называемых *уехавших* – донбасовцев, покинувших родной регион в связи с событиями войны, а также родственников, друзей и знакомых, проживающих вдали от Донбасса и поэтому неспособных понять тех, кто продолжает оставаться в зоне риска. *Вы* – это те, кто не переживает беду здесь и сейчас вместе со *всеми нами*. Закономерно, что самыми емкими формулами отделения «своих» от «чужих» являются: *я тут был, я сидел под обстрелами, те, кто тут жил* или *напротив – их тут не было: Народ у нас приехал с морей не жили тут под обстрелами, им дико* [Самооборона Горловки [http](#)]. В адрес последних в речевой практике фиксируются презрительные и бранные наименования – уже рассмотренные выше *понаприехавшие*, а также *уехавшие, уезжанцы, съ...банцы* и т.п. В конечном счете речевые примеры утверждают: отсутствие в тяжелые для Донбасса дни способно аннулировать права уроженца и заслуги предыдущих лет.

Смешно, когда давно уехавшие именуют себя дончанами, и заявляют свое фе по недавним событиям. Панове-господа, вы уже одеситы, киевляне, москвичи. Чтобы стать дончанами, придется вернуться. Нет? Тогда сосредоточьтесь на проблемах своей новой родины, а здесь разберутся без вас [Из Донецка [http](#)]. Они уже не дончане, горловчане и т.д. Они ими перестали быть когда смотались отсюда [Зюсюка Барбадовская [http](#)].

Таким образом, местоимения *мы, наши, все* и *вы* являются своеобразными маркерами для дифференциации населения Донбасса по отношению к текущему конфликту. Можно сказать, что это наиболее широкие дефиниции донбасской идентичности, которые можно выделить, опираясь на суждения и диалоги в сети.

Речевые манифестации и тексты в микроблогах открывают переживания жителей Донбасса и позволяют проследить динамику мнений в событийном контексте. В рамках данной модели исследования на текущем временном срезе утверждается не вольная, а скорее вынужденная самостоятельность дончан и Донбасса. Обособление происходит как от Украины и украинцев, так и от России и россиян: *Донбасс – не лошадь, которая на всякого глядит и мечтает, чтобы его оседлали и на его горбу поехали* [Ю. Шевченко [http](#)]. Однако противопоставление «своих» и «чужих» в первом и во втором случае неодинаково. Свою позицию в отношении современных киевских властей жители Донбасса объясняют следующим образом:

Вынудили укропы своим отношением к русскому языку, к людям Донбасса и прошлому огромной страны. Разошлись и каждый строит своё ужё. До 2014 не было никаких предпосылок к смене языков и названий. Никто на Донбассе ничего не менял. А кто вынудил укропов менять, 9 мая заменять? Сами решили [Svetlana [http](#)].

Вместе с тем, живо представление о неправомерности отождествления украинских националистов и украинцев: *«Не называй их украинцами,.... фашистами, бандерлогами, пиндосовскими подстилками, только так 😡»* [GO [http](#)]. Но все же основные эмоции по отношению к Украине, передаваемые в речевых репрезентациях дончан, – это гнев, презрение и мечты о возмездии.

Думали, что пройдут как фашисты унижая и убивая!!!! Не на тех нарвались, твари!!! – Вошли не так. Как и немцы в Москву. В 1945 [Донецк [http](#)]. Вот интересно мне... семья укров, живущая в моей 3-х комнатной квартире в центре Краматорска на всем готовом как там себя чувствует? Не приходят ли им во снах мои умершие родные? не жмут ли им там наши вещи? вообще как они там себя чувствуют в моих родных стенах? – Скоро придёшь и сама спросишь. Устало опустишься на стул, положишь на колени автомат, помотришь на них и спросишь: «В чём сила?» [Иллария Краматорская [http](#)]. *Эти упыри должны пахать там за минимальную зарплату, восстанавливать всё то што уничтожили! а ихних главарей должен судить Народный суд Донбасса! пусть судят те, которых они убивали! и в виде исключения ввести смертную казнь! думаю это справедливо!* [Донецк [http](#)].

Массовый материал говорит о несостоятельности единства на крови.

«Самая единая нация в мире»? Но как сожжённые в Одессе украинцы могут быть едины со своими палачами, а тысячи погибших и покалеченных мирных жителей Донбасса – с боевиками ВСУ, пишущими на снарядах «Всё лучшее детям»?! [Алексей Карпушев [http](#)].

В русле подобной экспрессивной риторики вопрос об общем будущем Донбасса в составе Украины не рассматривается.

Укра зло, – на карте в будущем её нет [GO [http](#)]. *Я очень хочу увидеть как Донбасс, Россия и Шароварния подпишут такой же договор, какой подписан сегодня ночью по Карабаху и там будет написано, что – Киев отдает Донбассу Харьковскую, Одесскую, Николаевскую и другие об-ти и на Донбасс вводится миротворческий контингент ВС России* [SoleilSo20 [http](#)].

Но и в адрес России дончане говорят слова разочарования, усталости и обиды. Эти чувства тем глубже и трагичнее, а выражения резче, чем сильнее были вера в русское братство и надежда на признание Донбасса его легитимной частью.

Потом референдум был. Потом Дебальцево. Даже тогда я ещё верила, что у россиян есть сердце и хоть немного здравого смысла. Потом был убит Алексей Мозговой. Теперь нет этому аду конца. И никто не бежит вводить миротворцев. Зачем? Русских ведь слишком много, их должно стать меньше? [Снега.net http]

Донбасс не понимает политики российского руководства, которая позволяет тянуться невыносимой ситуации «ни мира – ни войны» с ее экономической скованностью и юридической неопределенностью.

Это людоедство продолжается седьмой год... и будет продолжаться... до тех пор, пока для Кремля укро-фашисты в Киве будут оставаться «партнёрами»... Тысячи аргументов приводите, никогда не пойму и не приму – почему седьмой год под боком великой страны с сильной Армией гибнут наши русские люди? И это при словах пафосных – своих не бросаем. Да, не бросаем, но почему изподтишка и тайком, почему не прямо – ввести войска и отогнать сук [Alexander Donetsk http].

В образном решении Россия предстает жестокой матерью, оставившей своих детей, ее любят, мучительно ждут и отчаянно ненавидят за это. Поэтому обращения к Москве варьируются в широком эмоциональном диапазоне от выражения любви и благодарности до разного рода претензий, тяжких подозрений и призывов несчастий на головы тех, кто не понимает, до какого края терпения доходят жители Донбасса.

Сравним:

Низкий поклон всем тем, кто помогал и помогает Донбассу в самые трудные времена. По-русски, всем миром. Донбасс этого никогда не забудет. Спасибо, родные [Ю. Шевченко http].

А Вы правда хотите, чтоб по Москве лупили «грады»? – А я хочу, и ещё хочу чтобы им при этом рассказывали, что они не так встали! только не обычные граждане, а эта шелупонь с Р1, чтобы все эти пропагандисты на собственной шкуре ощутили все прелести выживания в условиях минского сговора [SoleilSo20 http].

Однако весь возможный негатив до сих пор не способен перечеркнуть суть отторжения Донбассом одной идентичности и стремления к другой.

Русские на танках приехали «смирять» мирных граждан? Русские Луганск с Донецком с самолётов расстреливали? Нет, мрази, это всё твари из всу. До сего дня пьёте кровь невинную [Снега.net http].

Несмотря на усталость и разочарование, мнение большинства дончан выражают суждения, подобные следующему: «Мы готовы к любому развитию событий. И к новому референдуму в том числе» [Ю. Шевченко http]. А тем временем, как показывают соцсети, продолжается формирование смешанной идентичности *донецкий / луганский россиянин, русский – дончанин, получивший гражданство РФ*:

+1 *донецкий россиянин! Друзья делятся своей радостью. #Донецк #ДНР #ДНРвРоссии* [Svetlana http]. *Поздравляйте! Я из ЛНР, и я русский, сегодня сам съездил и проголосовал ЗА поправки!* [Andrey Somov http]

Выводы

Согласно проведенному исследованию, ведущей темой происходящей на Донбассе трансформации самосознания остается отторжение навязываемой украинской

национально-политической идентичности и укрепление региональной донбасской с развитием такого ее варианта как *донецкие / луганские русские*. Детализация процесса путем анализа речевых манифестаций и текстов в микроблогах открывает сложную палитру переживаний жителей Донбасса и позволяет проследить динамику мнений в событийном контексте. В рамках данной модели исследования очевидно неоднородное иерархическое строение региональной идентичности. На широком базисе общности земляков, объединенных культурно-языковыми и мировоззренческими приоритетами, обособляется группа «настоящих» дончан – совместно переживающих все годы трагедии войны на своей земле. Посредством выделения маркера общей травматической судьбы утверждается не вольная, а скорее вынужденная самодостаточность дончан.

© Власкина Т.Ю., 2021

Литература

Валиахметова Д.Р. Письменная разговорная речь в контексте особенностей Интернет-дискурса // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. Казань: Изд-во Казанского университета, 2001. Т. 2. С. 7–9.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. 457 с.

Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. Першина, И.А. Кудрейко и др.; под ред. В.И. Теркулова. Донецк: Издательство ООО «НПП» Фолиант», 2018. 265 с.

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // История языкознания: XIX – 1-я половина XX в.: в 2 ч. / сост., автор коммент. и заданий З.И. Резанова. Ч. 2. Томск: Изд-во Томского университета, 2010. С. 227–247.

Источники

Алексей Карпушев [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/AleksKarpushev> (дата обращения: 08.07.2019).

Алина [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/allinka_z (дата обращения: 23.07.2020).

Андрей Николаевич [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/46andres71> (дата обращения: 04.08.2020).

Анна Красовская [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/krasovskaya1988/status/1291709466061279232> (дата обращения: 07.08.2020).

Артем Донецк [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/Artem_Donbas/status/1309742906660589570 (дата обращения: 24.10.2020).

Военкор Медведев [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/0nQIPq0WCONIu0G/status/1322220942660194305> (дата обращения: 22.11.2020).

Влад [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/MrVlad06/status/1297330347261263873> (дата обращения: 16.09.2020).

Горловка – Русский город [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/Separatistlove/status/1313879941180780544>; <https://twitter.com/Separatistlove/status/1320763627465560065> (дата обращения: 14.10.2020).

Диалог о погибших детях от 01.06.2019. [Электронный ресурс]. GO Группа оповещения. Новороссия. ДНР. ЛНР URL: <https://vk.com/opoveshenie> (дата обращения: 02.06.2019).

Дмитрий Ажицкий [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/dga965> (дата обращения 10.09.2018).

Доктрина «Русский Донбасс» [Электронный ресурс]. URL: <http://russian-center.ru/8315-2/> (дата обращения: 21.01.2021).

Донецк [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/7_Donesk77witic7/status/1329152898085875713;
https://twitter.com/7_Donesk77witic7/status/1275842816279818248 (дата обращения 21.11.2020).

Донецк Город-Герой [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/dnr_war_2014/status/1288808394623778816 (дата обращения: 03.08.2020).

Донецкий гражданин [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/DONBASS_RULIT (дата обращения: 24.12.201).

Донецкий региолект / под ред. В.И. Теркулова. Донецк: Folio, 2018. 265 с.

Дон Румата. [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/tov_sobakin/status/1286178576539308032/photo/1 (дата обращения: 23.07.2020).

Заметки Толкачевой. [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/tolkachevik/76> (дата обращения: 25.06.2020).

Зюзюка Барбадокская [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/zuzukabarb> (дата обращения: 10.09.2018).

Из Донецка [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/_dn_ru (дата обращения: 10.09.2018).

Иллари Краматорская [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/oYBVf8fFnsPenEV/status/1326918165788495872> (дата обращения: 22.11.2020).

Самооборона Горловки. Городское сообщество. 06.11.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://web.archive.org/web/20191215113239_/https://vk.com/gorlowka (дата обращения: 6.04.2018).

Сводки от ополчения Новороссии [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/strelkov_info (дата обращения: 11.03.2021).

Снега.net [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/nina_CCCP/status/1335794812805582851 (дата обращения: 09.12.2020).

Ю. Шевченко [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/PrizrakRostov/status/1335189852921409536>;
<https://twitter.com/PrizrakRostov/status/1335817598768963586>;
<https://twitter.com/PrizrakRostov/status/1337142961574993921> (дата обращения 11.12.2020).

Alexander Donetsk [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/alex127us/status/1274624049512144896>;
<https://twitter.com/alex127us/status/1274624049512144896> (дата обращения 01.03.2021).

Andrey Somov [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/SomDRW/status/1277894218644684800> (дата обращения 03.08.2020).

DonRF [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/romchik11111/status/1289422296948457473> (дата обращения 01.08.2020).

GO Группа оповещения. Новороссия. ДНР. ЛНР [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/oproveshenie> (дата обращения 28.06.2020).

SoleilSo20 [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/SoleilSo20/status/1316379896785010688>;
<https://twitter.com/SoleilSo20/status/1319648364011638787>;
<https://twitter.com/SoleilSo20/status/1303184209444507648>;
<https://twitter.com/SoleilSoli/status/1275643527133827072>;
<https://twitter.com/SoleilSo20/status/1326554425347854344> (дата обращения 11.03.2021).

Svetlana [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/Lana_mem/status/1336390739522097155; https://twitter.com/Lana_mem/status/1289488218786734081; https://twitter.com/Lana_mem/status/1312045269559672834; https://twitter.com/Lana_mem/status/1337060915573821441 (дата обращения 01.03.2021).

Vel East [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/chernaykoshka8/status/1287777785700810752> (дата обращения 07.08.2020).

#яДонбасс [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/yDonbass/status/1309843819110772737> (дата обращения 25.10.2020).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 11.12.2020

Дата принятия к печати: 17.03.2021

Сведения об авторах:

Власкина Татьяна Юрьевна – старший научный сотрудник лаборатории филологии, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН)

Контактная информация:

344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41

e-mail: vlaskiny@mail.ru

Для цитирования:

Власкина Т.Ю. Самоидентификация жителей непризнанных Республик Донбасса: по материалам общения в Интернете // Вопросы психолингвистики №1(47) 2021, С.126-139. DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-126-139

UDC 81'114

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-126-139

Research article

ANALYSIS OF SELF-IDENTIFICATION OF RESIDENTS OF UNRECOGNIZED DONBASS REPUBLICS: A CASE STUDY OF INTERNET COMMUNICATION

Tatyana Yu. Vlaskina

Southern Scientific Centre, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

The article describes the transformation of the Donbass population identity in the course of the current armed conflict. The subject of the research is the self-positioning of the unrecognized Lugansk and Donetsk People's Republics (LDNR) residents, and its correlation with a number of categories marked with the pronouns **we**, **ours**, **everyone** and **you**. The structure reflects regional society the division into "friends and foes", in accordance with the attitude of citizens to the conflict as a whole and its various aspects. The object of study is the Internet communication, dialogues and speech manifestations. Internet-resources affiliated with the LDNR make up the research source base, the main method of collecting information

is monitoring and a continuous selection of language material by keywords. The work belongs to the sociolinguistic paradigm and embraces ethnolinguistic theory. In the course of the research the author found out that the leading theme of the self-consciousness transformation taking place in Donbass is the rejection of the Ukrainian national-political identity and the strengthening of the regional Donbass identity with the development of such a variant as *Donetsk / Lugansk Russians*. On a broad basis of the community of fellow countrymen united by cultural, linguistic and ideological priorities a group of “true” Donetsk residents is being formed. They have jointly experienced all the years of the tragedy of war on their land.

Keywords: Donbass, Donetsk / Lugansk Russians, Donetsk people, militia, regiolect, self-identification, Ukraine, war, written colloquial speech

References

Gerd A.S. Vvedenie v etnolingvistiku: Kurs lekcij i hrestomatija. 2-e izd., ispravl. [Introduction to Ethnolinguistics. Course of Lectures and Reader]. Saint-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005. 457 s. (In Russian).

Donetskii regiolect: monografiya [Donetsk Regiolect: monograph]. / V.I. Terkulov, N.P. Kurmakaeva, V.I. Mozgovoi, K.V. Pershina, I.A. Kudreiko i dr.; pod red. V.I. Terkulova. Donetsk: Izdatel'stvo OOO “NPP” Foliant”, 2018. 265 s. (In Russian).

Uorf B.L. Otnoshenie norm povedenija i myshlenija k jazyku [The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language]. *Rezanova Z.I.* (comp.) Istorija jazykoznanija: XIX – 1-ja polovina XX v. [History of Linguistics: 19th – 1st half of the 20th cent.] V 2 ch. Ch. 2. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2010. S. 227–247. (In Russian).

Valiahmetova D.R. Pis'mennaja razgovornaja rech' v kontekste osobennostej Internet-diskursa [Written Colloquial Speech in the context of the internet-discurs peculiarities]. *Bodujenovskie chtenija: Bodujen de Kurtenje i sovremennaja lingvistika: Mezhdunar. nauch. konf. [Readings in the Name of Baudouin de Courtenay: Baudouin de Courtenay and Modern Linguistics: International Conference.]* Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2001. T. 2. S. 7–9. (In Russian).

© **Vlaskina T.Yu., 2021**

:

Article history:

Received: 11.12.2020

Accepted: 17.03.2021

Bionotes:

Tatyana Yu. Vlaskina – Senior Researcher, Laboratory of Philology Southern Scientific Centre

Contact information:

41 Chekhova av., Rostov-on-Don, Russia, 344006

e-mail: vlaskiny@mail.ru

For citation:

Vlaskina T.Yu. Analysis of Self-Identification of Residents of Unrecognized Donbass Republics: a Case Study of Internet Communication // *Journal of Psycholinguistics* №1(47) 2021, P.126–1391. (In Russian). DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-126-139

УДК 81'373

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-140-147

Научная статья

ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ СПЕЦИФИКИ СЕМАНТИКИ СЛОВА

Колесникова Екатерина Игоревна

Воронежский государственный педагогический университет

Воронеж, Россия

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению гендерных особенностей специфики семантики слова. Значения слова-стимула толкуются по результатам психолингвистического эксперимента как результат семантической интерпретации. На примере анализа семантики слова «ребенок» представлена модель описания психолингвистического значения слова. Приводится статья из психолингвистического гендерного толкового словаря, в основу базового варианта которого легли результаты свободного ассоциативного эксперимента. Описывается обыденное языковое сознание, реально сложившееся словоупотребление в современном русском языке. Перед словарной статьей приводятся гендерные ассоциативные поля, полученные по результатам эксперимента. Указываются мужские и женские психолингвистические значения с обобщенными семемами реакций. Словарная статья гендерного словаря представлена в форме сопоставительной таблицы, имеющей две колонки – психолингвистическая формулировка женского значения и психолингвистическая формулировка мужского значения.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии гендерных особенностей специфики семантики слова в языковом сознании мужчин и женщин, необходимости создания словаря нового типа.

Ключевые слова: семантика, гендер, сопоставление, семантическая дифференциация

Введение

Описание семантики одного и того же слова может иметь заметные различия в толковых и других словарях разного типа, так как различные методы описания значения лексических единиц дают несовпадающие результаты.

И.А. Стернин, М.С. Саломатина [Стернин, Саломатина 2011: 26] терминологически разграничивают типы значений: «Под *лексикографическим* значением понимается описание значения, полученное путем обобщения словарных дефиниций разных толковых словарей традиционного типа. Под *психолингвистическим* значением понимается значение, описанное путем обобщения результатов психолингвистических экспериментов».

При анализе слова в контексте всегда выявляются семы, которые не входят в дефиницию, представленную в толковом словаре. Значение, выявленное в ходе психолингвистических экспериментов (называемое психолингвистическим и объединенное с лексикографическим значением), обычно оказывается объемнее и глубже.

Наиболее эффективно психолингвистическое (психологически реальное) значение слова в языковом сознании выявляется экспериментальным способом.

Нами было проведено исследование, цель которого – выявление и описание мужской и женской специфики семантики слова. Материалом исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента. Было опрошено 200 человек, из них 100 мужского пола (в возрасте от 18 до 65 лет) и 100 женского (в возрасте от 18 до 74 лет). Методика исследования изложена в статье Е.И. Колесниковой [Колесникова 2019: 29].

На кафедре общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета разрабатывается психолингвистический толковый словарь, пример словарной статьи которого мы приводим в данной работе.

Пример словарной статьи

Приведем одну из словарных статей психолингвистического гендерного толкового словаря русского языка. Статья включает ассоциативные поля, представляющие собой реакции женщин и мужчин на слово-стимул; полные и краткие дефиниции с указанием симиляров (*то же, что*), оппозитивов (*противоположно*); совокупный индекс яркости (*СИЯ*) каждой семемы, который определяется как количество ассоциатов, объективировавших отдельную семему; пример употребления слова. Методика описания слова-стимула представлена в статье А.В. Рудаковой [Рудакова 2014: 37].

РЕБЕНОК

Ассоциативные поля

Женщины, 100 ин

РЕБЕНОК 100: будущее 11, долгожданный 9, нет 9, счастье 8, радость 7, взрослый 6, жизнь 5, хорошо 5, смех 4, смеется 4, крикливый 3, большой 3, малыш 3, семья 3, улыбка 3, беспорядок 2, дочка 2, любимый 2, сын 2, шум 2, бантики, дом, играет, класс, непослушный, продолжение рода, 2 годика – 1.

Мужчины, 100 ин

РЕБЕНОК 100: мальчик 11, нет 10, мелкий 8, будущее 6, любовь 6, долгожданный 6, радость 5, сынишка 5, дочка 4, кричит 4, любимый 4, отрада 4, сын 4, продолжение рода 3, семья 3, дом 2, лучший 2, приемный 2, рано 2, свой 2, старик 2, страх 2, неродной, родственник, свет – 1.

Психолингвистические значения

Женщины

1. Уже взрослый член семьи, который продолжит род, приносит счастье

Член семьи 0,07 (*семья* 0,03, *дочка* 0,02, *сын* 0,02), долгожданный 0,09 (*долгожданный* 0,09), уже взрослый 0,09 (*взрослый* 0,06, *большой* 0,03), продолжит род 0,12 (*будущее* 0,11, *продолжение рода* 0,01), приносит счастье 0,08 (*счастье* 0,08, *радость* 0,07), смысл жизни 0,05 (*жизнь* 0,05), оценивается одобрительно 0,05 (*хорошо* 0,05, *любимый* 0,02).

СИЯ 0,62.

*Ребенок похож на маму*¹.

---

¹ Пример употребления слова в контексте – Е.К.

2. Маленькие мальчик или девочка, которые смеются и шумят

Маленький 0,03 (*мальши* 0,03, *2 годика* 0,01) (*мальчик, девочка*), смеется 0,08 (*смех* 0,04, *смеется* 0,04), шумит 0,05 (*крикливый* 0,03, *шум* 0,02), улыбается 0,03 (*улыбка* 0,03), устраивает беспорядок 0,02 (*беспорядок* 0,02), играет 0,01 (*играет* 0,01), находится в доме 0,01 (*дом* 0,01), классе 0,01 (*класс* 0,01), с бантиками 0,01 (*бантики* 0,01), непослушный 0,01 (*непослушный* 0,01), оценивается одобрительно 0,05 (*хорошо* 0,05).

Противоположно: *взрослый* 0,06.

СИЯ 0,37.

Ребенок дошкольного возраста.

Фразы: *нет* 0,09

Не интерпретируется: 0

Неактуально: 0

Мужчины

1. Маленький сын, который приносит радость, продолжит род

Сын 0,20 (*мальчик* 0,11, *сыншшка* 0,05, *сын* 0,04), дочь 0,04 (*дочка* 0,04), маленький 0,08 (*мелкий* 0,08), долгожданный 0,06 (*долгожданный* 0,06), приемный 0,03 (*приемный* 0,02, *неродной* 0,01), приносит радость 0,10 (*радость* 0,05, *отрада* 0,04, *свет* 0,01), любовь 0,06 (*любовь* 0,06), продолжит род 0,09 (*будущее* 0,06, *продолжение рода* 0,03), член семьи 0,06 (*семья* 0,03, *свой* 0,02, *родственник* 0,01), вызывает страх 0,02 (*страх* 0,02), оценивается одобрительно 0,06 (*любимый* 0,04, *лучший* 0,02).

СИЯ 0,80.

Ребенок похож на маму.

2. Маленький мальчик, который кричит

Маленький 0,08 (*мелкий* 0,08), мальчик 0,11 (*мальчик* 0,11), кричит 0,04 (*кричит* 0,04), находится в доме 0,02 (*дом* 0,02).

Противоположно: *старик* 0,02.

СИЯ 0,27.

Ребенок дошкольного возраста.

Фразы: *нет* 0,10, *рано* 0,02

Не интерпретируется: 0

Неактуально: 0

Таблица № 1

Сопоставительное описание психолингвистических значений

Женщины 100	Мужчины 100
<p>1. Уже взрослый член семьи, который продолжит род, приносит счастье Член семьи 0,07, долгожданный 0,09, уже взрослый 0,09, продолжит род 0,12, приносит счастье 0,08, радость 0,07, смысл жизни 0,05, оценивается одобрительно 0,05</p> <p>СИЯ 0,62</p>	<p>1. Маленький сын, который приносит радость, продолжит род Сын 0,20, дочь 0,04, член семьи 0,06, маленький 0,08, долгожданный 0,06, приемный 0,03, приносит радость 0,10, любовь 0,06, продолжит род 0,09, вызывает страх 0,02, оценивается одобрительно 0,06</p> <p>СИЯ 0,80</p>

<p>2. Маленькие мальчик или девочка, которые смеются и шумят Маленький 0,03 (<i>мальчик, девочка</i>), смеется 0,08, шумит 0,05, улыбается 0,03, устраивает беспорядок 0,02, играет 0,01, находится в доме 0,01, классе 0,01, с бантиками 0,01, непослушный 0,01, оценивается одобрительно 0,05</p> <p>Противоположно: <i>взрослый</i> 0,06</p> <p>СИЯ 0,37</p> <p>Фразы: <i>нет</i> 0,09 Не интерпретируется: 0 Неактуально: 0</p>	<p>2. Маленький мальчик, который кричит Маленький 0,08, мальчик 0,11, кричит 0,04, находится в доме 0,02</p> <p>Противоположно: <i>старик</i> 0,02</p> <p>СИЯ 0,27</p> <p>Фразы: <i>нет</i> 0,10, <i>рано</i> 0,02 Не интерпретируется: 0 Неактуально: 0</p>
---	--

Комментарии

Лексема РЕБЕНОК в мужском и женском языковом сознании совпадает в своих основных двух значениях.

Значение 1

Уже взрослый член семьи, который продолжит род, приносит счастье /

Маленький сын, который приносит радость, продолжит род

Интегральные семы мужского и женского значений: *продолжит род* 0,12 – 0,09, *приносит радость* 0,07 – 0,10, *долгожданный* 0,09 – 0,06, *член семьи* 0,07 – 0,06, *оценивается одобрительно* 0,05 – 0,06. Значимых различий интегральных сем нет.

Дифференциальные женские семы: *уже взрослый* 0,09, *приносит счастье* 0,08, *смысл жизни* 0,05.

Дифференциальные мужские семы: *сын* 0,20, *дочь* 0,04, *маленький* 0,08, *приемный* 0,03, *любовь* 0,06, *вызывает страх* 0,02.

Всего у данной пары совпадающих значений выявлено 10 интегральных сем и 9 дифференциальных сем.

Индекс групповой семной дифференциации значений:

Интегральных сем – 10 (5x2)

Дифференциальных сем – 9

Совокупное число сем – 19

Индекс семного совпадения значений: количество интегральных сем / общее количество совокупных сем двух значений 10/19=53%.

Индекс семной дифференциации значений, соответственно, – 47%. При этом совокупная яркость 10 интегральных сем значений – 0,77, что свидетельствует о высоком уровне сходства данных значений в гендерном языковом сознании. Дифференциальные семы (9) имеют более низкий уровень совокупной яркости – 0,65. Методика интерпретации результатов изложена в статье В. Н. Хаустовой [Хаустова 2019: 54].

Значение 2

Маленькие мальчик или девочка, которые смеются и шумят / Маленький мальчик, который кричит

Интегральные семантические компоненты мужского и женского значений: *маленький* 0,03 - 0,08, *находится в доме* 0,01 – 0,02.

Наблюдаются существенные различия интегральных сем по яркости: *маленький (женщины – 0,03, мужчины – 0,08)*.

Дифференциальные женские семы: *смеется* 0,08, *шумит* 0,05, *улыбается* 0,03, *устраивает беспорядок* 0,02, *играет* 0,01, *в классе* 0,01, *с бантиками* 0,01, *непослушный* 0,01, *оценивается одобрительно* 0,05, *противоположно: взрослый* 0,06.

Дифференциальные мужские семы: *мальчик* 0,11, *кричит* 0,04, *противоположно: старик* 0,02.

Всего у данной пары совпадающих значений 4 интегральные семы и 13 дифференциальных сем.

Индекс групповой семной дифференциации значений:

Интегральных сем – 4 (2x2)

Дифференциальных сем – 13

Совокупное число сем – 17

Индекс семного совпадения значений: количество интегральных сем /общее количество совокупных сем двух значений $4/17 = 24\%$.

Индекс семной дифференциации значений, соответственно, – 76%. При этом совокупная яркость 4 интегральных сем значений – 0,14, что свидетельствует о низком уровне сходства данных значений в гендерном языковом сознании. Дифференциальные семы (13) имеют гораздо более высокий уровень совокупной яркости – 0,50. Методика интерпретации результатов изложена в статье В. Н. Хаустовой [Хаустова 2019: 54].

Выводы

1) Семемная специфика

Таким образом, у лексемы РЕБЕНОК есть два совпадающих в женском и мужском языковом сознании значения:

1. Уже взрослый член семьи, который продолжит род, приносит счастье / Маленький сын, который приносит радость, продолжит род.

2. Маленькие мальчик или девочка, которые смеются и шумят / Маленький мальчик, который кричит.

2) Соотношение совпадающих значений по гендерной яркости

Совокупная яркость значения *Уже взрослый член семьи, который продолжит род, приносит счастье / Маленький сын, который приносит радость, продолжит род* значительно выше у мужчин (0,80 против 0,62 – у женщин).

Значение *Маленькие мальчик или девочка, которые смеются и шумят / Маленький мальчик, который кричит* в сознании женщин ярче соответствующего значения в сознании мужчин (0,37 против 0,27 – у женщин).

Таким образом, абсолютно доминирует в смысловой структуре первое значение слова, второе уступает ему по яркости в два раза.

3) Семная специфика

Гендерные значения Уже взрослый член семьи, который *продолжит род, приносит счастье / Маленький сын, который приносит радость, продолжит род* содержат 10 интегральных сем в сознании мужчин и женщин, и их совокупная яркость – 0,77, что свидетельствует о высоком уровне сходства данных значений в гендерном языковом сознании. Интегральные семы *приносят радость, оценивается одобрительно ярче* в сознании мужчин. Семы *члены семьи, продолжит род, долгожданный ярче* в сознании женщин. Совпадающих по яркости сем нет.

Дифференциальные семы в совпадающих значениях имеют меньшую совокупную яркость – 0,65, что в сопоставлении с совокупной яркостью интегральных сем (0,77) свидетельствует о преобладании сходств в содержании гендерных значений.

При этом наиболее яркими дифференциальными семами в женском языковом сознании являются семы *уже взрослый, приносит счастье, смысл жизни*. В мужском языковом сознании – *сын, маленький, любовь*.

В гендерных значениях *Маленькие мальчик или девочка, которые смеются и шумят / Маленький мальчик, который кричит* интегральные семантические компоненты *маленький*, находится в доме ярче у мужчин.

Семы *смеется, шумит, оценивается одобрительно, противоположно: взрослый* являются яркими дифференциальными семами в женском языковом сознании; семы *мальчик, кричит* – в мужском языковом сознании.

У совпадающих значений лексемы РЕБЕНОК различия несущественно преобладают над сходствами, поскольку яркость дифференциальных сем несущественно выше яркости интегральных сем.

Исследование значения слова антропометрическими методами дает возможность выявить психологически реальное значение слова. Этим объясняется необходимость создания психолингвистического словаря, пример словарной статьи которого мы привели в данной работе.

©Колесникова Е.И., 2021

Литература

Колесникова Е.И. Психолингвистическое исследование гендерной специфики семантики слова // Значение как феномен актуального языкового сознания носителей языка: тезисы V Всероссийской научной конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 25-26 октября 2019 г.) / Науч. ред. А.В. Рудакова. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. С. 29–30.

Рудакова А.В. Проблемы описания психолингвистического значения слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2014. № 3. С. 36–42.

Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: «Истоки», 2011. С. 22–26.

Хаустова В.Н. Региональные различия семантики слова (на материале слова Бог) // Семантико-когнитивные исследования. Продолжающееся издание / Под ред. И.А. Стернина. Вып. 10. Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. С. 50–57.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28.02.2021

Дата принятия к печати: 21.03.2021

Сведения об авторах:

Колесникова Екатерина Игоревна – аспирант, ассистент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета

Контактная информация:

394024, Россия, г. Воронеж, ул. Ленина, 86

e-mail: kolesnickova.kat@yandex.ru

Для цитирования:

Колесникова Е.И. Проблема описания гендерной специфики семантики слова // Вопросы психолингвистики №1(47) 2021, С.140-147. DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-140-147

UDC 81'373

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-140-147

Research article

**THE PROBLEM OF DESCRIBING THE GENDER SPECIFICITY
OF WORD SEMANTICS**

Ekaterina I. Kolesnikova

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

Abstract

The article discusses the theoretical problems of describing the semantics of a word, considers the possibility of using the data of a psycholinguistic experiment in describing the word meaning. The article considers gender characteristics of the specifics of the word semantics. The stimulus word meanings are interpreted according to the results of a psycholinguistic experiment as a result of semantic interpretation. It is through the analysis of the semantics of the word *child* that a model for describing the psycholinguistic meaning of the word is presented. An example of an entry in a psycholinguistic gender explanatory dictionary is presented, it is based on the results of a free associative experiment. Before the dictionary entry analysis, there are gender associative fields obtained from the results of the experiment. Male and female psycholinguistic meanings with generalized reaction semes are indicated. The dictionary entry of the gender dictionary is presented in the form of a comparative table with two columns - the psycholinguistic formulation of the female meaning and the psycholinguistic formulation of the male meaning. The results obtained

indicate the presence of gender features of the specificity of the word semantics in the linguistic consciousness of men and women, the need to create a new type of vocabulary.

Keywords: semantics, gender, comparison, semantic differentiation

References

Kolesnikova E.I. Psiholingvističeskoe issledovanie gendernoj specifiki semantiki slova [Psycholinguistic study of gender specificity of word semantics] // *Znachenie kak fenomen aktual'nogo yazykovogo soznaniya nositelej yazyka: tezisy V Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Meaning as a Phenomenon of Actual Linguistic Consciousness of Native Speakers: Abstracts of the 5th All-Russian Scientific Conference] (Voronezh, FGBOU VO «Voronezhskij gosudarstvennyj universitet», 25-26 oktyabrya 2019 g.) / Nauch. red. A.V. Rudakova. Voronezh: OOO «Izdatel'stvo RITM», 2019. S. 29–30.

Rudakova A.V. Problemy opisaniya psiholingvističeskogo znacheniya slova [Problems of describing the psycholinguistic meaning of the word] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them]. 2014. no. 3. S. 36–42.

Sternin I.A., Salomatina M.S. Semantičeskij analiz slova v kontekste [Semantic analysis of a word in context]. Voronezh: «Istoki», 2011. S. 22–26.

Haustova V.N. Regional'nye različiya semantiki slova (na materiale slova Bog) [Regional differences in the semantics of the word (based on the word God)] // *Semantiko-kognitivnye issledovaniya. Prodolzhayushcheesya izdanie* [Semantic-cognitive research. Continuing edition] / Pod red. I.A. Sternina. Vyp. 10. Voronezh: OOO «RITM», 2019. S. 50–57.

© **Kolesnikova E.I., 2021**

Article history:

Received: 28.02.2021

Accepted: 21.03.2021

Bionotes:

Ekaterina I. Kolesnikova – Postgraduate Student, Assistant of the Department of Russian Language, Contemporary Russian and Foreign Literature, Voronezh State Pedagogical University

Contact information:

86, Lenin str., Voronezh, Russia, 394024

e-mail: kolesnickova.kat@yandex.ru

For citation:

Kolesnikova E.I. The Problem of Describing the Gender Specificity of Word Semantics // *Journal of Psycholinguistics* №1(47) 2021, P.140–147. (In Russian). DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-140-147

УДК 81'373.211

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-148-159

Научная статья

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОБРАЗ КАК НОСИТЕЛЬ ГЕОКУЛЬТУРНОЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

(на материале обучающей топонимической базы данных
«Московская топонимика»)

Юе Цюй

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена образам пространства, которые несут в себе названия московских улиц (годонимы). Актуальность многоаспектного изучения пространственного образа города Москвы обусловлена необходимостью дополнения топонимической базы данных обучающего типа как лингвокультурными, так и геокультурными данными. Декодирование пространственных образов в аспекте межкультурной коммуникации и городской антропологии способствует более полному раскрытию специфики локальной культуры. Пространственный образ, заключенный в названии, связан с топонимической картиной мира номинатора, декодировать которую носителю другой культуры невозможно без соответствующих исторических и лингвокультурных знаний. На основании анализа выраженности пространственных признаков к выбранной группе названий применяется разделение на объективированные и субъективированные топонимы. Отмечается, что в системе московских годонимов субъективированная пространственная ориентация может реализовываться различными способами, обозначаемыми как маркеры пространства. Приводятся примеры, иллюстрирующие основные словообразовательные и семантические маркеры пространственной локализации. В заключение все перечисленные признаки обобщаются в понятие топонимического образа, интегрирующего собственно языковые, лингвокультурные и геокультурные параметры. Таким образом, для носителя другого языка и другой культуры переход чисто пространственного образа в топонимический образ можно считать одним из критериев приближения к языковой картине мира носителя изучаемого языка.

Ключевые слова: образ пространства, обучающая топонимическая база данных, ментальное пространство, лингвокультурный и геокультурный компоненты, годонимы Москвы, пространственные маркеры

Введение

Топонимические исследования последних десятилетий характеризуются большим разнообразием используемых методов и подходов к материалу. Наряду с традиционными работами, ориентированными «на выявление системно-структурной организации данного разряда лексики» [Корнева 2016: 150], значительно выросло число топонимических исследований, включенных в антропоцентрическую и когнитивную парадигму современной лингвистики, в русле которых топоним рассматривается не просто как идентификатор географического объекта, но как когнитивный инструмент,

отражающий ментальные процессы и их результаты в виде системы знаний о мире, ср. [Березович 2009; Королева 2015; Корнева 2016]. Топоним кодирует и транслирует историко-культурную информацию об определенной территории, ср. определение Н.Д. Голева и Л.М. Дмитриевой, обсуждающих возможности когнитивной ономастики.: «Собственные имена определяют систему знаний о мире, участвуют в формировании мировоззрения человека, а топонимы, кроме того, фиксируют отражение географической действительности в сознании человека, возникнув изначально в качестве знаков-ориентиров» [Голев, Дмитриева 2008: 6].

Характерной особенностью синхронной топонимики последних десятилетий является тенденция к взаимодействию с дисциплинами, содержание которых прежде не было связано с лингвистической ономастикой [Васильева 2019: 202]. К ним относятся культурная (гуманитарная) география и региональный менеджмент. В этих дисциплинах широко используется понятие имиджа территории, ср.: [Замятин 2020; Бачерикова 2016; Панкрухин 2006]. В самом общем смысле имидж территории представляет собой образ локальной территории, складывающийся в сознании её жителей; это совокупность субъективных представлений о территории, сформированных в результате опыта и знаний о мире человека, проживающего на данной территории. Об имидже места как «рационально формируемом образе» пишет М.В. Голомидова [Голомидова 2020: 264]. Имидж территории является неотъемлемой частью локальной культуры, а также важным элементом геокультурной системы территории, а одним из инструментов моделирования имиджа территории является топонимический нейминг [Голомидова 2020: 266]. Признание тесной взаимосвязи всех элементов триады «язык – культура – пространство» позволяет говорить о том, что топоним в качестве языковой единицы служит инструментом расшифровки и передачи как лингвокогнитивной, так и культурной информации о географическом ландшафте. Данное положение позволяет считать различные типы топонимов источником представлений о локальной картине мира и использовать это знание в сфере межкультурной коммуникации и в преподавании русского языка как иностранного (РКИ).

Пространственный образ как ключ к конструированию образа места

Актуальность обращения к образам пространства в названиях улиц Москвы обусловлена необходимостью введения лингвокультурной информации в топонимическую базу данных «Московская топонимика», которая создается как обучающая база данных для сферы обучения РКИ [Цюй Юэ, Васильева 2019]. Выбор пространственного параметра в качестве релевантного признака в описании топонимического имиджа Москвы обусловлен онтологическим доминированием пространства в картине мира носителей языка. В.Г. Гак отмечал, что «пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса» [Гак 1998: 670]. Согласно Е.С. Кубряковой, «характеризуя понятие пространства, используют не только понятие объекта, но и понятие места» [Кубрякова 2004: 468]. Для носителя другого языка и другой культуры важно не только узнать новое название места (в данном случае, это название улицы, или годоним¹), но и получить представление об определенном геокультурном

¹ Годоним (от греч. *hodos* ‘дорога, улица’ + *оним* ‘собственное имя’) – принятый в ономастике термин для названий внутригородских линейных объектов (улиц, переулков, бульваров и пр.) [Подольская 1988:

пространстве, включающем, помимо территории, также исторические события, хозяйственную деятельность, религиозную жизнь, традиции и обычаи. Совокупность этих представлений складывается в ментальный образ (имидж) пространства, который исследователь в данном случае не конструирует, а расшифровывает, делает прозрачным для сознания носителей другого языка и другой культуры. Для этого в качестве цели нашего исследования ставится выявление и описание языковых способов отражения образа пространства в сознании номинаторов, которые впервые вступили в соприкосновение с ситуацией называния и внесли в номинацию свой опыт носителей языка, накопленные знания о мире, включая эмоционально-оценочную составляющую. В современных топонимических исследованиях пространственная составляющая номинации и роль субъекта номинации детально разработана для микротопонимии, ср.: [Березович 2009]. Ряд принципов и методов, используемых для исследования микротопонимов, возможно с некоторой модификацией применить и для реконструкции номинативной ситуации с внутригородскими объектами и ее наглядного отображения в топонимической базе данных (поле лингвокультурной информации). В качестве материала нами были использованы исследования и справочники по топонимии Москвы, особенно [Улицы Москвы 2003; Забелин 2007; Соколова 2015], а также справочная информация по улично-дорожной сети Москвы [Лобанов 2008 и др.]. В ходе исследования преимущественно применялся семасиологический подход к анализу способов ориентации пространственного положения и отношения в годонимах Москвы. Из рассматриваемых названий были исключены посессивные топонимы, а также мемориальные топонимы (коммеморативы), которые традиционно относятся к социополитической сфере и не отражают пространственной рефлексии субъекта. В процессе исследования мы планировали получить ответы на следующие вопросы: 1. Как номинаторы осваивали понятие «место» и ориентировали его в пространстве? 2. Какие языковые способы могут быть маркерами отражения пространственных отношений? 3. В чем польза такого подхода к имиджу города Москвы для носителя иного языкового сознания?

Обсуждение и результаты

По способу репрезентации пространственного образа в номинации московские топонимы на первом этапе анализа были разделены на **объективированные** и **субъективированные**. Мы опирались на представление об ориентационных системах, разработанное Е.Л. Березович для микротопонимии, а также на введенные ею термины «субъективированная и объективированная ориентационная система» [Березович 2009: 129–133]. Дальнейшую классификацию мы строили сами, основываясь на тех признаках, которые релевантны для восприятия носителями другого языка и культуры. Таким образом, под объективированными топонимами мы понимаем названия, мотивированные свойствами самого объекта. Ко второму типу мы относим названия, обусловленные субъективным взглядом и позицией номинатора при ориентации в пространстве; данный тип названия отражает представления субъекта о пространственном размещении объекта.

52]. Родовым термином для годоним является термин урбаноним (лат. *urbanus* 'городской'), которым обозначаются названия всех городских объектов. В настоящей статье оба этих термина употребляются взаимозаменяемо с терминами топоним и внутригородской топоним.

1. Пространственный образ в объективированных топонимах

1.1. «Геометрические» топонимы

Условно как геометрические можно обозначить внутригородские топонимы, в которых получили отражение такие пространственные понятия, как размер, форма и конфигурация объекта.

Размер. В данном случае маркерами пространственного образа географического объекта, отраженного в топониме, являются признаки «Длина» и «Ширина». Ср.: *Широкая ул., Широкий проезд, Узкий переулок*. Признак «Высота» относится преимущественно к расположению объекта на возвышенности (*Высокая ул.*). Особым случаем выражения пространственного понятия временными маркерами может служить топоним *Долгий переулок* (с 1947 г. ул. Бурденко) – как номинация, которая претерпела семантический перенос признака времени на признак пространства (*долгий* в данном случае ‘*длинный*’).

Форма и конфигурация именуемого объекта в пространстве отражается в топониме признаками «прямой – не прямой» (кривой, извилистый, изломанный и т.п.), а также использованием номинаций из области геометрии. Ср.: *Дуговая улица, Извилистый проезд, Кривоарбатский переулок, Кривой переулок* (историч.), *Кривогрузинский переулок* (1922–1954 гг.), *Кривоколенный переулок, Кривоникольский переулок, Обводное шоссе, Прямой переулок, Угловой переулок* (по изломанной конфигурации), *Окружная улица, Хордовый проезд, аллея Большого Круга* и др. Обращает на себя внимание, что московские топонимы, отражающие восприятие формы и конфигурации линейных объектов, вписываются в круг тех «ментально-топонимических стереотипов» русской топонимической картины мира, на которые указывают исследователи микротопонимии (*прямой – кривой (косой), извилистый, клин, угол*) [Васильева 2006: 55].

Следует отметить относительность мотивированности отдельных номинаций. Это выражается в том, что топоним мотивируется не только непосредственной формой и/или конфигурацией объекта, но и соседними топонимами. Например, *Прямой переулок* назван так, потому что является относительно прямым в отличие от соседних; *Узкий переулок* – является таким по сравнению (и в соотношении) с находящимся рядом *Широким проездом*. Таким образом, важным для понимания мотивированности названия является расположение объекта в пространстве относительно других объектов.

1.2. Ориентиры-слова, обозначающие стороны света

Наряду с «геометрическими» топонимами, к объективированному типу названий можно отнести такие, в которых пространственный образ выражен с помощью слов-ориентиров, обозначающих стороны света. Ср.: *Северный проезд, Восточная улица, Южный проезд, Южнопортовая улица, Восточный переулок* и др.

2. Пространственный образ в субъективированных топонимах

Субъективированный тип топонимов связан, прежде всего, с точкой зрения номинатора-наблюдателя, которая находит отражение в наименованиях, и именно эту субъектную детерминированность следует реконструировать и отразить в соответствующем поле топонимической базы данных. Поскольку в принципе «пространство и время релятивизированы взглядом говорящего на мир» [Апресян

1995: 639], в представлении субъекта о географическом объекте, в частности, о его пространственном расположении, отражается номинативная ситуация в целом. Согласно Е.Л. Березович, именно субъект, являясь «неотъемлемым элементом номинативной ситуации <...> определяет стратегию и тактику номинативного осмысления объекта; жизненный опыт, перцептивные особенности, культурный багаж субъекта формируют гносеологическую базу имьятворчества» [Березович 2009: 130].

При рассмотрении пространственного образа как компонента геокультурного имиджа г. Москвы, овнешняемого в урбанонимах, можно заметить, что субъективированные топонимы с выражением пространственного значения возникают в следующих двух ситуациях. В первой ситуации субъект служит **ориентиром**, который непосредственно участвует в локализации объекта. Это так называемая автоориентация [Березович 2009: 129], когда пространственное положение именуемого объекта ориентируется на положение самого субъекта. Данная ситуация всегда требует физического наличия субъекта, который находится в статичном состоянии.

Во второй ситуации субъект служит **регулятором**, который опосредованно координирует пространственное положение объекта и ориентирует пространственное отношение именуемого объекта при помощи привлечения другого объекта в свое пространственное измерение [Березович 2009: 129–130]. Здесь пространственная корреляция именуемого объекта реализуется не от субъекта, а через внешний объект, который попадает в ментальную сферу субъекта в момент номинации как вспомогательный инструмент для ориентации и имеет психологически более релевантную ассоциацию с именуемым объектом в сознании субъекта. В этой ситуации субъект освобождается от функции ориентира и выступает в роли наблюдателя-регулятора; соответственно, позиция субъекта в системе ориентации является имплицитной.

В Московской топонимической системе субъективированные названия с ориентацией номинативного объекта в пространстве образуются словообразовательным и семантико-мотивированным способами.

2.1. Словообразовательный способ для реализации субъективированной ориентации в основном заключается в использовании префиксов-маркеров с пространственным значением. Префиксы, выступающие как часть словообразовательной структуры топонимов и соотносимые с предлогами, могут приписывать топониму такое же значение, как и соответствующий предлог. В структуре московских годонимов к таким префиксам, служащим маркерами-ориентирами для выражения пространственных отношений именуемого объекта, относятся префиксы *на-, за-, под-, при-*.

Префикс на-, употребляющийся при словообразовании топонимов, выражает направление движения и расположение объекта, т.к. соответствующий предлог *на* связан с куда-ориентацией и с где-ориентацией (термины Е.Л. Березович). Например, *Напольный проезд* назван в связи с тем, что первоначально он действительно вел в поля и по ним пролегал [Улицы Москвы 2003: 189] (направление движения, куда-ориентация). Названия *Напрудная 1-я, 2-я улицы* даны по расположению вблизи небольшого пруда [Улицы Москвы 2003: 189] (небольшое расстояние, где-ориентация).

Префикс за- в словообразовательной структуре топонимов означает, что именуемый объект находится позади мотивирующего объекта. Например, *улица Заболотье – за болотом, Заозерная улица – за Косинскими озерами, Заречная улица – за Москвой-*

рекой относительно *центра* [Улицы Москвы 2003: 100]. Причудливость префикса *за-* в ментальной системе ориентации субъекта заключается в том, что при обозначении места позади чего-либо требуется предварительное обусловливание направления взгляда субъекта, т.е. оба объекта, и именуемый, и мотивирующий, одновременно как бы находятся на оси взгляда, при этом в ментальной картине присутствует еще объект, относительно которого выстраивается направление (ср.: *Заречная улица*, расположенная за *Москвой-рекой* относительно *центра* города).

Префикс под- в словообразовательной структуре топонима указывает на положение именуемого объекта в пространстве ниже или в непосредственной близости от мотивирующего объекта. Ср. *Подколокольный переулок*, в названии которого «отразилось расположение в начале переулка (от Солянки) колокольни церкви Рождества Богородицы на Стрелке, построенной по типу “иже под колоколы”, т.е. с колокольной поверх церкви» [Улицы Москвы 2003: 230]. Название *Подгорская набережная* дано «по расположению набережной у подножия крутого склона левого берега р. Яуза (так называемой *Вишовой горки*)» [там же]. В данном случае реконструируется ментальная модель с ориентацией взгляда субъекта с горки.

Префикс при- употребляется в словообразовании топонимов для обозначения положения именуемого объекта в пространстве, расположенного возле/около мотивирующего объекта или непосредственно примыкающего к нему. Ср.: *Прибрежный проезд* – по близости к берегу канала имени Москвы; *Приречная улица* – проходит вдоль р. Сетунь; *Приозёрная улица* – по ее положению у озера на территории бывшей подмосковной деревни Черкизово [Улицы Москвы 2003: 238–239].

2.2. Семантико-мотивированный способ представления пространственного образа в субъективированных топонимах характеризуется наличием следующих мотивов с пространственными значениями.

Мотивы с опосредованными ориентационными отношениями

Иностранцы, попадая в Москву, удивляются экстраординальным и кросс-территориальным характеристикам московской городской топонимии и шутят между собой, что можно путешествовать по всей России и даже по Европе, не покидая границ Москвы. Это связано с тем, что в Москве существует много топонимов, мотивированных топонимами, указывающими направление улицы за пределами Москвы [Цюй Юе 2019], ср.: *Кавказский бульвар*, *Северодонецкая 1-я улица*, *Черноморский бульвар*, *Елецкая улица* и т.п. В данных названиях ориентация именуемого объекта выполняется по отношению к другому топониму (мотивирующему объекту), который находится вне территории Москвы, но релятивирован с именуемым объектом определенным типом пространственных отношений. Исследование топонимического материала Москвы позволяет выделять три семантических группы пространственных отношений, релевантных для выражения субъективированной ориентации в пространстве.

Стоит отметить, что не все названия, мотивированные внесмоковскими топонимами, могут быть ориентиром с пространственным значением. Например, в Москве существуют немало мемориальных топонимов, которые никогда не выступают как показатель пространственной ориентации. Например, *Таллинская улица* названа в честь города Таллинна – столицы Эстонии, но не имплицитно никакой пространственной направленности в топонимической карте.

Импликация обозначения сторон света

В московской топонимической системе существуют немало уличных названий, мотивированных другими топонимами (название городов, населенных пунктов, стран и т.д.) с импликацией обозначения сторон света, т.е. положение именуемого объекта ориентируется по сторонам света к мотивирующему объекту. Это проективная схема ориентации, с одной стороны, отражает координирование системы номинации уличных объектов Москвы с планировочной структурой столицы, состоящей из радиальных и кольцевых трасс, ср.: [Широкая 2015: 19]. С другой стороны, эта схема имплицитно центробежную направленность ориентации [Березович 2009: 147] при освоении городских линейных объектов, т.е. центр освоения пространства приблизительно сходится к центру столицы – Кремлю, откуда субъект направляет свою точку зрения в разные стороны света и включает связанный с данным направлением внешний объект в свое ментальное пространство для фиксации расположения объекта номинации. Например, *Азовская улица* названа по Азовскому морю в связи с расположением на юге Москвы. *Краснодарская улица* названа по городу Краснодар, находящемуся на юго-востоке к Москве.

Следует отметить, что не все названия данного типа имплицитно центробежную позицию субъекта. В московской топонимии есть название, имплицитно центростремительную ориентацию. Это *Московская аллея*, которая имеет направление к центру Москвы [Улицы Москвы 2003: 185].

Среди мотивированных топонимов с имплицитным указанием значения сторон света количественно преобладают названия, мотивированные южными топонимами, т.е. локализованными к югу от Москвы, затем следуют юго-восточные и восточные топонимы. Хотя северные топонимы по количеству наименований занимают относительно небольшое место в топонимической системе Москвы, они имеют особую значимость для представления знаний о региональном географическом и этнокультурном пространстве Русского севера [Найденова, Бурлаков 2019]. Ср.: *Норильская улица, Беломорская улица, Шенкурский проезд, Анадырский проезд, Верхоянская улица* и т.д. Северное направление, имплицитное в топонимических единицах, репрезентировано не только вторичными топонимами, но и метафорическими названиями, имеющими ассоциативно-образную соотнесенность с северной территорией России в сознании создателей и пользователей топонимической системы. Ср.: *Снежная улица, Студеный проезд, Таежная улица* и т.п.

Импликация значения направления дороги

Еще один тип названий, мотивированных другими топонимами, имплицитно значение направления дороги в пространстве. Ориентация этих топонимов осуществляется по направлению движения дороги к мотивирующему объекту, т.е. номинация производится по указанию пункта прибытия. Это один из самых продуктивных типов номинации, сложившийся еще в древности, ср.: именование улиц по важнейшим дорогам, идущим от Кремля: *Тверская дорога, Можайская дорога, Каширская дорога* (ныне Тверская улица, Можайское шоссе, Каширское шоссе) [Соколова 2015: 9]. Указание на направление имплицитно присутствует в современных топонимах Москвы. Ср.: *Санаторная аллея* – ориентирует по направлению к санаторию «Узкое»; *Старокоптевский переулок* – по направлению к подмосковной деревне Старое Коптево; *Старопетровский проезд* – по направлению к бывшему селу Петровское [Улицы Москвы 2003: 281].

В локализации объектов данного типа не требуется участие положения субъекта. Однако предельные и конечные пункты движения определяются полем зрения субъекта. При этом позиция субъекта не всегда сосредоточивается на конечном объекте, иногда она перемещается на начальную точку и устанавливает начало дорожного направления. В корпусе топонимов для нашей базы данных таким является название улицы *Стромынка*, в котором сохранилось название начального участка старинной дороги, которая вела из Москвы в Суздаль через село *Стромынь* [Соколова 2015: 9].

Выводы

Одним из способов реконструирования пространственного образа как специфического компонента геокультурной модели города Москвы является анализ структуры внутригородских топонимов с выраженной ориентационной составляющей. На основе принципа антропоцентризма и с опорой на понятие номинативной ситуации и ее компонентов были выделены объективированные и субъективированные топонимы. В московской топонимической системе пространственный образ города в объективированной ориентации актуализируется в основном «геометрическими» топонимами (форма и конфигурация) и топонимами-ориентирами по сторонам света. Пространственный образ в субъективированной ориентации, т.е. отражающий (а в нашем случае реконструирующий) взгляд субъекта-номинатора, актуализируется в префиксальных номинациях (пространственные маркеры) и в номинациях, в семантике которых можно определить пространственную мотивацию (пространственные семантические мотивы). Интересное явление в плане репрезентации пространственного образа представляют собой вторичные топонимы, мотивированные другими топонимами вне территории Москвы, но с пространственной релевантностью, которые позволяют дополнительно выделять группы мотивов с имплицитным выражением пространственных отношений, характерных для внутригородских топонимов.

Заключение

Будучи особым знаком в системе языка, топоним выполняет две основных функции: идентифицирует географический объект и хранит (и транслирует) лингво- гео- и этнокультурную информацию. Пространственный образ является важным элементом в понятии топонимического образа, который формируется всей совокупностью знаний, связанных с топонимом в языковом сознании носителей языка. Носителям другого языка и другой культуры невозможно его раскрыть без получения соответствующей лингвокультурной и геокультурной информации. Поэтому правильное понимание и восприятие топонима в его лингвокультурном и геокультурном аспектах служит еще одним критерием приближения к языковой картине мира носителя изучаемого языка. В настоящее время создание топонимических баз данных различного типа стало общемировой тенденцией [Гордова 2020: 79]; этот процесс находит активное применение в сфере обучения иностранному языку. Построение топонимической базы данных с включением специально разработанных лингвокультурных и геокультурных параметров предоставляет открытую платформу носителям другой лингвокультуры, которая дает им возможность в полной мере освоить особенности локальной культуры изучаемого языка в лингвогеокультурной парадигме.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Том II. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
- Бачерикова М.Л.* Имидж территории и факторы его формирования / М. Л. Бачерикова, И.М. Романова // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11 (ч. 4). С. 1105–1111.
- Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. Изд. 2, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 328 с.
- Васильева Н.В.* Городские топонимы как языковые маркеры «своего» пространства // Acta humanitarica universitatis Saulensis. Šiauliai: Šiaulių universitetas. 2020. № 27. С. 196–206.
- Васильева С.П.* Представление о форме географических объектов в топонимической картине мира // Сибирский журнал науки и технологий. 2006. № 5 (12). С. 51–56.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: «Школа Языки русской культуры», 1998. 763 с.
- Голев Н.Д., Дмитриева Л.М.* Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) // Вопросы ономастики. 2008. № 5. С. 5–18.
- Голомидова М.В.* Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 263–278.
- Гордова Ю.Ю.* Актуальные способы обработки и представления ономастических данных: 2009-2019. М.: ЛЕНАНД, 2020. 128 с.
- Забелин Н.Ю.* *Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2007.* 202 с.
- Замятин Д. Н.* Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике. СПб.: Алетейя, 2020. 668 с.
- Корнева В.В.* Топонимические исследования в новой научной парадигме // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №1. С. 150–154.
- Королева И.А.* Топонимы как свернутый лингвокультурный код // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 8. С. 31–38.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Лобанов Е.М., Бахирев И.А., Сигаева Т.В., Кракович С.С.* Развитие планировочной и функциональной структуры улично-дорожной сети в Москве // Архитектура и строительство Москвы. 2008. Т. 540. № 5. С. 8–14.
- Найденова, Е.А., Бурлаков Ю.К.* Российский Север на московских улицах. М.: Московский дом национальностей, 2019. 224 с.
- Панкрухин, А.П.* Маркетинг территорий: учеб. пособие / А. П. Панкрухин. СПб.: Питер. 2006. 416 с.
- Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. / А. В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 192 с.
- Соколова Т.П.* Методические рекомендации по наименованию улиц в Москве. М.: Комитет общественных связей города Москвы, 2015. 64 с.
- Улицы Москвы. Старые и новые названия. Топонимический словарь-справочник. М.: Издательский центр «Наука, техника, образование», 2003. 336 с.
- Цюй Юе, Васильева Н.В.* Параметризация топонимического материала как основа построения обучающей базы данных «московская топонимика» // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. №4. С.20–29.
- Широкая Н.В.* Формирование улично-дорожной сети в Москве // Евразийский Союз Ученых, 2015. № 5–4 (14). С. 18–21.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.02.2021

Дата принятия к печати: 07.03.2021

Сведения об авторах:

Юе Цюй – Аспирантка сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН

Контактная информация:

125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1.

e-mail: yuequ0726@yandex.com

Для цитирования:

Юе Цюй Пространственный образ как носитель геокультурной и лингвокультурной информации (на материале обучающей топонимической базы данных «Московская топонимика») // Вопросы психолингвистики №1(47) 2021. С.148–159. DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-148-159

UDC 81’373.211

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-148-159

Research article

**SPATIAL IMAGE AS A CARRIER OF GEOCULTURAL
AND LINGUOCULTURAL INFORMATION
(A case study of the training toponymic database
“Moscow Toponymy”)**

Yue Qu

Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses spatial images preserved in the names of Moscow streets (hodonyms). The relevance of the multidimensional study of the Moscow spatial image is preconditioned by the necessity to add both linguocultural and geocultural data to the training toponymic database. Decoding spatial images through the prism of cross-cultural communication and urban anthropology contributes to a more complete disclosure of local culture specificity. The spatial image a name contains is associated with the toponymic picture of the nominator’s world that a culture-bearer can hardly decode without historical and linguistic-cultural knowledge. Using spatial features distinctiveness as a tool to analyze the group of selected toponyms, we have distinguished objectified and subjectified toponyms. It should be also noted that in the system of Moscow hodonyms, subjective spatial orientation can be implemented in various linguistic ways designated as space markers. Examples illustrating the main word-building and semantic markers of spatial localization are provided. In conclusion, all the features are summarized in the concept of a toponymic image that actually integrates linguistic, linguistic-cultural and geocultural parameters. From this perspective, for

the bearer of another linguistic culture, the transition of a purely spatial image to a toponymic image can be regarded one of the criteria to getting closer to the linguistic world image of the speakers of a studied language.

Keywords: spatial image, training toponymic database, mental space, linguistic-cultural and geocultural components, Moscow hodonyms, spatial markers

References

Apresian Ju. D. Izbrannye trudy. Tom II. [Selected works. Vol. 2]. Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1995. 766 s. (In Russian).

Bacherikova M. L. Imidzh territorii i faktory ego formirovaniia [Territorial image and its formation factors] / M. L. Bacherikova, I.M. Romanova / M. L. Bacherikova, I.M. Romanova // *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Business]. 2016, no.11 (ch. 4). S. 1105–1111. (In Russian).

Berezovich E.L. Russkaja toponimija v etnolingvističeskom aspekte: Prostranstvo i čelovek [Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect: Space and human]. Izd. 2, ispr. i dop. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 328 s. (In Russian).

Vasil'eva N.V. Gorodskie toponimy kak iazykovye markery “svoego” prostranstva [Urban toponyms as linguistic markers of “owning” the space] // *Acta humanitarica universitatis Saulensis*. Šiauliai: Šiaulių universitetas, 2020, no. 27. S. 196–206. (In Russian).

Vasil'eva S.P. Predstavlenie o forme geograficheskikh ob'ektov v toponimicheskoj karte mira [The form of geographical objects in toponymic picture of world] // *Sibirskii žurnal nauki i tekhnologii* [Siberian Journal of Science and Technology]. 2006, no.5 (12). S. 51–56. (In Russian).

Gak V.G. Iazykovye preobrazovaniia [Linguistic transformations], M., 1998. 763 s. (In Russian).

Golev N.D., Dmitrieva L.M. Edinstvo ontologičeskogo i mental'nogo bytiia toponimicheskoj sistemy (k problematike kognitivnoi toponimiki) [Ontological and mental existence of the toponymic system as integrated (on the problems of cognitive toponymy)] // *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. 2008, no.5. S. 5–18. (In Russian).

Golomidova M.V. Toponimicheskoe imidžirovanie gorodskikh prostranstvennykh ob'ektov [Toponymic imaging of urban spatial objects] // *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. 2020. T. 17. no 3. S. 263–278. (In Russian).

Gordova Ju.Ju. Aktual'nye sposoby obrabotki i predstavleniia onomasticheskikh dannykh: 2009-2019 [Current methods of processing and presenting onomastic data: 2009-2019]. M.: LENAND, 2020. 128 s. (In Russian).

Zabelin N.Iu. Moskovskaia gorodskaia toponimija. Strukturno-semantičeskii analiz toponimicheskoj sistemy [Moscow urban toponymy. Structural and semantic analysis of toponymic system]. Ph.D. thesis. Moscow, 2007. (In Russian).

Zamiatin D.N. Geokul'turnyi brending gorodov i territorii: ot teorii k praktike [Geocultural Branding of Cities and Territories: from theory to practice.]. SPb.: Aleteiia, 2020. 668 s. (In Russian).

Korneva V.V. Toponimicheskie issledovaniia v novoi nauchnoi paradigme [Toponymic research in the new scientific paradigm] // *Vestnik VGU. Serii: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2016. no.1. S. 150–154. (In Russian).

Koroleva I.A. Iazykovye i kul'turnye kontakty v rusko-beloruskom prigranič'e [Language and cultural contacts in the Russian-Belarusian border area] // *Aktual'nye problemy*

prigranichnykh raionov Belarusi i Rossiiskoi Federatsii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Vitebsk, 27 maia 2011 g.) [Actual problems of the border areas of Belarus and the Russian Federation. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Vitebsk, 2011. S. 261–264. (In Russian).

Kubriakova E.S. Iazyk i znanie [Language and Knowledge]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 560 s. (In Russian).

Lobanov E.M., Bakhirev I.A., Sigaeva T.V., Krakovich S.S. Razvitie planirovochnoi i funkcional'noi struktury ulichno-dorozhnoi seti v Moskve [Development of the planning system and functional structure street and road network in Moscow] // *Arkhitektura i stroitel'stvo Moskvy* [Architecture and construction] / Moscow. 2008, T. 540. no. 5. S. 8–14. (In Russian).

Naidenova E. A., Burlakov Yu. K. Rossiiskii Sever na moskovskikh ulitsakh [The Russian North on Moscow Streets]. M.: Moskovskii dom natsional'nostei, 2019. 224 s. (In Russian).

Pankrukhin A.P. Marketing territorii [Territory marketing]. SPb.: Piter. 2006. 416 s. (In Russian).

Podol'skaja N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Izd. 2-e. M.: Nauka, 1988. 192 s. (In Russian).

Sokolova T.P. Metodicheskie rekomendatsii po naimenovaniuu ulits v Moskve [Guidelines for naming streets in Moscow]. M.: Komitet obshchestvennykh svyazei goroda Moskvy [Public Relations Committee of the Moscow city], 2015. 64 s. (In Russian).

Qu Yue, Vasil'eva N.V. Parametrizatsiia toponimicheskogo materiala kak osnova postroeniia obuchaiushchei bazy dannykh «Moskovskaia toponimika» [Parameterization of toponymic material as a basis for building the training database “Moscow toponym”] // *Vestnik PNIPU. Problemy iazykoznanii i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin]. 2019, no. 4. S. 20–29. (In Russian).

Shirokaia N.V. Formirovanie ulichno-dorozhnoi seti v Moskve [Formation of the road network in Moscow] // *Evraziiskii Soiuz Uchenykh* [Eurasian Union of Scientists], 2015. no. 5–4 (14). S. 18–21. (In Russian).

© Yue Qu, 2021

Article history:

Received: 15.02.2021

Accepted: 07.03.2021

Bionotes:

Yue Qu – Postgraduate student, Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences

Contact information:

1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009

e-mail: yuequ0726@yandex.com

For citation:

Yue Qu Spatial Image as a Carrier of Geocultural and Linguocultural Information (A Case Study of The Training Toponymic Database “Moscow Toponymy”) // *Journal of Psycholinguistics* №1(47) 2021, P.148–159. (In Russian). DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-148-159

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-160-169

Научная статья

ОБРАЗ ВРАЧА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ¹

Цзя Шуюе

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются знания, связанные со словом-стимулом ВРАЧ в языковом сознании носителей китайского и русского языков. Сопоставление осуществляется на основе материалов свободного ассоциативного эксперимента с 823 носителями китайского языка, студентами из 162 университетов Китая. Русский материал для сопоставления взят из «Русского регионального ассоциативного словаря» [Уфимцева, Черкасова 2018]. В качестве инструмента анализа ассоциативного поля используется метод семантического гештальта Ю.Н. Караулова. Проводится статистический анализ полученных данных, описывается содержание и структура ассоциативного гештальта слова-стимула ВРАЧ, выявляются этнокультурные особенности представлений о профессии врача у китайцев и русских.

Ключевые слова: врач, языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, семантический гештальт, профессия

Введение

Изучение содержания обыденного языкового сознания носителя языка/ культуры предполагает рассмотрение значения слова как социокультурного феномена, как знания, содержание которого определяется особенностями культуры в ее текущем состоянии. Наиболее интересные данные можно получить при межкультурном сопоставлении на основе экспериментального материала. С начала 90-х годов XX века в Московской психолингвистической школе формируется «новая методологическая база для этнопсихолингвистических исследований: центральной проблемой становится изучение национально-культурной специфики языкового сознания...» [Уфимцева 2011: 206]. Содержание языкового сознания любого этноса может меняться во времени, но ядро языкового сознания (т.е. центральная его зона) всегда остается стабильным, оно принадлежит коллективному бессознательному.

На данный момент в Московской психолингвистической школе самым распространенным инструментом исследования этнокультурной специфики языкового сознания является свободный ассоциативный эксперимент. Данные массового свободного ассоциативного эксперимента с большим числом испытуемых (от 500 до 1000) представлены в виде ассоциативных словарей, что также является одним из

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Китайского гуманитарного научного фонда № 18BYU234 «Сопоставительное исследование китайско-русского языкового сознания и создание ассоциативного тезауруса», 2018-2022.

способов овнешнения образов сознания. Как пишет Е.Ф. Тарасов, «в ходе решения проблем языкового сознания были созданы и продолжают создаваться ассоциативные словари разных языков, которые дают возможность проводить сопоставления языкового сознания их носителей» [Тарасов 2006: 4]. Эффективный метод анализа содержания ассоциативного поля предложен Ю.Н. Карауловым, который рассматривал любое ассоциативное поле как семантический гештальт. Как отмечает Ю.Н. Караулов, «семантический гештальт представляет собой одну из структур, с помощью которых можно упорядочить состав ассоциативного поля» [Караулов 2000: 107–108].

Образ профессии – это многомерная система представлений, изменяющаяся во времени. Носители разных языков могут иметь разное представление об одной и той же профессии по причине различий в культуре и национальном менталитете. Название профессии – это языковой маркер, с которым связаны в языковом сознании представления. Данная статья посвящена психолингвистическому описанию и анализу образа врача «*医生*» в языковом сознании носителей китайского и русского языков по материалам свободного ассоциативного эксперимента. Мы предполагаем, что представления о профессии врача «*医生*» в языковом сознании носителей китайского и русского языков имеют как сходства, так и различия.

Ход эксперимента

В 2018 г. был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором в качестве слов-стимулов использовались названия профессий. В эксперименте приняли участие 823 китайских испытуемых – студентов разных университетов Китая: 334 мужчины и 489 женщин, для которых китайский язык является родным языком. Участники эксперимента обучаются на разных (более чем 200) специальностях. Список слов-стимулов включал 17 слов-названий рода деятельности и профессий: **врач, учитель, госслужащий, военный, журналист, художник, артист, рабочий, крестьянин, бизнесмен, полицейский, юрист, писатель, инженер, спортсмен, космонавт, ученый**. Опрос был проведен в письменной форме с помощью сети интернет. В ходе эксперимента всего было заполнено 900 анкет, из которых 823 были признаны пригодными для анализа, процент эффективности составил 91,4. Мы провели статистическую обработку полученных данных с помощью программы SPSS версии 19 и Microsoft Excel 2003. Русский материал был взят из «Русского регионального ассоциативного словаря» (ЕВРАС) [Уфимцева, Черкасова 2018].

Для анализа содержания ассоциативного поля нами используется модифицированный вариант семантического гештальта Ю.Н. Караулова (см. [Региональное... 2017]).

Выделяются шесть основных семантических зон ассоциативного гештальта: **субъект, объект, характеристика, действие, состояние, локус** (см. таблицу 1). В свою очередь, каждая зона ассоциативного гештальта подразделяется на субзоны. В зоне **субъект** выделялись две субзоны: *лицо, ассоциируемое со словом-стимулом и синонимы*. В зоне **объект** – *конкретные предметы, абстрактные предметы, ценности и эмоции*. В зоне **характеристика** – *положительная, нейтральная и отрицательная*.

Представим структурированные в соответствии с названными рубриками ассоциации нашего эксперимента на китайском языке и данные из «Русского регионального ассоциативного словаря» – гештальт ассоциативного поля стимула ВРАЧ «*医生*».

Таблица №1

Слово-стимул ВРАЧ «医生/» (данные в %)

ЗОНА/СУБЗОНА	КИТАЙЦЫ	%	РУССКИЕ	%
СУБЪЕКТ <i>Лицо, ассоциируемое с врачом</i>	Всего 199 病人/больной 75, 护士/медсестра 74, 白衣天使/ангелы в белом (медсестра) 18, 天使/ангел 11, 患者/пациент 7, 医患/врач и больной 3, 医闹/организация или физическое лицо, получившее незаконную выгоду в результате медицинского спора 2 190	27,0 25,8	Всего 252 хирург 42, терапевт 36, стоматолог 25, окулист 14, педиатр 11, гинеколог 10, дантист 6, дилетант 6, ЛОР 6, психолог 6, больной 5 специалист 5, медсестра 4, медик 3, я 3, дерматолог 2, нарколог 2, профессионал 2, психотерапевт 2, убийца 2, уролог 2, эндокринолог 2 196	60,3 46,9
<i>Синонимы</i>	大夫/лекарь 7, 医生/доктор 2 9	1,2	196 доктор 48, лекарь 8, 56	13,4
ОБЪЕКТ <i>Конкретные предметы</i>	Всего 268 白大褂/белый халат 66, 手术刀/скальпель 37, 白衣/белая одежда 16, 针/игла 12, 药/лекарство 10, 刀/нож 8, 红包/красные конверты 6, 血/кровь 4, 药品/медикаменты 3, 吊瓶/капельница 2, 黑钱/несправедливые деньги 2, 口罩/маска 2, 钱/деньги 2, 听诊器/стетоскоп 2, 注射器/шприц 2 174 手术/операция 77, 医患关系/отношение между врачом и больным 6, 疾病/болезнь 2	36,4 23,6	Всего 79 халат 25, шприц 5, белый халат 4 34	18,9 8,2
<i>Абстрактные предметы</i>	85 仁爱/гуманность и человеколюбие 3, 洁癖/чистоплотность 2, 生命/жизнь 2, 仁心/гуманность врача 2 9	11,6	болезнь 17, профессия 7 24 боль 6, здоровье 6, помощь 6, страх 3 21	5,7
<i>Ценности и эмоции</i>	9	1,2	21	5,0

<p>ХАРАКТЕРИСТИКА <i>Положительная</i> <i>Нейтральная</i> <i>Отрицательная</i></p>	<p>Всего 40 神圣/святой 4 4 白色/белый 20, 辛苦/ тяжелый 4, 累, усталый 3, 冷漠/безразличный 2, 忙碌/ занятый 2 31 恐怖/страшный 3, 危险/ опасный 2 5</p>	<p>5,4 0,5 4,2 0,7</p>	<p>Всего 43 хороший 10, добрый 5, отличный 2, умный 2 19 белый 9, лечащий 5, зубной 4, детский 2 в белом халате 2 22 плохой 2 2</p>	<p>10,3 4,5 5,3 0,5</p>
<p>ДЕЙСТВИЕ, СОСТОЯНИЕ</p>	<p>Всего 204 救人/спасать людей 53, 救死扶伤/спасать людей от смерти и оказывать помощь пострадавшим 42, 治病/лечить 36, 打 针/делать укол 28, 看病/ пойти к врачу 16, 生病/ заболеть 7, 治病救人/ лечить болезнь и спасать от смерти 7, 救命/ спасать от смерти 4, 吃 药/принимать лекарство 3, 治疗/лечить 3, 赚钱/ зарабатывать 3, 就诊/ обращается к врачу 2</p>	<p>27,7</p>	<p>Всего 20 лечит 10, лечить 7, лечение 3</p>	<p>4,8</p>
<p>ЛОКУС</p>	<p>Всего 26 医院/больница 24, 病房/ палата 2</p>	<p>3,5</p>	<p>Всего 24 больница 22, поликлиника 2</p>	<p>5,7</p>

Образ 医生/врача в языковом сознании китайцев и русских

При сравнении ассоциативных полей слов-стимулов 医生/врач у китайских и русских испытуемых мы отметили, что в них существуют 10 тождественных слов-реакций, в числе которых: 病人/больной (75,5), 护士/медсестра (74,4), 大夫/лекарь (7,8), 医生 доктор (2,48), 白大褂/белый халат (66,4), 注射器/шприц (2,5), 疾病/болезнь (2, 17), 白色/белый (20,9), 治病/лечить/лечит (36,7/10), 医院/больница (24,22). Эти слова-реакции указывают на то, что в языковом сознании носителей китайского и русского языков имеется сходство в восприятии образа врача.

В ассоциативных полях слова-стимула 医生/врач первые пять высокочастотных слов-реакций у китайских испытуемых встречаются всего 343 раза (46,5% от общего числа реакций). В том числе 手术/операция (77), 病人/больной (75), 护士/медсестра (74), 白大褂/белый халат (64) являются парадигматическими. У русских испытуемых первые пять реакций встречаются 198 раз (47,4% от общего числа реакций) (все парадигматические реакции).

Большая часть реакций у китайцев относится к субзонам *лицо, ассоциируемое с врачом* (25,8%), *действие, состояние* (27,8%) и *конкретные предметы* (23,6%). У русских – *лицо, ассоциируемое с врачом* (46,9%) и *конкретные предметы* (8,2%).

В субзоне *лицо, ассоциируемое с врачом* встречаются слова-реакции 病人/больной, 护士/медсестра как у китайцев, так и у русских. В целом, данная субзона у русских

испытуемых представлена значительно большим числом реакций, чем у китайцев; ср.: 46,9% у русских и 25,8% у китайцев.

Слова-реакции 病人/больной (75, 2-ой ранг) и 护士/медсестра (74, 3-ий ранг) являются у китайских испытуемых высокочастотными, входящими в ядро ассоциативного поля. А у русских испытуемых слова-реакции *больной* (5, 23-ий ранг) и *медсестра* (4, 30-ый ранг) входят в ближнюю периферию ассоциативного поля. У русских самые высокочастотные слова-реакции – *хирург* (42), *терапевт* (36), *стоматолог* (25), *окулист* (14), *педиатр* (11), *гинеколог* (10), *дантист* (6), *ЛОР* (6), *психолог* (6). Мы видим, что в сознании китайцев понятие ‘врач’ прежде всего связано с больным, а у русских – с разными врачебными специализациями. Другими словами, в образ врача китайцы включают и себя, а русские – нет. Из этого следует, что китайцы обращают внимание на людей, связанных с врачом, а русские уделяют внимание конкретным профессиям врача. Следует отметить, что в в субзоне *лицо, ассоциируемое с врачом* встречаются слова-реакции 白衣天使/ангелы в белом (медсестра) (18), 天使/ангел (11), относительно частотные только у китайских испытуемых. Следовательно, в образе сознания китайцев медсестра связана с врачом и оценивается как ангел.

К субзоне *синонимы* мы отнесли слова-реакции 大夫/лекарь, 医生/доктор у обеих групп испытуемых. С одной стороны, в языковом сознании носителей китайского и русского языков существуют синонимические ассоциации, особенно в языковом сознании русских. Слово-реакция *доктор* (48, 1-ый ранг) стала наиболее частотной в ассоциативном поле слова-стимула ВРАЧ у русских. С другой стороны, для китайцев и русских слова 大夫 (7) и *лекарь* (8) в настоящее время являются устаревшими. Так, в китайском языке Слово “大夫”, изначально появилось в феодальном обществе Китая и являлось обозначением титула (должности); позже врача стали называть “大夫/лекарем”, чтобы выразить ему уважение (для выражения почтительного отношения). Слово “лекарь” в русском языке представляет собой официальное название врача в Российской империи. Следовательно, в Китае и России слова-реакции “大夫” и “лекарь” имеют разные источники происхождения и отражают разные характеристики языкового сознания носителей китайского и русского языков.

Помимо этого, слово-реакция *доктор* имеет две семы: ‘врач’ и ‘доктор наук’ (высшая ученая степень и лицо, которому присуждена эта степень). Таким образом, в языковом сознании русских ‘врач’ – это также человек с высоким уровнем образования.

В субзоне *конкретные предметы* обнаруживаются и заметные различия, и определенные сходства у китайских и русских испытуемых. У русских и китайцев в этой субзоне представлены тождественные слова-реакции 白大褂/белый халат, 注射器/шприц, связанные с профессией врача. Можно предположить, что в языковом сознании носителей китайского и русского языков существуют общие атрибуты врача. При сравнении мы заметили, что в целом субзона *конкретные предметы* у китайцев представлена значительно большим числом реакций, чем у русских: 23,6% у китайцев в сравнении с 8,2% – у русских. Это значит, что китайские испытуемые имеют большее число атрибутов врача по сравнению с русскими. Например: у китайцев присутствуют такие реакции, как 白衣/белая одежда (16), 针/игла (12), 刀/нож (8), 血/кровь (4), 药品/медикаменты (3), 吊瓶/капельница (2), 口罩/маска (2)

и др. Подобные реакции в этой субзоне у русских отсутствуют. Одновременно мы отмечаем, что конкретные ассоциации, связанные с профессией врача, у китайцев богаче, чем у русских.

Слово-реакция 白大褂/белый халат (66, 4-ый ранг) входит в ядро ассоциативного поля у китайцев. Данное слово-реакция символизирует врача в сознании китайцев и является метонимической по своему характеру. Слово-реакция *белый халат* (4, 28-ой ранг) входит в ближнюю периферию ассоциативного поля русских. Необходимо отметить, что в субзоне **конкретные предметы** у русских встречается высокочастотное слово-реакция *халат* (25, 5-ый ранг), обозначающая униформу врача. Следовательно, такая принадлежность **врача**, как *халат*, занимает важное место в языковом сознании носителей китайского и русского языков.

В субзоне **абстрактные предметы** слово-реакция 疾病/болезнь встречается и у китайцев, и у русских. В целом данная субзона у русских испытуемых представлена не таким большим числом реакций, как у китайцев: 11,6% и 5,7% соответственно. Слово-реакция 手术/операция (77) входит в ядро ассоциативного поля китайцев с рангом 1. Это основная составляющая образа '医生/врач' в языковом сознании китайцев. Из этого следует, что современные китайские испытуемые обращают особое внимание на то, что делает врач, а русские мало уделяют внимание этому. В той же субзоне **абстрактные предметы** у русских также зафиксировано высокочастотное слово-реакция *профессия*, иными словами, в сознании русских *врач*, прежде всего, рассматривается как '*профессия*'.

У китайцев встречаются слова-реакции, связанные с общественными реалиями, к примеру, слова-реакции 医患关系/отношение между врачом и больным (6), 红包/красные конверты (6), 医闹/организация или физическое лицо, получившее незаконную выгоду в результате медицинского спора (2), 黑钱/несправедливые деньги (2), а у русских таких реакций нет. Необходимо отметить, что в настоящее время китайское общество переживает переходный период, и именно это влияет на профессиональную ценность и профессиональное поведение врача. Основные причины в определенной степени связаны с реальностью современной китайской социальной медицинской системы и снижением профессиональной грамотности врача в современном обществе Китая.

В субзоне **ценности и эмоции** мы не нашли схожих реакций у сопоставляемых групп испытуемых. В образе сознания русских слова-реакции *боль* (6), *здоровье* (6) и *помощь* (6) тесно связаны с врачом, а у китайцев в этой субзоне появились слова-реакции 仁爱/гуманность и человеколюбие (3), 医者仁心/гуманность врача (2), 生命/жизнь (2). Эти реакции отражают почтительное отношение к профессии врача, корни которого мы находим еще у Конфуция. Мысль о ценности /жэнь» '仁/жэнь' (гуманность) является ядром учения Конфуция, широко обсуждается в его работе «Лунь юй», и также рассматривается как критерий баланса между правдой и ложью, добром и злом. Конфуцианство полагает, что сущностью «仁/жэнь» '仁/жэнь' является любовь к людям. В медицине «仁/жэнь» '仁/жэнь', по сути, является своего рода долгом, которому должен следовать врач. Вышеупомянутые слова-реакции являются, таким образом, отражением традиционной культуры в сознании носителей китайского языка, а также говорят об уважении к профессии врача современных китайских испытуемых.

Несущественные различия в реакциях на слово-стимул 医生/врач мы находим в зоне «Характеристика» у китайских и русских испытуемых. В целом эта зона у русских представлена меньшим числом реакций, чем у китайцев: 10,3% и в сравнении с 5,4%. Положительная оценка у русских значительно выше, чем у китайцев (4,5% и 0,5% соответственно), а нейтральная и отрицательная ниже. В целом, носители китайского и русского языков позитивно относятся к профессии «врач». Следовательно, у этой профессии имеется позитивная ценность.

В субзоне *положительная характеристика* у китайцев и русских содержатся слова-реакции, отражающие положительную оценку врача, однако семантика этих слов несколько отличается. В сознании китайцев врач является *святым* (2), а у русских врач *хороший* (2), *добрый* (2), *отличный* (2) и *умный* (2).

В субзоне *нейтральная характеристика* слово-реакция 白色/белый (20, 9) присутствует как у китайцев, так и у русских.

В субзоне *отрицательная характеристика* встречается немного слов-реакций, связанных с негативной оценкой: в сознании китайцев врач является *страшным* (3) и *опасным* (2), у русских врач – *плохой* (2).

В зоне «Действие, состояние» у русских и китайцев имеются большие количественные расхождения в числе ассоциатов (русские – 4,8%, китайцы – 27,7%). В этой зоне ассоциативного гештальта слова-стимула «医生/врач» 医生/врач встречаются общие для испытуемых двух групп слова-реакции 治病/лечить/лечит (36/3, 10/7). Ассоциации 治病/лечить (36, 8-ой ранг) у китайцев и слова-реакции лечит (10, 11-ый ранг) и лечить (7, 15-ый ранг) у русских входят в ядро ассоциативного поля. Это значит, что китайцы и русские обращают внимание на содержание профессиональной деятельности. Слова-реакции *лечить* и *лечит* как формы глагола существует в этой зоне только у русских, а у китайцев таких реакций нет. В зоне «Действие, состояние» обнаруживаются заметные различия в ассоциациях у испытуемых двух групп. В целом, данная зона у китайцев представлена значительно большим числом реакций – 28,0%, чем у русских – 4,8%. Самое значительное различие заключается в том, что 救人/спасать людей (53), 救死扶伤/спасать людей от смерти и оказывать помощь пострадавшим (42) – уникальные китайские ассоциации на стимул «医生/врач» которые входят в ядро ассоциативного поля китайцев и имеют ранг 5 и 6. Следовательно, китайцы обращают существенное внимание на профессиональную деятельность врача, выражая веру в то, что врач 'всем сердцем и всеми помыслами служит народу'. В русском языковом сознании слово-реакция *лечение* связано с прагматическим представлением о враче.

Стоит отметить, что в этой зоне гештальта у китайцев встречаются реакции, отражающие не только профессиональную деятельность врача, но и действия больного. Например, ассоциации 打针/делать укол (28), 治病救人/лечить болезнь и спасать от смерти (7) – относятся к деятельности врача, а 看病/пойти к врачу (16), 生病/заболеть (7), 吃药/принимать лекарство (3), 就诊/обращаться к врачу (2) – к действиям больного. Слова-реакции в этой зоне у китайцев разнообразнее, чем у русских.

К зоне «Локус» для слова-стимула «医生/врач» мы отнесли общие для испытуемых двух групп слова-реакции 医院/больница и больница (24, 22). Ассоциация 医院/больница (24, 10-ый ранг) входит в ядро языкового сознания китайцев; аналогичным

образом ассоциация *больница* (22, 6-ой ранг) также входит в ядро языкового сознания русских. Следовательно, ‘医院/больница’ как рабочее место врача имеет занимает значительное место в языковом сознании носителей китайского и русского языков.

Выводы

Основываясь на проведенном анализе полученных экспериментальных данных, можно сделать вывод, что в языковом сознании китайцев и русских имеется схожее представление о профессии врача. Вместе с тем, между ними обнаруживаются и существенные различия. Так, семантические зоны **Субъект** (27,0%), **Объект** (36,4%) и **Действия, состояния** (27,7%) в ассоциативном гештальте слова-стимула ВРАЧ у китайцев более насыщенные, чем у русских, а в языковом сознании русских самое важное место занимает зона **Субъект** (60,9%).

Китайцы рассматривают врача, прежде всего, как человека, который носит белый халат и спасает людей; как человека, обладающего положительными профессиональными качествами. Для русских врач, в первую очередь, – это хирург, т.е. представитель одной из врачебных специальностей. И китайские, и русские испытуемые обращают внимание на профессиональные характеристики врача. Разница состоит в том, что китайцы особенно уделяют внимание людям и предметам, связанным с врачом и его профессиональной деятельностью, тогда как русские склонны видеть во враче, прежде всего, конкретного специалиста. Кроме того, такие реакции китайцев, как 白衣天使/ангелы в белом(медсестра), 天使/ангелы, 仁爱/гуманность и человеколюбие, 医者仁心/гуманность врача, указывают на уникальное представление о враче и встречаются только в анкетах китайских испытуемых, отражая национально-культурную специфику представления о враче в языковом сознании китайцев. В то же время в сознании русских ВРАЧ – это прежде всего спасатель. Стоит отметить, что образ врача в языковом сознании китайцев и русских в целом положительно окрашен, однако мы не можем игнорировать и некоторые отрицательные ассоциаты у китайцев, связанные с общественной реальностью.

©Цзя Шуюе, 2021

Литература

Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл., М.: Советский писатель, 2000. С. 107–108.

Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния. Коллективная монография под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: РФФИ-ИЯз РАН, 2017. 246 с.

Тарасов Е.Ф. Предисловие // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2006 (2). С. 4.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И.В.), 2011. М. 252 с.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС). Т. I. От стимула к реакции. М.: Московская международная академия, 2018. 560 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10.01.2021

Дата принятия к печати: 20.03.2021

Сведения об авторах:

Цзя Шуюе – Аспирант сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН

Контактная информация:

125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

e-mail: 1041487637@qq.com

Для цитирования:

Цзя Шуюе Образ врача в языковом сознании носителей русского и китайского языков // Вопросы психолингвистики №1(47) 2021, С.160–169. DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-160-169

UDC 81'23

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-160-169

**THE IMAGE OF A DOCTOR IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
OF NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN AND CHINESE**

Jia Shuyue

Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences

Abstract

The study of the content of the ordinary linguistic consciousness of a native speaker / culture bearer involves considering the meaning of a word as a socio-cultural phenomenon as knowledge whose content is determined by the characteristics of culture in its current state. The most interesting data can be obtained by cross-cultural comparison based on experimental material. The article examines the knowledge associated with the word-stimulus DOCTOR in the linguistic consciousness of native speakers of Chinese and Russian. The comparison is carried out on the basis of the materials of free associative experiment with 823 native Chinese speakers, students from more than 160 universities in China. Russian material for comparison is taken from the Russian Regional Associative Dictionary [Ufimceva, Cherkasova 2018]. The method of semantic gestalt by Yu. N. Karaulov is used as a tool to analyze the associative field. The obtained data have undergone statistical analysis, the content and structure of the associative gestalt stimulus word DOCTOR have been described, as well as ethnocultural features of the ideas about the profession of doctor among the Chinese and Russians have been revealed.

Keywords: doctor, linguistic consciousness, free associative experiment, semantic gestalt, profession

References

Karaulov U.N. Semanticheskij geshtal't associativnogo polja i obrazy soznanija [Semantic Gestalt of the associative field and images of consciousness] // Jazykovoe soznaniye: sodержanie i funkcionirovanie: XIII mezhdunar. simpozium po psiholingvistike i teorii kommunikacii: tez. dokl. [Language consciousness: content and functioning: XIII International symposium on psycholinguistics and communication theory: thesis of reports]. M.: Sovetskij pisatel', 2000. S. 107–108. (In Russian).

Regional'noe jazykovoe soznanie komi, russkih, tatar: problemy vzaimovlijanija [Regional linguistic consciousness of the Komi, Russians, and Tatars: problems of mutual influence]. Kollektivnaja monografija pod red N. V. Ufimcevoj. M.: RFFI-IJAz RAN, 2017. 246 s. (In Russian).

Tarasov E.F. Predislovie [Preface] // Voprosy psiholingvistiki [Questions of psycholinguistics]. M.: Institut jazykoznanija RAN, 2006. S. 4. (In Russian).

Ufimceva N.V. Jazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Language consciousness: dynamics and variability]. M., Kalyga: Institut jazykoznanija RAN (IP SHilin I.V.), 2011. 252 s. (In Russian).

Ufimceva N.V., Cherkasova G.A. Russkij regional'nyj associativnyj slovar' (EVRAS) [Russian Regional Associative Dictionary (EVRAS)]. T.1. Ot stimula k reakcii. M.: Moskovskaja mezhdunarodnaja akademija, 2018. 560 s. (In Russian).

©Jia Shuyue, 2021

Article history:

Received: 10.01.2021

Accepted: 20.03.2021

Bionotes:

Jia Shuyue – PhD Student Ethnopsycholinguistics Sector Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences

Contact information:

1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009

e-mail: 1041487637@qq.com

For citation:

Jia Shuyue The Image of a Doctor in the Linguistic Consciousness of Native Speakers of Russian and Chinese // Journal of Psycholinguistics №1(47) 2021, P.160–169. (In Russian). DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-160-169

РЕЦЕНЗИИ

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 336 с. – (Studia philologica.).

Рецензируемая монография представляет собой фундаментальный научный труд, выполненный в проекции наиболее актуального проблемного пространства современной гуманитарной парадигмы, прежде всего на пересечении дисциплинарных интересов психо- и социолингвистики. Вполне правомерно полагая, что геополитическая ситуация в мире, глобализационные процессы и социальная среда в современной России в совокупности самым серьезным образом воздействуют на процессы идентификации личности, на формирование такого миропонимания, которое коренным образом отличается не только от середины прошлого столетия, но и от периода даже двадцатилетней давности, автор работы, задаваясь вопросом о причинах и характере происходящих изменений в организации жизни социума, его целеустановках, ищет подходы, позволяющие выработать способы защиты социокультурной идентичности, доказывая, что именно психолингвистика является тем направлением в современном языковедении, которое способно сместить акцент в сторону смысла в качестве междисциплинарного объекта. В фокусе внимания оказываются две проблемы: система российского высшего образования с ее англификацией и информационной доминантой, подавляющей сегодня развитие национальной личности, а также построение и обоснование теоретической модели языка, которая, с одной стороны, дает представление о закономерностях вербализации смыслообразования у его носителей, а с другой необходима для анализа последствий социальной детерминации этих процессов, где системе образования принадлежит ведущая роль.

Главной целью работы является психолингвистический анализ модусов идентификации русской языковой личности, отражающих последствия социальных преобразований за последние десятилетия, в основу которого положен экспериментальный материал, а также данные включенного наблюдения и рефлексия. Методологической базой для интерпретации идентификационных процессов послужили основополагающие тезисы концепции А.А. Леонтьева, развитые в его работах о социальной природе деятельности, об этапах созревания личности и формах ее социальной детерминированности, а также о качестве мотивационной сферы личности и социальной среды.

В первой главе монографии, озаглавленной «**О методе**», автор обращается к инструментарию психолингвистики, к тем методам и приемам, которые позволяют проводить анализ активной грамматики и структуры языкового сознания молодежи, используя огромный массив ассоциативных данных, собранных в европейском, уральском и азиатском районах России и приводя весомые аргументы в пользу того, что интерпретация именно этой промежуточной системы, моделируемой с помощью ассоциативно-вербальной сети (АВС), дает доступ к актуальному содержанию этнического (народного) сознания как когнитивной *смысловой структуры*, которая складывается при *взаимодействии языковых, этнокультурных и цивилизационных процессов*, при их очевидной связи с *психическими (идентификационными, смыслообразующими по своей природе)* процессами.

Обосновывая положение о чрезвычайной актуальности изучения системности данного феномена психики, и, прежде всего, устойчивости и изменчивости (флуктуаций) процессов смыслообразования (и смыслоутратности), автор убедительно доказывает, что исследование системности, формирующейся под воздействием нового опыта,

современных социально-коммуникативных процессов, необходимо проводить в двух аспектах, не только с точки зрения языковой системности, но и этнокультурной и, подробно описывая саму АВС, демонстрирует алгоритм работы с ней, а также возможности использования информации, организованной в ассоциативных словарях, в практической деятельности.

Здесь же автор вводит центральное для ее концепции понятие *психоглосса*, описывающее смысловые образования, которые выявляются на основе частотных показателей сети ассоциативно-вербальных связей и могут соотноситься с соответствующими смысловыми доминантами (акцентуациями) языковой личности, позволяющими судить о целостности или противоречивости (чреватой смыслоутратностью) ее смысловой структуры, и представляет поэтапную процедуру выявления маркирующих цивилизационную идентификацию психоглосс на примере смысловой структуры ассоциативных полей «русский», «советский» и «российский», демонстрируя относительно устойчивую нейтрально-позитивную основу цивилизационной идентичности, которая может противостоять антисоветской (антирусской) истерии, с одной стороны, и выделяя зоны, отражающие смыслоутратность, с другой.

Вторая глава «Государственность и цивилизационная идентичность» посвящена конкретным проявлениям больших сдвигов цивилизационного плана, обусловленным влиянием информационно-технологической революции, ростом народонаселения, мобильностью и иными, в том числе геополитическими изменениями. Автор обращается к работам, где анализируются культурные драмы русского мира, проводя аналогии между событиями, происходившими в России в начале XX века и современным конфликтом между Россией и Украиной спустя столетие, описывая наблюдаемое сегодня *сужение сознания*, связанное с выбором в пользу *сужения поля культуры* на территории сегодняшней Украины и фокусируя внимание на вопросах идентификации, вставших перед общерусским миром в новых условиях на постсоветском пространстве. И вновь выводы, к которым приходит И.В. Шапошникова, обосновываются анализом экспериментального материала, представленного в СИБАС¹ и РАС² (Русский ассоциативный словарь), что делает их не просто достоверными, но весьма убедительными.

В третьей главе **«Мотивационная база реформы образования и социокультурная идентификация»** в ходе анализа реформы образования приводятся данные, свидетельствующие о перестройке мотивов участников образовательной деятельности, а также дается характеристика качества их мотивации, обусловленная *гуманитарной несостоятельностью исходных установок* реформы в научно-образовательной сфере. Подчеркивая однобокий, утилитарно-поверхностный характер мотивации проводимых реформ, результатом которых стало *отчуждение профессиональных сообществ от рычагов управления* организационно-устанавливающей и сущностной сторонами деятельности своих университетов (институтов) через рыночно-оптимизаторские уловки менеджеров, автор доказывает, что сегодня искусственно конструируется конкуренция с риском будущего удушения системы образования в регионах, так как вузы многих

¹ Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток (2008–2018) / Авторы-сост. И.В. Шапошникова, А.А. Романенко // URL: <http://adictru.nsu.ru>

² Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Чекасова. Т. 1–2. М., 1994–1998. URL: <http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php>

городов заведомо ставятся в невыгодные конкурентные условия с вузами столиц (в том числе и через ЕГЭ и «возможности» обучения после бакалавриата), что в итоге ведет к *кадровому оголению* и, как следствие, к разрушению регионального уклада жизни. Детально описывается: 1) идеал наших экономистов – человек, вынужденный мигрировать ради трудоустройства, превращающийся в раба неустойчивой экономической системы, которому не нужна ни Родина, ни традиционная идентичность, являющаяся для него препятствием на пути обретения экономического благополучия; 2) класс менеджеров, делающих карьеру на реформе и озабоченных только приданием товарного вида «продуктам» сферы «образовательных услуг», импортной упаковкой в западные «компетенции», формальным соответствием упаковки содержанию «товара», а целью всей этой деятельности является создание *рыночного человека (мигранта) под евроцентричную модель занятости* [Шапошникова 2017а].

Не менее важным кажется утверждение автора о лишь декларируемой доступности системы высшего образования, которая на деле оказывается фикцией, так как трудовая деятельность оказывается жизненной необходимостью для незащищенных слоев населения. Более того, не только молодые люди, но и преподаватели постоянно эксплуатируются на разных работах, мало отвечающих его профессиональным ориентирам, причем последние, помимо этого, вынуждены жить и в постоянном стрессе в силу навязываемых им западных стандартов с постоянным документооборотом переименований, (пере)аккредитаций, (пере)аттестаций, что усиливает репрессивную суть проводимой сегодня образовательной реформы.

И последний факт, на котором автор работы заостряет внимание, – это отсутствие образа человека будущего в нынешнем образовании. Она отмечает, что в настоящее время учат человека-потребителя, точнее *эгоиста-потребителя*, человека, чья ценностная структура опирается на собственнический инстинкт, человека, материально ориентированного на свои утилитарные *интересы*, причем такое направление обучения легло на благодатную почву, так как в нашей стране десятилетиями насаждался образ *потребителя гедонистического склада*, ценящего собственный гламурный досуг превыше всех социальных обязательств. И это *тушковая модель*, которая не только согласуется с мифом рыночного общества, но выгодна ему, так как формируемый в нынешних условиях тип человека – это нигилист, убивающий свою идентичность и культуру, человек, полностью противоположный человеку-гражданину, причем не гражданину мира, а гражданину России, который не дает никакой надежды и возможности стране идти вперед, к новым вершинам.

Выделив эти моменты, автор переходит к поискам путей выхода из создавшейся ситуации, который он видит в перестройке системы мотивов, возрождении культуры дискуссий в обществе и создании проекта человека, имеющего надличностные мотивационные ориентиры, иллюстрируя свои идеи экспериментальными данными, для чего проводится подробный анализ ассоциативных полей (АП) маркеров цивилизационной идентичности «советский, русский, российский».

Четвертая глава «Интересы и ценности в гражданской идентификации последних десятилетий» сфокусирована на общегуманитарной оценке ситуации в нашей стране в начале XXI века. Ученый дает глубокую характеристику ситуации социальной деградации сквозь призму православной культуры: *“На личностном уровне – безответственный, ценностно отстраненный, не вкладывающий свою идентичность в гражданские роли эгоцентрик-индивидуалист. На уровне коллективного сознания*

– народ как толпа при недостижимости общественного согласия. *Государство* – социально безответственное, минимизированное в интересах меньшинства. *Иного будущего* ожидать не приходится: финальный цикл истории завершается «последним человеком». Система образования в лучшем случае готовит кандидатов на эмиграцию в поисках «лучшей» жизни» (с. 58). Однако авторский прогноз нельзя назвать полностью пессимистичным: Ирина Владимировна видит выход в максимальном расширении социальной базы государства, создании условий для *укрепления социокультурной идентичности в процессе нового соединения интересов с ценностями*, что, по ее мнению, могло бы и сегодня, даже в нынешних критических условиях, затормозить социальную деградацию в обществе, включая систему образования, и стимулировать поиск согласия.

В связи с необходимостью выработки новых подходов к проекту личности нового типа, идентифицирующей себя как российский гражданин, И.В. Шапошникова обращается к ассоциативным данным разных словарей, показывая, что в русском языковом сознании отражен семантический запрос на новую идентификацию аналогично той, которая была зафиксирована применительно к коллективному идентификатору «народ». Однако вне контекстов ценностная структура выявленных в ходе анализа связей не очевидна, она может с полной достоверностью определиться только в дискурсивном (текстовом) анализе, в силу чего автор считает, что предпочтительное для гражданского общества смысловое поле должно постоянно детерминироваться социумом, наполняться и обогащаться новыми смыслами, и эта задача является одной из основных, тех, которые должны решаться в процессе социализации через систему образования. В противном случае это поле может минимизироваться и даже исчезнуть, уступив более напористым, навязанным циничной пропагандой (аналогично деятельности ИГИЛ или некоторых СМИ западных держав и их сателлитов) смысловым (ценностным) предпочтениям [Шапошникова 2018].

Особый интерес в **Главе пятой «Противоречия профессиональной идентификации русской языковой личности»** представляет собой анализ смысловых акцентуаций профессиональной идентификации, прежде всего, психоглосса, сформировавшаяся уже в последнее десятилетие XXI века и ассоциирующая понятие *невостремованности* не только со значимыми для профессиональной идентификации понятиями *работы, профессии, специальности, труда, кадров, образования, квалификации, учёбы, знаний, но и с будущим и образованием*. И это дает исследователю основания сделать вывод о смыслоутратности в сфере профессиональной подготовки, обусловленной спецификой «рыночного человекообразования» нового времени (с культивацией чисто экономического проекта человека, его редукцией к собственнику), и, следовательно, о драматическом характере противоречий в сфере мотивации современных молодых людей, определяемой ущербностью «рыночного» подхода, его недостаточностью для полноценных идентификационных личностных ориентиров, характерных для российского цивилизационного формата.

В **шестой главе «О языковой политике в научно-образовательной сфере»** автор обращается к широко обсуждаемой в профессиональном сообществе проблеме англофикации научно-образовательной сферы, которая тесно связана с этносоциокультурной идентификацией. Анализируя мотивационно-установочный механизм такой политики, И.В. Шапошникова констатирует, что в системе российского образования наблюдается затянувшийся гуманитарный кризис, связанный с вырождением государственности

на постсоветском пространстве [Шапошникова 2018]. При этом она подчеркивает, что данные различных словарей свидетельствуют об усилении национального акцента, о рефлексии над национальной спецификой, о существенном возрастании значимости языковых вопросов и чувствительности к ним в идентификации нового поколения молодых русских людей XXI века. Существующий между проводимой политикой англификации и мироощущением молодых людей антагонизм проявляется в оппозиции англо-американскому, и этот фактор становится одной из доминант идентификации языковой личности XXI века. В целом такая ситуация, по мнению исследователя, указывает на потенциально конфликтогенную смысловую зону в процессах социокультурной идентификации, которая еще больше провоцируется индифферентностью и даже нигилизмом элитарных групп по отношению к *системообразующим этнокультурным реалиям*, хроническим игнорированием реалий языковой ситуации в РФ (СССР).

Английский язык, как утверждает автор, был и остается иностранным языком для народов России, и он должен изучаться именно и только как **язык геополитического конкурента**, но не продвигаться административно-принудительными методами в качестве языка, имеющего свободное хождение и замещающего родные для жителей нашей страны языки.

Отмечая, что политика англификации грубо выталкивает своих граждан из поля родной лингвокультуры, национальной и гражданской идентификации, провоцируя отчуждение от профессиональной и национальной среды, И.В. Шапошникова привлекает внимание к уже сформировавшимся серьезным противоречиям и росту напряженности внутри российского общества и утверждает, что культивация отчуждения от собственного языка чревата серьезными последствиями, в частности, социальной дестабилизацией, деградацией научно-образовательной сферы, социальных механизмов передачи опыта, активацией конфликтогенных процессов на окраинах РФ.

В **седьмой главе «Человекообразование как цель: профессиональная идентификация учителя и ученого»** исследуются причины и последствия гуманитарных реформ, выразившихся, в частности, в десакрализации сферы образования, в превращении ее в «сферу услуг», что не позволяет в настоящее время решить проблему идентичности исключительно внутри системы образования, в силу чего эти вопросы должны стать вопросами для социальных структур всего общества. Как подчеркивает автор, отсутствие единой нравственной основы для профессиональной и личностной идентификации, неудовлетворенность потребностей в идентификации уже дорого обошлась нашему обществу, и если положение не будет исправлено, то ценность человека будет продолжать снижаться, а цивилизация в конечном итоге утратит свой человеческий ресурс.

Особое внимание в Главе 7 уделяется проблеме виртуализации сознания. И здесь автор солидарен с Н. Дойджем, доказывающим, что электронные средства меняют наш мозг и могут привести к перерождению человека и вырождению его деятельности.

В **восьмой главе «О языке в эпоху перемен»** обсуждаются вопросы, связанные с идентификацией смысла как объекта междисциплинарных лингвистических исследований, актуальности и возможности применения в ходе изучения ассоциативно-вербальных полей (АВП) методик, разработанных еще А.Р. Лурией, идей Ю.Н. Караулова. Автор детально рассматривает одну из возможных тактик разметки – выявление источников ассоциирования, влияющих, в конечном итоге, на состав и смысловую структуру ассоциативных полей, наглядно демонстрируя, что такой метод позволяет выносить

суждения о состоянии культуры пользования языком, причем этот феномен, т.е. культура, непосредственно зависит от видов деятельности, характерных для языкового сообщества.

Девятая глава «Системный анализ в междисциплинарной лингвистике: к разработке модели описания языка в учебных целях», представляет собой аналитический обзор отечественных и зарубежных работ, выполненный в целях разработки модели описания языка, которая будет пригодна для междисциплинарных лингвистических исследований, учитывающих новые знания, полученные в последние десятилетия разными науками о человеке. В нем затрагиваются основополагающие вопросы онтогенеза, филогенеза речевой способности и формирования сознания (модели мира) у человека. Автор сравнивает отечественные сетевые модели языкового сознания русской языковой личности с другими когнитивными, преимущественно сетевыми, моделями, выявляя преимущества отечественных, суть которых заключается в возможности их применения не только к описанию собственно вербально-грамматических ресурсов языка, но и к исследованию содержательных процессов идентификации. Ассоциативный экспериментальный подход позволяет снимать информацию с живого, подвергнутого определенной социальной детерминации языкового сознания в отличие от сетевых моделей, базирующихся на иных принципах (например, искусственных нейронных сетей и др.).

В **Заключении** подводятся основные итоги, подчеркивается, что современные ассоциативно-вербальные базы данных располагают материалом, используя который, исследователь, соблюдая ограничения, накладываемые природой используемого метода, может соотносить языковые факты с процессами идентификации языковой личности. И.В. Шапошникова делает акцент на значимости моделирования идентификационных процессов русской языковой личности, что обусловлено необходимостью проведения комплексных гуманитарных экспертиз, позволяющих выявлять важнейшие для общества проблемы, и фокусирует внимание на том, что сегодня в ходе синхронно-диахронного анализа новых экспериментальных данных выявляются психоглоссы, позволяющие ставить вопрос о стратегических просчётах реформы образования, специфике неустранённых на мотивационном уровне противоречий в социокультурной, гражданской и профессиональной идентификации.

Статистический анализ исследованного материала отражен в приложении к монографии, где приводится статистика интенсивной и экстенсивной разработки смысловых структур ассоциативных полей ряда значимых для идентификации русской языковой личности единиц ассоциативно-вербальной сети, выводятся психоглоссы разного порядка, таблицы сопровождаются комментариями. Эти материалы содержат результаты сравнительно-сопоставительного анализа ассоциативных данных из трех-четырех источников, в которых фиксируются данные разных десятилетий второй половины XX и начала XXI века (до 2014 года).

Монография И.В. Шапошниковой является не просто научным исследованием, выполненным на высочайшем научном уровне, но и отражением позиции ученого-гражданина, подкрепляемой экспериментальными данными. И в этом случае, как представляется, автор следует правилу, сформулированному выдающимся русским и советским хирургом, писателем и общественным деятелем Ф.Г. Угловым: «Люби Родину. И защищай ее. Безродные долго не живут» [Углов... [http](http://)]. И ее беспокойство, вызванное современной ситуацией, определяется искренней любовью к своему народу, частью

которого она себя ощущает, и искренним желанием, чтобы наш народ не только жил долго, но и жил в процветающей стране, где каждый понимает, что он – Гражданин, а не банальный потребитель материальных благ.

Данное исследование представляет огромный интерес не только для психолингвистов и лингвистов-когнитологов, но и для специалистов, работающих в самых разных сферах гуманитарной науки.

Литература

Углов Ф.Г. Человеку мало века [Электронный ресурс.] URL: <http://www.uglov.tvereza.info/knihi/cmiv/12.html> (дата обращения: 6.03.2021).

Шапошникова И.В. Мотивационная база реформы образования и профессиональная идентификация русской языковой личности // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4(34). М.: Институт языкознания РАН; ММА. С.124–145.

Шапошникова И.В. К вопросу о языковой политике в научно-образовательной сфере // Вопросы психолингвистики. 2018а. № 1(35). М.: Институт языкознания РАН; ММА. С.173–191. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-173-191.

Шапошникова И.В. Психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентификацию российских студентов (по материалам массовых ассоциативных 129 экспериментов) // Сибирский филологический журнал. – 2018б. №3. С. 255–273. DOI 10.17223/18137083/64/23.

И.А. Бубнова

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой зарубежной филологии
ГАОУ ВО МГПУ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук
и Российский университет дружбы народов
28-29 мая 2021 г.
проводят Международную конференцию
«ЖИЗНЬ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРЕ И СОЦИУМЕ-8»

Основная проблематика

- Языковое и неязыковое сознание: проблемы онтологии и гносеологии
- Онтологические и гносеологические аспекты формирования профессионального образа мира
  - Динамика и вариативность языковой картины мира (обыденного языкового сознания) современных носителей русского языка/культуры
  - Конфликтотенные элементы современной языковой картины мира
  - Психолингвистический анализ медиаконтента в мультимодальном аспекте.
  - Детская речь и онтогенетический аспект формирования профанного (обыденного) образа мира
  - Речевое общение: проблемы анализа
  - Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика
  - Текст, претекст, интертекст, гипертекст: проблемы анализа
  - Ценности современной России в психолингвистических исследованиях

Приветствуется организация круглых столов и мастер-классов. Соответствующие заявки принимаются **до 1 апреля 2021 года**. Круглый стол будет включен в программу конференции при условии участия в нем не менее пяти человек.

Условия участия в конференции

До **1 апреля 2021 г.** необходимо предоставить в оргкомитет *заявку* на участие в конференции (см. приложение) и *материалы* для публикации (тезисы) по адресу zhizn-jazyka@yandex.ru.

Убедительная просьба посылать заявку и тезисы **ДВУМЯ** отдельными файлами в **ОДНОМ** письме (Иванов_заявка, Иванов_тезисы), указав в теме сообщения свою фамилию (Иванов).

Тел. для справок: +7(495) 690-14-64 (отдел психолингвистики). Сборник материалов планируется издать к началу конференции. Рассылка печатной версии сборника не предусмотрена: заочные участники получают pdf-версию сборника по электронной почте после проведения конференции.

Редколлегия журнала «Вопросы психолингвистики» поздравляет с
воих коллег **Наталью Владимировну Уфимцеву** и **Ирину Юрьевну Марковину**
с избранием в члены Правления Международной ассоциации по прикладной
психолингвистике (ISAPL) и приглашает всех желающих принять участие
в XII Международном конгрессе ISAPL.

**Online 12th ISAPL International Congress, 2021, 11th Circular,
hosted by Universidade de Aveiro (Portugal)**

12th ONLINE ISAPL INTERNATIONAL CONGRESS, 3rd-5th June, 2021

organized by the
INTERNATIONAL SOCIETY OF APPLIED PSYCHOLINGUISTICS
(ISAPL)

hosted by the
Universidade de Aveiro (Portugal)

11th Circular

**NEW PERSPECTIVES IN PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH:
LANGUAGE, CULTURE, TECHNOLOGIES**

WELCOME

Dear Colleagues,

Due to the worsening of the Covid-19 pandemic, whose effects, despite the mass vaccination, which has already started in many countries, extending beyond the year 2021, we were forced to suspend the presence in person at the 12th ISAPL International Congress, at the University of Aveiro, in Portugal. Instead, we will hold the same Congress, **online**, from **3rd to 5th June, 2021**, following the example of similar International Associations, still under the auspices of the University of Aveiro, in Portugal, which continues to give its full support.

As a result of the election of Isapl's new Board of Directors, as well as the new Council Advisors, at the online Extraordinary Meeting of March 1, 2021, they all join the 12th ISAPL International Congress Boards and Scientific Committee, which, of course, will guarantee its success. The Isapl's new Board of Directors and Council Advisors names are: President:

Prof. Marcus MAIA (Brazil); Vice-president: Dr. Jacques COULARDEAU (France); Vice-president Advisors: Prof. Kirsten HUMMEL (Canada); Prof. Heidemarie SARTER (Germany); Prof. Natalia UFIMTSEVA (Russia); Secretary-Treasurer: Prof. Rosângela GABRIEL (BRAZIL); Secretary-Treasurer Advisor: Prof. Angela Maria Vieira PINHEIRO (Brazil); Board of Directors Advisors: Prof. Simona ANASTASIO (France); Prof. Penka ILIEVA-BALTOVA (Bulgaria); Prof. Mônica ZIEGLER (Argentina).

The special emphasis topic of the Congress is on NEW PERSPECTIVES IN PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH: LANGUAGE, CULTURE, TECHNOLOGIES, having in view what Cultural and Applied Psycholinguistics can offer for the benefit of our contemporary world.

In the 10th Circular, the main subject is the voting procedures for electing the new ISAPL Board and four Council Members.

Universidade de Aveiro (UA), Portugal continues giving full support to the 12th ISAPL International Congress, namely, the Departamento de Línguas e Culturas. Site: <https://www.ua.pt/>

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COMMITTEE

Prof. Dr. Penka BALTOVA (Bulgaria), ISAPL Vice-President (2008-2010), ISAPL Council Advisor (2021-2024)

Dr. Jacques COULARDEAU (France), ISAPL Elected Vice-President (2021-2024)

Prof. Rosângela GABRIEL (BRAZIL); ISAPL Elected Secretary-Treasurer (2021-2024)

Prof. David GOTSIRIDDZE (Georgia), 11th ISAPL Congress President and ISAPL Council Advisor (2021-2024)

Dr. Otilia Lizete HEINIG (Brazil), ISAPL Council Advisor (2013-2019)

Prof. Kirstin HUMMEL (Canada), ISAPL Vice-president, 2013-2016, ISAPL Council Advisor (2021-2024)

Prof. Marcus MAIA (Brazil), ISAPL Elected President (2021-2024)

Dr. Amelia MANUTI (Italy), 9th ISAPL Congress Secretary, ISAPL Council Advisor (2016-2019)

Prof. Giuseppe MININNI (Italy), ISAPL Vice-president, 2013-2016, 9th ISAPL Congress President

Dr. Natela MOSIASHVILI (Georgia), 11th ISAPL Congress Secretary

Angela Maria Vieira PINHEIRO (Brazil), ISAPL Council Advisor (2021-2024)

Prof. Maria Antonietta PINTO (Italy), ISAPL Interim Vice-President, July 21, 2014

Prof. Maria da Graça PINTO (Portugal), 5th ISAPL Congress President and ISAPL Honorary Member

Prof. Heidemarie SARTER (Germany), ISAPL Vice-President, 2011-2013, ISAPL Council Advisor (2021-2024)

Prof. Emeritus Dr. Leonor SCLIAR-CABRAL (Brazil), The International Seminar on Psycholinguistics' organizer, 1993 and ISAPL Honorary Member

Prof. Stefania STAME (Italy), 4th ISAPL Congress President and ISAPL Honorary Member.

Prof. Natalya V. UFIMTSEVA (Russia), ISAPL Vice-president, 2013-2016, 10th ISAPL Congress President and ISAPL Elected Vice-President (2021-2024)

Dr. B. E. WONG (Malaysia), ISAPL Council Advisor (2013-2019)

**ONLINE 12th ISAPL INTERNATIONAL CONGRESS ORGANIZING
COMMITTEE**

Prof. Rosângela GABRIEL
Prof. Marcus MAIA
Prof. Maria Teresa ROBERTO
Angela Maria Vieira PINHEIRO
Prof. Maria da Graça PINTO
Prof. Leonor SCLIAR-CABRAL
Prof. João TORRÃO
PhD student Douglas de Araújo VILHENA

**CONGRESS GENERAL TOPIC
NEW PERSPECTIVES IN PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH:
LANGUAGE, CULTURE, TECHNOLOGIES
CONGRESS SPECIAL THEMES (SECTIONS)**

Language and cognition
Speech comprehension and production. Reading and writing
Language acquisition. Foreign language learning
Bilingualism and multilingualism
Awareness, emotion, memory in communication
Language disorders and speech pathologies. Phonoaudiology
Psycholinguistics and manipulation: Language and power. Political discourse
Language and Education. Psychopedagogy of language. Persuasion in communication
and education
Language and social context. Discourse analysis. The dialogue
Psycholinguistic methodology for the analysis of literary texts
New problems of reading/writing posed by computer. Effects of “navigating” on
computer (Internet)
Psycholinguistics perspective of Mass Media (MM). Ethical/negative effects of MM
communication
Electronic progress as supported by Psycholinguistics
Culture and society effects on language
Transnational/transcultural problems in modern society
Ecology and language
Varia (please propose other possible themes with arguments)

You can still submit an abstract.

Regular session

Write your abstract in English, though Portuguese, Italian, French or Spanish are accepted, **no more than 500 words**) and the title (**no more than 10 words**) on the ‘Online 12th ISAPL Congress SUBMISSION FORM’, at this Circular end. The topic should be framed in one of the **special Congress themes** listed above. Send back the fulfilled form to the e-mail indicated in the Form. Each individual free session presentation will take 15 min + 5 min. for discussion

As a result of the 12th ISAPL International Congress new dates, the deadlines for registration at the Congress were changed, as shown in the table below.

The deadline for submission of abstracts is **April 30, 2021 (See the bellow Form, Submssion Form)**.

Registration for the Congress and respective payments will be made through the official ISAPL bank account to be open by the elected Treasurer-Secretary in Brazil, which will be announced. Below, the values, which were reduced due to the Covid-19 pandemic consequences.

Pay attention to the new deadlines:

Early Registration (May 1 st 2021)		Late registration (MAY 15 th 2021)		Last registration (JUNE 3 rd 2021)	
Isapl members	Non members	Isapl members	Non members	Isapl members	Non Members
20 €	30 €	30 €	40 €	50 €	70 €

Students have 50% discount, but for getting it, they must add their institution attesting.

For you to register as a member of ISAPL, which we strongly encourage (see the form **APPLICATION FOR MEMBERSHIP** at the end of the circular), you are temporarily exempt from paying the fees, until the new Bank account is open in Brazil.

SUBMISSION FORM

12th ISAPL **Online** International Congress, June 3rd-5th, 2021

Submitter Information

First name:

Middle name:

Surname:

Address home or affiliation (name of Avenue, Road, Street, etc. and number):

City:

State:

(Province):

Zip Code:

Country Name and code:

Work Phone (Country code, area code, number):

Home Phone Number:

Fax if any:

e-mail:

Activity

Regular Session ( )

Title (about 10 words maximum):

Abstract (up to 500 words)

Congress Session Theme:

Language of presentation: English ( ) Portuguese ( ) French ( ) Spanish ( ) Italian ( )

Please, send to e-mail: leonorsc20@gmail.com

The enclosed forms must be returned to **leonorsc20@gmail.com** no later than **April 30, 2021**.

How to join ISAPL

APPLICATION FOR MEMBERSHIP

(Fulfill with printed letters)

NAME.....

TITLE: Prof. ( ) Dr. ( ) Assoc. Prof. ( ) Student (Specify) ( ) Other ( )

INSTITUTION.....

ADDRESS.....

.....

.....

PHONE.....

E-MAIL.....

HOME ADDRESS.....

.....

.....

PHONE.....

E-MAIL.....

MAIN PROFESSIONAL ACTIVITY.....

.....

PUBLICATIONS.....

.....

.....

CITY, DATE AND SIGNATURE.....

.....

You are temporarily exempt from paying the fees, until the new Bank account is open in Brazil.

Sent to: leonorsc20@gmail.com

Вышел из печати двухтомник:

Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) (Европейская часть России).

Том I. От стимула к реакции М.: Московская международная академия, 2018. – 560 с.

Том 2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. – 704 с.

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) – словарь, созданный по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ. Испытуемыми по традиции были студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Сыктывкара, Ростова-на-Дону, Владимира, Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, Ульяновска в возрасте от 17 до 25 лет с родным языком русским – всего около 5500 человек. Эксперимент проводился с группами испытуемых в письменной форме с помощью анкет, которые включали 100 слов-стимулов из списка 1000 наиболее частотных слов русского языка с некоторым числом «экспериментальных» стимулов. Авторы сознательно включили в список 700 слов-стимулов из списка стимулов Русского ассоциативного словаря, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании русских в начале XXI века.

ЕВРАС включает Прямой словарь – от стимула к реакции (40,5 а.л.) и Обратный словарь – от реакции к стимулу (55,5 а.л.).

Словарь предназначен для широкого круга пользователей: ученых лингвистических и нелингвистических специальностей, студентов, изучающих русский язык в России и за ее пределами, преподавателей и всех, кто интересуется живым русским языком.

Ассоциативный словарь может найти практическое применение в области журналистики, социального проектирования, рекламной и иных сферах гуманитарной деятельности, где востребованы знания о русском языке и культуре его носителей.

Заказать словарь можно в ММА:

телефон +7(495) 616-43-23, e-mail: info@mmamos.ru

и в секторе этнопсихолингвистики Института языкознания РАН.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ: СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Вашунина. Ред. колл.: Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. – М.: Институт языкознания РАН, 2020. – 206 с.

Коллективная монография содержит результаты исследований, выполненные за счет гранта РФФИ (проект № 18-012-00652 «Креолизованный текст как средство управления языковым сознанием: теоретико-экспериментальное исследование») в Институте языкознания РАН.

Издание предназначено лингвистам, культурологам, преподавателям вузов и аспирантам по профилю психолингвистика.

Приобрести монографию можно в Отделе психолингвистики ИЯз РАН.
Тел.: (495) 690-14-64, e-mail: vashunina@yandex.ru

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

СОЗНАНИЕ. ЯЗЫК. МОЗГ КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Сознание. Язык. Мозг. Коллективная монография / Под ред. Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. – М.: Институт языкознания РАН, 2020. – 180 с.

Проблема соотношения языка, сознания и мозга раскрывается с разных сторон: поднимаются вопросы истории научных поисков и методологии исследований, предпринимается метатеоретический анализ различных подходов к объяснению функционирования сознания и мозга, рассматриваются различные аспекты мозговой локализации функции речи. Коллективная монография состоит из двух разделов, в которых представлены историко-методологические и эмпирические исследования. Авторы проблематизируют возможность картирования функции речи в мозге, демонстрируя ее сложное строение, ее многоканальность и полисенсорность.

Для лингвистов, психологов, специалистов по нейронаукам.

Приобрести монографию можно в Отделе психолингвистики ИЯз РАН.

Тел.: (495) 690-14-64, e-mail: zhuravlev@iling-ran.ru

